

У Р А Л Ь С К И Й 1 • 2006
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**ПОСЛЕДНЕЕ
ПРИСТАНИЩЕ
АЛИ-БАБЫ**

**ПОКЕМОНЫ
НЕ СДАЮТСЯ**

**КРОВАВАЯ
БОЙНЯ
НА ИСЕТИ**

**ЖИВА ЛИ ЕЩЕ
ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ**

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- **НАСЕЛЕННЫЕ пункты**
- **НАСЕЛЕННЫЕ пункты**
- Турбазы
- Экскурсионные объекты
- Гостиницы
- Ночлеги

- Пруды и озера
- Реки
- Родники
- Горы

- Автобусом
- Пешком
- Внеплановые экскурсии
- Запасная трасса

Главный редактор
Максим Фирсов

Редактор раздела
«Река времени»
Юний Горбунов
Редактор раздела «Аэлита»
Петр Родимов
«Встречный ветер»

Редактор
Александр Челноков
зам. редактора
Маша Раскольников
Художественный редактор,
верстка

Юлия Ульянова
Дизайн обложки:

Андрей Бордаков
Корректор

Валентина Медведева
Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель:

ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редационный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Станислав Мешавкин

Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор

заслуженный врач России

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотип и название журнала.

Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

Цена по подписке 36 рублей.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (3432) 57-36-62

Подписано к печати 20.01.2004 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ

Отпечатано в типографии ГУП СО
«Сухоложская типография»

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,

ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:

(3432) 574-501, 573-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 1 2004

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

И. ПЛОТНИКОВ. Под чужим именем..... 2

Легенды и были

Л. ЗАВАРЗИН. Коренная фамилия..... 7

В. ИЩЕНКО. Привидения живут на Гумешках..... 8

В. СУРЕНКОВ. Айсылу – цветущая луна..... 13

По следам бажовских сказов

А. ЧЕРНОСКУТОВ. Тягино подарение..... 10

Юбилей

КРАТКАЯ ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА П. П. БАЖОВА..... 15

Самым маленьким

КРОССВОРД. Знаете ли вы сказы Бажова?..... 17

Версия

В. СМИРНОВ. Екатеринбург: год рождения 1704-й?..... 66

В мире прекрасного

В. БУЛАВИН. Принц из рода Валуа?..... 78

АЭЛИТА

Переводы современной поэзии

RICK PATRICK. Стихи. Перевод А. МЕЛЬНИКОВА..... 18

Современная проза

Э. ГРАЧЕВ. Один день из жизни предпринимателей..... 24

Фантастика

В. НИКОРА. Наследник..... 26

С. ЭСТ. О смелом парне будет речь..... 51

Юмор

Л. СЕМЕЙКИНА. До зеленых верблюдов..... 41

Современная поэзия Урала

С. МЕДОВЩИКОВ. Стихи..... 64

Наш гость

С. ЧЕКМАЕВ. Дотла..... 75

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Школа юного журналиста

А. ЕВСТИГНЕЕВА. Юные путешественники покоряют леса..... 22

Семейный туризм

В. БУЛАНОВ. Наказание путешественником..... 34

Туристские байки

Про ботинки и пиратов..... 37

Человек в экстремале

М. РАСКОЛЬНИКОВА. Траверс на снегоходах..... 38

А. КУРОЧКИН. Случай в Заполярье..... 72

Записки очевидца

А. ПОГОЛЬСКИЙ. Роман лица и шага..... 42

Уральские тропы

Д. ЕЛИН. Практика в охотхозяйстве..... 46

История альпинизма

В. ШУМКОВ. Мы тоже были молодыми..... 57

Советы специалиста

ОПАСНОСТИ ЗИМНЕГО МАРШРУТА..... 70

КОЛОНОККА РЕДАКТОРА

**Вот закончится
жизнь...**

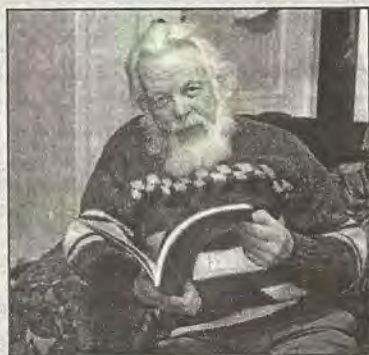
В этом номере журнала, среди прочих юбилейных публикаций, мы печатаем краткую хронику жизни и творчества П.П.Бажова. Она начинается с января, когда родился Павел Петрович, и заканчивается декабрем, когда писателя настигла смерть. Впечатление такое, что и вся-то его биография, весь-то обозримый и видимый глазу творческий путь уложился в 53 недели одного года!

Но неторопливое и внешне бесстрастное время все расставляет по своим местам. Нужно было пройти веку да еще и с четвертью, чтобы мы с вами поняли, что в лице Павла Петровича Бажова имеем ценность вечную, неохватную взглядом даже целого столетия. И таким муравьиным мельтешением на фоне величия бажовских сказов видятся факты его биографии, некогда такие значительные, вызывающие споры, толки, умолчания: участие Бажова в событиях Гражданской войны, исключение из рядов ВКП(б)...

Так и хочется воскликнуть словами поэта: вот закончится жизнь – и тогда уж начнется!

Но знаем мы и другое: НЕЧТО из ничего не появляется. А потому так весом и значителен каждый штрих биографии Бажова: ведь где-то она кроется, эта непостижимая тайна его сказов.

А может быть, в непостижимости и заключена вся прелесть тайны?

Юний Горбунов,
редактор раздела «Река времени».

Иван ПЛОТНИКОВ

Иван Федорович Плотников, заслуженный деятель науки РСФСР, академик, доктор исторических наук, профессор. Главная его тема – Гражданская война на Урале. А время это многолико и драматично. И.Ф. Плотников, исследователь достойный и самостоятельный в суждениях, стал автором капитальных трудов: книг об А.В. Колчаке, о гибели царской семьи на Урале. Органично вошел он и в бажовскую тему, став участником «Бажовских энциклопедий», сборника «Неизвестный Бажов» и других изданий. В очерке «Под чужим именем» отражены малоизвестные страницы жизни писателя.

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ
(П.П. Бажов в годы
Гражданской войны)

Учитель Кирибаев

На одном из митингов 1905 года в Екатеринбурге, рассказывал П.П. Бажов в кругу родных, его познакомили с Я.М. Свердловым. Знакомивший его приятель, уже вовлеченный в активную политическую жизнь леворадикалов, охарактеризовал Бажова, как «очень своеобразного чудака, который рассчитывает, что рабочему классу помогут старообрядческие толстосумы».

Этот эпизод свидетельствует о том, что довольно долго, а не вдруг подходил Павел Петрович к революции, к большевизму. Иллюзии насчет бескорыстия промышленников в отношении массы низов населения в его воззрениях в дальнейшем выветрились. Сознание Бажова политизируется, и он, в годы Первой мировой войны, работая в уездном городе Камышлове, сближается с эсеровской организацией, примыкает к ее левому крылу, которое в конце 1917 года оформилось в самостоятельную партию левых социалистов-революционеров. По некоторым данным, Бажов был ее членом, хотя в 1933 году, будучи преследуемым за принадлежность к эсерам, он утверждал, что в их партию не входил. Выяснить этот вопрос не удастся, ибо никаких документов не сохранилось.

Октябрьский большевистский переворот П. П. Бажов поддержал, активно включился в советское строительство и 1 сентября 1918 года вступил в РКП(б). Он участвует в формировании первых полков Красной Армии в Зауралье. Редактирует дивизионную газету «Окопная правда». Ста-

Павел Петрович Бажов.

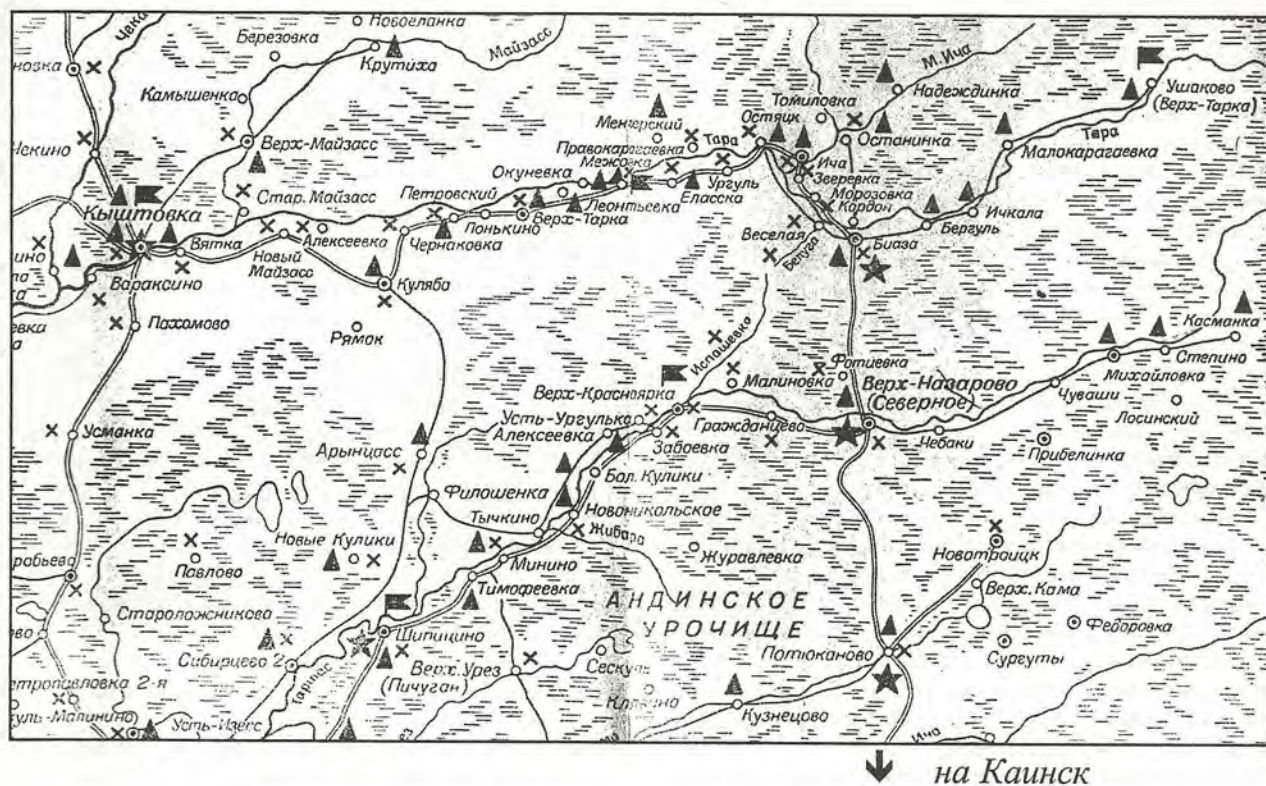

Схема партизанского движения
в северных волостях Тарского, Татарского и Каинского Уездов. (1918-1919). Фрагмент.

новится секретарем партиячки в штабе дивизии и заведует политотделом этого соединения. Словом, П.П. Бажов – видный военный политработник. В «лоно коммунизма» его, как и многих других, в том числе и прежних его противников, толкнули обстоятельства, сложнейшая историческая ситуация, резкое размежевание активных политических сил и, конечно, сочувствие бедноте. Во всяком случае, мы можем быть благодарными тому, что в 30-е годы Бажов, преследовавшийся по политическим мотивам, избежал гибели благодаря приобщению в послеоктябрьский период к большевизму и получил возможность стать выдающимся, оригинальнейшим писателем.

Из района боевых действий Бажов писал семье в Камышлов: «Валянушка, родная моя, хорошая, дорогая! Ребята! Где вы все? Трудно, оказывается, быть политическим работником, оставив в таких условиях семью. Но и для своих, и для чужих ребят не могу согласиться, чтобы опять допустить владычество проклятого денежного мешка. Его свалить – ничего не жаль».

Осенью 1918 года 29-я дивизия, как и другие соединения 3-й армии, вела тяжелые бои с белыми. Из районов Среднего Урала она отступала на северо-запад, к Перми. Против 3-й, а также 2-й армий красных сражалась Екатеринбургская группа Сибирской армии. На ее правом, северном фланге дей-

ствовал 1-й Средне-Сибирский корпус генерала А. Н. Пепеляева. В те дни для белых дела складывались благоприятно. Боевой дух солдат и офицеров был достаточно высоким. В ночь на 25 декабря белые заняли Пермь, нанеся красным тяжелейшее поражение, посеяв в их рядах панику. Позднее это поражение назовут «пермской катастрофой». Отступая, красные оставили брошенными 123 артиллерийских орудия, более 1000 пулеметов, склады с огромными ценностями. 32 тысячи красноармейцев были взяты в плен. Тюрьмы и другие помещения Перми и окрестных селений оказались переполненными пленными.*

В числе пленных оказался и П.П. Бажов. Занятый преимущественно редакционной работой, он носил гражданскую одежду, и не был распознан как военнослужащий Красной Армии, тем более, как ее видный политработник. В обстановке громадного скопления пленных и гражданских лиц Бажову удалось вырваться на волю и скрыться. Он стал вести конспиративную подпольную работу в тылу белых войск «Русской армии» – так стала называться армия пришедшего к власти адмирала А.В. Колчака, провозглашенного Верховным правителем России.

*См. подробнее: Плотников И. Маршал Блюхер: правда и около нее. (Уральский следопыт № 6, 2001.)

Политика правительства Колчака в общем и целом была продолжением той, что проводилась Временным правительством, с элементами возврата и некоторых дореволюционных принципов. Верховный правитель России и солидаризировавшийся с ним глава белых Российского юга – генерал А.И. Деникин намеревались, в частности, решить в пользу крестьянства, в духе реформ П.А. Столыпина, радикальный аграрный вопрос. Однако проведение в жизнь этого и других преобразований откладывалось на будущее – по достижении победы над большевизмом. А коммунистический режим проводил свои реформы безотлагательно, а главное – беспрецедентно афишировал свое стремление к защите прав трудящихся. Выигрывала в воздействии на массы гибкая тактика разоблачений и обещаний. Ленинское руководство широко использовало методы, типичные для гражданской войны. Его противники, Колчак проигрывали «по всем статьям», особенно в воздействии на умы.

Павел Петрович, не будучи опытным конспиратором, тем не менее, действовал весьма умело. Принципиально важным было решение не оставаться ни в Камышловке, ни в Екатеринбурге, ни на Урале вообще, а отправиться в далекую Сибирь, ее глубинку. Здесь его знали многие, могли быстро опознать и выдать властям. В Сибири же, где он не бывал, возможность встречи со знакомыми недоброжелателями сводилась к минимуму, тем более, если выбрать для жительства глухое место и переменить фамилию.

С большими предосторожностями, преимущественно пешком, Бажов преодолел путь от Перми до Екатеринбурга. Переночевал у друга. Сбрил бороду. Поездом добрался до Камышлова к семье. И здесь основательно продумал дальнейший план действий.

Он сориентировался на Томскую губернию. Друзья помогли по-зимнему экипироваться, получить документы на имя торгового агента Кирибаева.

Сам Павел Петрович так описывал обстоятельства отъезда в холодном вагоне: «Маленький бритый человек в синих очках притулился в середине площадки, между двумя мордастыми спекулянтами. Поверх городской шубейки надел огромный, с чужого плеча бараний тулуп с «саксачьим» воротником...» Одет был тепло, но простуда не оставляла.

Приехал в Барабинск, оттуда – в Каинск (ныне Куйбышев) Томской губернии (ныне это в Новосибирской области). Ходатайствовал перед властями о назначении учителем в какую-либо сельскую школу. Предложили место в отдаленном маленьком селе Бергуль, что на севере уезда, в Бианзинской волости. Учительское удостоверение за тремя подписями официальных лиц и с печатью стало надежным прикрытием для политработника Красной Армии. Фамилия же киргизская – Кирибаев.

В это время школа в Бергуле вообще не функционировала. Село в сотню дворов было заселено старообрядцами-переселенцами из Минской губернии, говорившими на смеси русского и белорусского языков. Через Бергуль протекала маленькая речка Бергулька, впадающая поблизости в Тару. Вокруг – леса. Севернее было и совсем малоллюдно, тянулись таежные массивы – «урман». Будучи оторванными от желез-

ной дороги парой сотен верст, бергульцы и бианзинцы в летнюю пору пользовались речным транспортом. Тара и на этом участке была судоходной.

Поселился Павел Петрович Бажов-Кирибаев в комнате для учителя в большой крестьянской избе, половина которой была отведена под школу. Записалось человек двадцать мальчиков и девочек. Некоторые из них ходили прежде в школу, а иные нет. Учитель поделил их на две группы, занимался в две смены. Он привез с собою из Каинска кое-какую школьную литературу, письменные принадлежности («десять фунтов культуры», по его выражению). Что-то нашлось и в семьях.

Учитель школьникам и сельчанам понравился. И не мудрено: Павел Петрович был образованным человеком, владел уже многолетним преподавательским опытом, а потому сильно отличался от прежнего учителя, который учил «старомодно», обходил социальные проблемы.

Школьные дела наладились, им Бажов отдавал много сил. Но на первый план постепенно выходили совсем другие – подпольно-революционные. Он спланирует односельчан в антиколчаковскую нелегальную группу, связывается с подпольщиками сельской округи.

Коммунисты постепенно консолидировались, устанавливали связи со своими сподвижниками в городах и селах, и все активнее включались в борьбу с властью белых. По мере нарастания недовольства ею части городского и сельского населения ряды коммунистов-подпольщиков расширялись и укреплялись, а их противоправительственные действия становились все более разносторонними и действенными. Во многих местах дело доходило до открытых вооруженных выступлений.

Сплочение сибирского, а точнее – поволжско-урало-сибирско-дальневосточного подполья протекало довольно медленно. Важную роль в этом процессе сыграло сформированное в середине июля 1918 года, в прифронтовой тогда Тюмени, Организационное бюро РКП(б) Сибири в составе С.А. Черепанова, М. И. Сычева (Суховерхова) и К.М. Молотова. Вместе с ним действовали и опытные сибирские и уральские коммунисты – И.С. Дмитриев, В.С. Митряев (Дмитриев), А.Я. Валек и другие, получившие поручение от уральского областного комитета РКП(б).

Большинство членов Оргбюро обосновалось в Томске. Здесь же была подготовлена и созвана первая Сибирская (фактически – Сибирско-Уральская) подпольная конференция РКП(б). Был избран подпольный «Областной комитет РКП(б)», организационно оформлено большевистское подполье в обширном регионе тыла белых на востоке страны. Нарастала борьба с властью белых в самых различных формах, в городах, на железной дороге, в селах и в войсках. Общую связь с ним Новониколаевский комитет поддерживал через железнодорожника Якчина и П. Садульского.

На севере Каинского уезда, в Урмане, одной из крупных и активных подпольных организаций была Кыштовская, объединявшая целый ряд групп – в основном бывших советских работников волостного и других сел. Ею руководил кузнец Д.С. Ковтун. Кыштовцы установили связь с вовле-

Антон Павлович Мацук.

Дмитрий Степанович Ковтун.

ченными в нелегальную работу крестьянами Седельниковской, Муромцевской, Уйской, Верх-Тарской и других волостей. Подпольщики Муромцева и других сел имели связь с Омским большевистским комитетом, подпольщики села Спасское – с Томским и по отработанному каналу передавали информацию в северные волости Каинского уезда.

Появившийся в Верх-Ичинской волости несколько раньше Бажова учитель, бывший офицер царской армии А.П. Мацук, поддерживал связь даже с подпольем Красноярска, откуда и прибыл. Им, учителям, вскоре суждено было познакомиться. В селах, главным образом в Верх-Назорево, развернул работу бывший политический ссыльный, коммунист Г.И. Павлов. Будучи лесным объездчиком, он укрывал в лесах, устраивал в артели по подложным документам лесорубов и сплавщиков, которым угрожали арестом, и дезертиров.

В эту систему организаций и групп вписалась и организация Бергуля и его района, созданная с прямым участием учителя Кирибаева-Бажова. Ее стержнем стала артель по обработке древесины. П.П. Бажов об этом писал так: «Кирибаев предлагает организовать какую-нибудь артель и послать в Каинск бумагу о разрешении». Разрешение было получено. Артель явилась надежным прикрытием для общения и совместных действий подпольщиков разных сел. Среди подпольщиков было несколько сельских учителей, в том числе упомянутый А.П. Мацук. Он также вступил в артель. «Легче всего, вспоминал Бажов, сошлись с Мацуком. У него в квартире оказались тисы и разные принадлежности паяния и лужения. Учитель чинил замки, лудил самовары. Это уже почти решило дело». Из текста повести Бажова «За советс-

кую правду» как будто напрашивается вывод о вербовке Мацука для подпольной работы им, автором. Но из совокупности исторических источников о сибирском большевистском подполье следует, что Мацук к тому времени уже состоял в подполье и играл в нем куда большую роль, нежели будущий писатель. Скорей всего, Мацук вовлек Бажова в подпольную работу, возможно, на первых порах не распространяясь о своем участии и роли в ней.

Организация и развертывание нелегальной работы облегчались в результате вовлечения ряда представителей властей – сельских старост и писарей. В частности, большим «приобретением» для подпольщиков было участие в организации писаря Биазинской волостной управы А.Т. Шилова. К нескольким десяткам членов подпольных групп примыкали жители, чаще всего не ведавшие о существовании хорошо организованного сельского подполья. На позиции революционного экстремизма вставала лишь часть крестьян, как отмечал Бажов, – в основном скрывавшиеся, уклонявшиеся от мобилизаций. В большинстве же сво-

ем крестьяне да и учителя проявляли политическую пассивность, выжидали исхода войны, многие сознательно поддерживали власть, возглавлявшуюся адмиралом А.В. Колчаком.

Крестьянскому таежному населению было трудно разобратся в целях и действиях «красных» и «белых», особенно первых из них. К весне и лету 1918 года – началу масштабной Гражданской войны в отдаленных от центра районах – они еще не успели проявить себя реквизициями и массовым террором. Не обозначился явственно их антицерковный курс. В военном отношении тот период прошелся по Сибири в основном лишь слабой красногвардейско-добровольческой волной. Всеохватная же Гражданская война заявила о себе только летом 1918 года и особенно осенью и зимой – массовыми мобилизациями в белую «Русскую армию». И у белых производились и все острее сказывались многообразные побои, действия представителей местных властей и милицеских чинов волостей и уезда, усердно пытавшихся выловить скрывающуюся от мобилизаций часть крестьянской молодежи и солдат-дезертиров.

Сибирякам, россиянам, в их числе и бывшему эсеру, молодому коммунисту П.П. Бажову, не дано было предвидеть судьбу страны в случае победы той или иной из борющихся сторон, того, что произошло потом с большевизированной Россией. А в то время людские и материальные жертвы привели народ, в том числе крестьянское население, к безмерной усталости. В своей массе к зиме и весне 1919 года многие проявляли апатию к призывам и красных, и белых, практически жаждали лишь победы тех или других в войне, ее долгожданного окончания, мирной жизни. А к весне и лету крестьянское население в своем большинстве стало так или иначе

Иван Савватеевич Чубыкин.

желать развития успеха побеждающей Красной армии. Крестьяне оказывали сопротивление белым властям, участвовали в партизанском движении.

Выяснить в полной мере и подробнее описать нелегальную организаторскую деятельность Бажова-Кирибаева в те дни в Бергуле и других селах не представляется возможным, даже при наличии его повести «За советскую правду». Конкретные действия описаны им очень кратко. В повести Бажов пишет о себе в третьем лице.

Главное из действий Кирибаева и его сподвижников схвачено фразой: «Под видом артели собирали партизанский отряд».

Этому этапу подпольной работы предшествовали меры по сплочению вовлеченных в подпольную работу людей, осторожная, но настойчивая агитация среди них за идеи коммунизма, облегчение положения трудящегося человека.

Артель по обработке древесины (изготавливались бочки, дуги, сани, телеги и прочее) была отличным прикрытием при общении, беседах и подготовке к открытой вооруженной борьбе. Использовались своеобразные конспиративные квартиры – дворы вовлеченных в работу крестьян разных сел, часто самих артельщиков под видом «поставки лошадей» и т. д. Подсчитывалось имеющееся у крестьян-подпольщиков оружие, приобреталось недостающее. К началу весны, по данным П.П. Бажова, трехлинеек и берданок «насчитывалось в округе 87 штук».

Артель явилась и финансовым источником реальной подготовки к партизанской борьбе. Заработки мастеров по дереву, слесарей, кузнецов частично утаивались от уездного руководства, сосредоточивались в нелегальной «копилке». Использовались и прямые методы ограблений (экспроприаций) обозов, обслуживавших и эту артель, и другие объекты. На деньги приобретались оружие, боеприпасы, которых в условиях войны у крестьян-охотников скопилось немало. Естественно, что идейный лидер организации – учитель Кирибаев, своего рода комиссар, многими считался прямым посланцем то ли сибирского ЦК РКП(б), то ли Томского комитета, что на самом деле не соответствовало действительности, но поднимало его авторитет. На деле Бажов самостоятельно вписался в разветвленную сеть сельских подпольных организаций и групп Томского Урмана.

Доминирующую роль в целой группе ближайших волостей, в том числе Биазинской, играла подпольная организация крупного села Кыштовка, что ниже по течению Тары, ближе к Омску. Руководящую роль в организации играл Д.С. Ковтун. Во главе подполья села Верх-Назарово (ныне – Северное) стоял Г.П. Павлов, включившийся в революционное движение еще в 1905-1907 годах. Он работал объездчиком и много способствовал укрытию в лесах дезертиров, готовил почву для организованного выступления части крестьян против власти Колчака. В Шипицынской волости подобную же работу, как и в Бергуле с использованием артели, только лесорубов, наладил коммунист Г.И. Поротников. Все эти лидеры сельских подпольных организаций общались друг с другом через связных, во всяком случае, не замыкались.

Но наиболее существенное, практически руководящее влияние на бергульских, биазинских и других подпольщиков оказывал А.П. Мацук из Верх-Ичи. Он был связан с красноярским и томским подпольем, а также с ближайшим – каинским, тесно связанным с Омском. Бажов выступал в роли его ближайшего соратника. В свою очередь А.П. Мацук и П.П. Бажов в районе Урмана были связаны с И.С. Чубыкиным, находившимся в с. Межовка, бывшим фронтовиком, фельдфебелем.

Чубыкин особенно активно работал по расширению подполья и, прежде всего, – подготовке восстания, проявив при этом военно-организаторские способности, не боялся кровопролития. Уже в марте он вместе с братом Егором попытался поднять восстание. Последний – бывший советский активист – совершал теракты, бросил гранату в помещение волостной земской управы, а затем стрелял в начальника местной милиции. С этого времени братья Чубыкины и целый ряд их сподвижников скрывались в лесу, имея при себе оружие.

Эта вооруженная группа во главе с И.С. Чубыкиным в ряду других и явилась в Урмане ядром последовавшего там крупнейшего вооруженного крестьянского восстания. О нем самом и о своей роли в нем П.П. Бажов, увы, не рассказал конкретно. Его личные действия как бы растворились в действиях и судьбе красных партизан. Свое повествование в книге «За советскую правду» Павел Петрович оборвал буквально кануном Урманского восстания и открытых партизанских действий: «Начиналась тяжелая полоса борьбы. Сибирский крестьянин кровью смывал свою былую вину против советской власти».

Увы, так считал П.П. Бажов, оказавшийся с 1918 года и до середины 20-х годов в рядах коммунистов-функционеров. Он не знал еще предстоящего чудовищного процесса коллективизации, раскулачивания – уничтожения российского крестьянина-труженика как такового.

(Окончание следует).

Коренная фамилия

С десяток лет назад довелось мне побывать, по казенной надобности, на Западной Украине. Там-то, у подножия знаменитых Карпатских гор, при въезде в чистенький хуторок, утопающий в грушевых и яблоневых садах, встретился мне дорожный указатель со знакомым названием: «Патрушево».

Оказалось, что, как и в наших Патрушах, добрая половина жителей этого хуторка носила фамилию Патрушевы. Да и предки их, в свое время, из наших мест переселились в эти далекие края.

Вот как время и судьба разбросала эту фамилию по всему белу свету, а пошла она из села, что и сегодня стоит между старым и новым Челябинским трактом на самом северном краешке Сысертского района.

Еще при жизни императора Петра Алексеевича приехал на Урал его посланник, капитан Василий Никитич Татищев, – новые заводы ставить, города строить, за порядком на Каменном поясе смотреть. Вместе с ним в Сибирскую губернию, на Кунгур, приехали немецкий рудознатец Иоганн Бликер, наши горные мастера – Тряпицын и Патрушев да еще четыре ученика из офицеров.

Про всех помянуть не буду, не о них речь, а вот о Татищеве да Патрушеве расскажу. Татищева-то у нас всякий с младых ногтей знает. Он для нас, уральцев, все одно, что Юрий Долгорукий для москвичей. А вот об Иване Патрушеве сегодня не много известно.

Направили его по приезде в наши края на Уктусский завод бергшейгером – горным мастером, значит. Завод к тому времени лет пятнадцать уж железом погромыхивал, и ученые люди для его роста были в большой надобности.

Заодно отписали Патрушеву для заводских работ часть Арамилской слободы вдоль по речке Арамилке вместе с крестьянами. Что приписной, что крепостной – разница-то невелика, поэтому мужики такому указу не шибко обрадовались. Из-под палки шли они на заводские работы – торф, руду возить да на рудоразработках вантулить. Много кровушки они попили бергшейгеру, прежде чем нашли с ним общий язык и согласку.

Тут еще, как на грех, самого Татищева, друга, начальника и советчика Патрушева, по доносу отозвали в столицу, а после и вовсе в Швецию с особым поручением уехали.

Лишь спустя двенадцать лет снова встретились «птенцы гнезда Петрова» на Уктусе, в резиденции Главного управления Уральскими заводами. Вернувшись на прежнюю должность уже полковником, Татищев в первую очередь собрал всех, с кем начинал государево дело. Вызвал он и Патрушева.

– Здравствуй, батюшка! – сказал бергшейгер, входя в кабинет начальника. – Как уж я рад, что ты, Василь Никитич, снова головой казенных заводов поставлен.

– Да вот, сподобился, видать, снова отечеству послужить

на Каменном поясе, – ответил Татищев, обнимая старого товарища. – Это Никита Демидов написал донос, после которого отлучили меня от Урала на двенадцать лет.

– Демидовы – они такие, – поддакнул горный мастер. – Им палец в рот не клади – по самый локоток руку оттяпают. Ну да, слава Богу, хватило ума у новой императрицы Анны Иоанновны тебя на Урал-то вернуть.

– Эх, Иван, да разве Россией-то она правит? – отмахнулся полковник. – Я недавно из столицы. Нынче наше отечество под курляндским выскочкой Бироном ходит. Так-то.

– Крамольные речи говоришь, Василь Никитич, – испуганно оглянулся Патрушев на двери. – Кабы кто другой был на моем месте – не миновать тебе тайной канцелярии да Сибири.

– Другому-то я бы и не сказал. Да и что Урал, что Сибирь – отличка небольшая. Ты вот что скажи, бергшейгер, знаешь ли, что жалобу на тебя получил?

– Жалобу? И чем это я опять прогневил управляющего Уктусским заводом?

– Как дознался, что он написал? – удивился Татищев.

– Кому, кроме него-то, – спокойно ответил Иван. – Небось жалуется, что своих приписных крестьян балую, поблажки им даю, на заводские работы не ставлю, от рудоразработок ослобоняю? Так?

– В точку попал, бергшейгер! – ахнул полковник.

– Так он и Геннину жаловался, и в Берг-коллегию доносил. Мастеровых, видишь ли, ему не хватает, – продолжил Иван.

– А ты ему своих крестьян не даешь?

– Не даю и не дам. Даже тебе, Василь Никитич.

– Почто так?

– Не завывчные они к рудознатскому да заводскому делу.

Татищев даже присвистнул от удивления:

– А к чему ж тогда у них привычка-то?

На это Патрушев хитро улыбнулся и спросил:

– Ты, Василь Никитич, завтракал ли сегодня?

Полковник согласно кивнул, не понимая к чему клонит горный мастер. А тот продолжал расспрашивать:

– И булку белую маслом мазал, и сливки к кофию подливал?

– Так что с того? – начал терять терпение Татищев. – Я еще кусок холодной телятины скушал.

– То-то и оно, – рассмеялся Патрушев. – Или ты, Василь Никитич, думаешь, что булки-то на деревьях сами растут, а молоко в кисельных берегах плещется? Нет – хлебушек-то надо вырастить, теленочка выпестовать. А крестьяне мои и Уктус, и Екатеринбург кормят. В этом и есть их талант.

– Ах, хорошо сказал, Иван! – догадался о мыслях Патрушева полковник. – Не зря мне говорили, что сельцо-то твое

нынче Патрушами зовется, а крестьяне в ревизке Патрушевыми записались.

– Не я деревню так нарек, и фамилии не я давал, да и не в этом дело, – посерьезнел бергшейгер. – Я за эти годы, что здесь служу, одно понял: слава крестьянская Патрушей, помняи мое слово, Василий Никитич, еще прогремит по всей России не меньше, чем слава заводов наших.

– Что ж, будь по-твоему, – согласился Татищев, – с управляющим я дело улажу как-нибудь. Пусть твои крестьяне сеют-пахут спокойно. Подать им подушную уменьшу и к заводским работам, обещаю, привлекать буду только в крайней надобности.

– Спасибо, батюшка ты наш! – прослезился Иван, пожилая руку Татищева. – Не от себя благодарю, от крестьян моих. Помнишь ли, Василь Никитич, что нам государь Петр Алексеевич наказывал, когда на Урал отправлял?

– Как не помнить? – ответил Татищев, задумчиво глядя на портрет императора, висевший на стене кабинета. – Берегите, говорил, мастеровых и крестьян, за это вам не только от них благодарность великая будет, но и почет от всего отечества...

Был ли этот разговор между Татищевым и Патрушевым – не поручусь, во всяком случае, сам при нем не присутствовал. Только как бы там ни было, а крестьян из наших Патрушей за их труд и верность хлеборобскому ремеслу сегодня не только по всей России, но и в землях иностранных на все голоса славят.

И еще одно: у нашего народа такой привычки раньше не было – называть свое селение именем человека, которого бы не уважали и не почитали всемерно. Вот так и выходит, что фамилия Патрушевых от крепких корней свой род ведет. А раз корни крепкие, то и ствол, и крона под стать им вырастают.

Василий ИЩЕНКО

Привидения живут на Гумешках

Появление бажовских сказов стало возможным только на Гумешках, то есть в тех местах, где раньше обитала загадочная чужь.

Из русских летописей известно, что чужь обладала прямо-таки магическими способностями. К ней за предсказаниями обращались даже русские князья. Есть много сведений о находке чудских серебряных изделий, содержащих в себе отрицательную энергетику, которая приносила их владельцам много неприятностей.

Есть у сказов Бажова одна особенность: через какой-то промежуток времени покажется, что все прочитанное полностью забылось. Но это обманчивое мнение! Сказы входят в сознание навсегда и, при определенных условиях, всплывают в памяти до мельчайших подробностей. Порой создается впечатление, что мы загнипнотизированы ими. Не исключено, что это действительно так!

В дополнение к сказанному, приведу несколько случаев. Однажды жарким летним днем я решил съездить за черникой. Она в большом количестве растет в бажовских местах – за станцией Полевской. Туда я и отправился – в сторону Маркова камня. Устав от жары и сбора ягод, присел отдохнуть на валежину под тенью густого куста.

Вдруг до слуха донесся еле уловимый шум. Стал всматриваться в том направлении и онемел от удивления: из леса, прямо ко мне, не спеша, шел высокий еще не совсем седой, немного сутулый старец, опираясь на палку-трость. Одет он был в поношенный, но чистый старомодный костюм с глухо

застегнутым воротом. На ногах были сапоги из кожи, но в руках, по приближении, оказалась не палка, а лопата.

Сходство его с персонажем из сказов Бажова было таким поразительным, что невольно поверилось в привидение. Он шел неторопливым шагом, не замечая меня, и когда осталось всего несколько шагов, я окликнул его, чтобы убедиться, что он не привидение. Хотя оклик для него был неожиданным, он не испугался и спокойно, не спеша, стал отвечать на мои расспросы. Было в нем и в его неторопливом разговоре что-то душевное и располагающее. Он не был похож на городского жителя, всегда спешащего, устремленного и равнодушного. В то же время он не подходил и к типу деревенского простенького старичка, который рад поговорить с любым человеком и выговориться без всякой на то причины. Старик сообщил, что идет со станции Косой Брод (хотя шел с противоположной стороны, и до Косого Брода было довольно большое расстояние, которое для его возраста преодолеть было трудно). На вопрос, почему у него в руках лопата, он ответил довольно просто: «Нашел ее недалеко отсюда в небольшой закопушке». (Никакой закопушки, кстати сказать, я поблизости не нашел).

Вспоминая этот случай, я до сих пор задаю себе вопрос: не была ли эта встреча миражом после прочитанных сказов?

Другой случай еще загадочнее. В бажовских местах в поисках грибов я зашел довольно далеко в густой высокий лес. Шел от станции Косой Брод в сторону Сысерти. Желая поскорее выйти из леса, который навевал на меня таинствен-

ность и даже страх, я решил миновать его быстрым шагом. Но вдруг передо мной оказался глубокий и довольно большой карьер.

Странным в нем было то, что не было рядом никаких отвалов и дорог. Это меня заинтересовало. Хотя и неприятно было находиться в этом месте, но любопытство взяло свое, и я, подавляя в себе страх, опустился на дно карьера и стал осматривать породу, желая определить цель разработки. Пройдя небольшое расстояние, увидел в боку карьера каменную глыбу. Из-под нее сыпались по откосу мелкие камушки и комья земли. Я остановился, как вкопанный, боясь пошевелиться. Земля сыпалась все сильнее и сильнее. Сделалось не по себе от ожидания чего-то таинственного. Любопытство побороло страх. Моментально вспомнилась Хозяйка Медной

горы из сказов Бажова. Комья земли и камешков продолжали сыпаться из-под глыбы уже потоком. И я увидел сначала ноги, а затем голову с рогами и с бородой. В следующий момент из-под земли показалась коза. Когда напряжение и страх прошли, я расслабился и пошевелился. Подземное существо, увидев меня, моментально вновь исчезло под землей.

Подойдя ближе, я заметил под глыбой темное отверстие. Была абсолютная тишина – как будто ничего и не произошло. Я ждал, но ни козы, ни ее Хозяйки, ни ее ящериц не появлялось.

До настоящего времени стоит перед глазами эта картина, и постоянно мучает вопрос: «Откуда взялась коза в этом подземелье?»

В сказках Бажова все образы облечены в земные существа. Одна только подземная ящерица вызывала во мне какое-то непонимание. В реальной жизни ящерицы не живут в подземельях. Их можно видеть на лесных опушках, греющимися на солнце среди пней и стволов упавших деревьев, но не в земле.

Но и это сомнение вскоре рассеялось. Оказалось, что есть ящерицы, которые живут и в земле. Однажды, раскапывая старый отвал, где имелись самоцветные камни в виде красивых кристаллов аметиста и раухтопаза, я выкопал довольно глу-

Медной горы Хозяйка. Художник В. Назарук.

бокую яму. И вдруг на лопату, из груды камней, выпало какое-то странное существо, которого я никогда не встречал. Внимательно осмотревшись, обнаружил, что существо походило на ящерицу. Голова была овальной формы. Спина покрыта пятнами черно-коричневого цвета. Величиной она была немного крупнее обычной наземной ящерицы, хотя хвост имела немного короче.

Долго с удивлением я смотрел на нее и понял, что таких ящериц и описывал в сказках Бажова. Продолжая копать дальше, повстречался еще с несколькими. Одну нечаянно поранил. Хотя мысленно я извинился за причиненную травму (я всегда прошу прощения у Бога и у природы, если приношу ей вред своими непреднамеренными действиями). Но в душе все-таки остались сомнения в том, что Хо-

зайка могла и не простить меня. И опасения мои подтвердились.

Это случилось на Гумешках. Я приехал туда, чтобы поискать на старинных отвалах кусочки малахита. Тогда его можно было найти прямо на поверхности. Малахит из Гумешек считался самым красивым. Особенно славился своей красотой бархатный малахит. После полировки на его поверхности появляются переливы в виде иризации, что придает ему особую прелесть.

Увлечшись поиском, спустился на дно карьера и попытался поискать малахит в его глубине. И действительно, там он попадался значительно чаще. В азарте не заметил, как углубился в землю по пояс, находясь недалеко от откоса карьера. И тут случилось непредвиденное: стенка карьера, которую я совсем не трогал, неожиданно обрушилась, и меня почти полностью засыпало землей. По счастливой случайности в обвалившейся земле не оказалось крупных камней и глыб земли. Удалось благополучно выбраться. Руки и ноги были целыми. Придя в себя от случившегося, понял, что это была расплата, и в следующий раз исход будет более плачевным. Поэтому в Гумешки я больше не ездил.

Александр ЧЕРНОСКУТОВ

*Александр Петрович Черноскотов закончил экскурсионный факультет
Гуманитарного университета профсоюзов в Санкт-Петербурге.*

*С 1965 года работает ст. инструктором на черданской турбазе и одновременно экскурсоводом
екатеринбургского и сысертского бюро путешествий и экскурсий. Живет в Каменске-Уральском.*

ТЯТИНО ПОДАРОНИЕ

К «малахитовой эпохе» обычно относят 30–40 годы XIX столетия, когда были открыты крупные месторождения малахита в Полевском и в Нижнем Тагиле. И для нас, экскурсоводов начала семидесятых, была неожиданностью встреча с уральским малахитчиком, живым героем бажовских сказов, который реально соприкоснулся с созданием малахитовой шкатулки.

«Мамонька, дай поиграть тятиным подарением!» – просит в сказе Бажова Танюшка. «Больших тысяч она стоит», – пристрожит мать Настасья. Но достанет шкатулку из нижнего сундука, «где холсты и протча про запас держат».

Этот эпизод напомнил нам Василий Владимирович Шахмин, в гостях у которого нам довелось побывать. Ему шел тогда уже девяностый год. Но он помнил то, как мальчишкой не только доставал из сундука «тятину памятку», но и резал малахитовые пластины, помогая отцу в ее создании.

– Помню, был у царицы Александры-то Федоровны, жены последнего царя, какой-то важный юбилей, – рассказывал Василий Владимирович. – Заказали отцу большую малахитовую шкатулку. Ее мы всей семьей и делали. Я плитки пилил, дядя Федор каркас делал, тятенька подбирал малахит по узору, цвету и форме так, чтобы было впечатление сплошного камня. Эту шкатулку мамонька показывала всем соседям, пока не увезли ее царские прислужники. До сих пор она хранится в Эрмитаже.

По нашему запросу из Государственного Эрмитажа нам прислали фото шкатулки Шахмина-старшего. Выполнена она была Владимиром Шахминым в стиле «русской мозаики». По яркому цвету и рисунку крышки создавалась иллюзия натурального природного камня. Только рассказ младшего Шахмина убедил, что узорчатые пластины тщательно подбирались, подгонялись и склеивались на мраморном каркасе.

И не только крышки к альбому, о которых идет речь в сказе «Железковы покрывшки», но и большая малахитовая шкатулка были заказаны мастеру Кабинетом Его Императорского Величества.

– Не беспокойтесь, – говорил герой сказа, – рабочие руки все могут! Кое в порошок сомнут, все по крупинкам себе

Фото автора.

рут да мяконько прогладят – вот и выйдет цельный камень небывалой радости. Всему миру на диво и на поученье тоже». Знаменитый французский мастер Фаберже дивился, «как это досочки все цветом разнятся и узором не сходятся», но так и не узнал секрета уральского мастера.

В последние годы Василий Владимирович жил в однокомнатной квартире в Юго-Западном районе тогда еще Свердловска. Первое, что бросалось в глаза при посещении его жилища – это камнерезные станки и полное отсутствие малахита. Не бархат и узор этого камня, а оптические свойства прозрачного хрусталя-пьезокварца привлекли внимание последнего мастера из династии Шахминых.

– Ведь кто мог подумать, что какой-то кварц понадобится для радио, – говорил он нам, демонстрируя работу на станках.

– Помню, в молодости из Мурзинки или Рудянки привезу

несколько пудов этого самого хрустала и купцу продам за червонец, а тот девкам буски из них скатает. А вот в двадцать шестом, в самый раз под Новый год, мои-то полированные пластинки из хрустала в радио и заколебались, запели, заговорили, – заключил свой рассказ бажовский дед, показывая

прозрачную линзу, только что отполированную на станке.

Было удивительно интересно общаться с человеком, уважающим свое мастерство, в его чудом сохранившейся камерезной мастерской прошлого.

Горечавка Данилы-мастера

Несколько лет мы мечтали сделать хороший слайд дурман-цветка на бажовской земле, по которому в сказах создавал свою малахитовую чашу Данила-мастер. Консультировались у биологов Уральского университета на биостанции, до сих пор действующей в Сысертском районе. Изучали ботанические справочники и атласы, изданные Российской Академией наук. Этот распространенный цветок представлен в них как обыкновенный сорняк невзрачного вида с трубкообразным венчиком – очень ядовитое и даже наркотическое растение из семейства пасленовых.

Нам же хотелось отыскать цветок, по образу и подобию которого создал свое совершенное творение бажовский мастер. Ведь даже по кадрам фильма «Каменный цветок», снятом при непосредственном участии Бажова, было видно, что в руках актера Дружникова, сыгравшего роль Данилы, был не искусственный, а живой крупный «колокольчик» удивительно красивого цветка.

Формирование будущего художника Данилы-мастера начиналось с познания красоты живой природы. Еще будучи юнцом, в подпасаках Данилка пребывал в окружении леса, цветов; наблю-

дал, как просыпается солнышко, слушал лесные шорохи, трели птиц.

Разбираться в растениях его научила бабка Вихориха-знахарка из Сысертских заводов. Повела она ему о «воровском» цветке-папоротнике, который раз в году на Иванукупала цветет, малахитовом цветке, который «в горе растет» по воле «тайной силы» и несчастье людям приносит.

Попад в ученики к Прокопичу, Данилка тоже много времени проводил на природе. Эти счастливые деньки не про-

Прокопич и Данила (кадр из фильма).

шли даром для художника-камнереза. Когда дошло дело до «точеной чаши на ножке для барского дома», поискать подсказку мастер отправился к той же уральской природе. Стал искать, «какой цветок, какой листок к малахитовому камню больше подойдет».

Еще в пригороде, на Уктусских горах, сложенных зеленовато-желтыми дувитами и пестрыми змеевиками, мы легко отыскали те растения, которые приносил домой Данила-мастер, работая над своей чашей. Чемерицу обнаружили в пойме заливного ложка Поповского ручья. Это были травянистые кустики до полуметра высотой с широкими жилистыми листьями. Красивые ярко-зеленые вогнутые листья при растирании издавали неприятный дурманящий запах. Болотные растения «из резунов, из объеди омег» и багульник попались нам в широком Платоновском логу Нижнеисетского лесопарка. В гербарий эти растения мы взять не рискнули из-за сильного неприятного запаха.

Здесь же, в отрогах Уктусских гор, мы нашли редкое растение, которое навело нас на неожиданную версию. Соцветие этого растения имело форму трубчатого колокольчика, напоминающее дурман-цветок. Но было оно удивительно красивым по своей окраске – от прозрачно-восковой, до небесно-синей с золотинкой.

По ботаническим справочникам это оказалась горечавка или генциана уральская. И хотя венчик не был таким внушительным, какой был показан в ботаническом атласе, его вполне можно было взять за эталон при создании чаши – и по форме, и по расцветке. Даже аромат, исходивший из его колокольца «с сурьмяной звездочкой» пестика, показался нам каким-то необыкновенным. Не с такого ли чудо-цветка творил свою чашу Данила-мастер?

Горечавку относят к растению, имеющему большое значение в жизни человека. Не ядовитое, а лекарственное, оно широко используется не только в народной, но и в официальной медицине. Содержит так называемую целебную горечь. Но еще больше оно ценится как декоративное растение – украшение наших лесопарков. В окрестностях Екатеринбурга и Полевского оно нуждается в охране и занесено в Уральскую красную книгу.

Встреча с миниатюрной чашей на тонкой ножке в Уктусских горах стала для нас первым посвящением в одну из множества тайн и загадок бажовских сказов. Ведь одна из самых больших ваз, хранящихся в Эрмитаже, выполненная по рисунку И.И. Гельберта ленточным набором из малахита в 1842 году, чрезвычайно напоминает колокольчик чаши-цветка горечавки.

Дурман обыкновенный.

Горечавка перекрестнолистая.

Владимир СУРЕНКОВ

АЙСЫЛУ - ЦВЕТУЩАЯ ЛУНА

... Весна понешня, совсем ошалела, шибко бурно возликовала.

Через вершинник строевого леса несется веселящий душу шум – с каменистых перекатов Полевушки да Черной. Только прислушаешься, дух начинает захватывать от ощущения дивной силищи весенней воды. В эту пору нам, пацанам и девчошкам, спать совсем не хочется. Сгрудились возле костра, посидеть, послушать эту чудную, необыкновенную песнь воды. От брошенной щепы костер то и дело трещит и шипит рассерженным ёжиком.

Кои бабушки, хватившись чадушек, выходили из времянок-теплух, банешек свежесрубленных, но, увидав с нами деда Агея, либо, махнув рукой, уходили на покой, либо, поддавшись тоске по детству, накинув зипуны али поддевки, присаживались возле. И, тоже замерев, прислушивались к чему-то родному в этой ночной красоте и суровости.

А может, полнолицая луна виновата? Красавица! Ее неведомые силы, как сок березовый, подымаясь по телу, наполняли нас нежностью и любовью.

– Попритихла водица-то к ночи. Перевалило полночь, нет ли? – Неожиданно пробурчал дед, – Ишь, бесстыжа, любитесь собой!

Мы оторопели. Про кого это он?

– Поглядите, полюбуйтеся на нее, – продолжал Агей, – Желту рубашечку накинута. Девки ноне народятся. А вот ежели красну исподницу набросит – парни одне грибкамы пойдут.

– Как это? – спрашивали пескари пузатые.

– А эдак! – с усмешкой молвил дед, на что и баушки ответили такими же ухмылками, уставившись на огромный лунный блин с замысловатыми рисунками.

– А и вправду, Агейушко, рассказал бы не то, чё на ей взривано. Поди Богу одному и ведомо? – подхватили баушки.

Не долго дедко молчал.

– Ну, ежели спать-позевать не потягиват, дак слушайте. Расскажу, как смогу, байку-сплетку от наших башкирцев. Нет-нет да помянут, будто Демидовы наш-от завод ставили. Только как бы не так! И в сам деле бывали в наших краях Акинфиевы последние, да поздно! Эко богатство проворонили.

Придумал один Демиденш, чтобы на Полеву али Сысерть в Турчаниновски вотчины муку поставлять. Челябина рядом, зерна – куры не клюют. Порешил водяну мельницу поставить.

А наш-от не возрадовался такой «помощи», давай козни строить. По этой части ему царь не голова. То лошадей демидовских покрадут на башкирской стороне, то зерно каки-тошь подорожники отберут в дороге, то возчиков кокнут – страху нагонят.

Да и сам Демиденш ошибочку допустил. Просчитался. Плотину поставил крепку, на века, а вот воды только на весну и хватало.

В ту пор округ озера одне башкирцы жили летамы. Зверем-рыбой питались, глушь была. А вот как плотинешку с дорогой на Челябину строить кинулись, народу тьма потребовалось. Что-бы скоря дело пошло, посулами и наманил хозяин башкирцев.

Дескать, поить-кормить буду, деньгами не обижу, только добротну каменну дорогу скоря робьте. Та путинка и посейчас жива, в озере только. Впрочем, три короба наобещал, а когда понял, что ошибочка вышла, хитро вывернулся. Напривез сколь-то возов мяса свиного, а у татар оно поганым считается. Что там было! Вызырелись кочевники, бунт подняли. Мясо в озеро покидали. Видать, с того случая Иткулем и прозвали – мясным озером.

Много с той поры времечка пролетело. А время, оно любу обиду залечит.

Которы не захотели в степи вертаться, на озере зажили. Извозом кормились. Сено для заводов заготовливали. Среди их зажиточны тоже люди появились. Баи по-ихнему. Над своим же народом изгальяться давай.

Богатство, оно завсегда одинаково наживается. Либо че в долг дадут – опосля три шкуры сдерут, либо грабежом! А как только к человеку богатство прильнет – тут к ему зазнайство да высокомерие приходит... да, видит Бог, истину молвяю, поздно или рано род жадного прекращается.

Одному такому среди простоты зазорно жить стало. В Уфалее на русский манер дом завел. Но корней, надо сказать, своих не обрывал: почитай, каждо лето с семьей в деревне-ауле жил. Имя его людска молва не сохранила, только прозвище – Карабай.

Женок, по тому времени, как водилося, у него не одна была. Старшую красавицу Айсылу звали. Младшу безпелуху – Сайма.

Жил бай не тужил, рвал-метал, деньги добывал. А все мало ему с матерью казалось. Беда подкралась незаметно: время плокатилось, а детей у него все нет и нет. Без наследника живет.

Старшей в доме мать была. Мастерница девок донимать. Уж как хотела сыну угодить: знахарок, ворожей нанимала, травами да снадобьями Айсылу опаивала – не рождались дети, и все тут.

Младша – та дите совсем. Глупенка, но ох и востра на язык была! Хуже серпа. Айсылу по живому резала. Че ни скажет старшей, все с подковыркой да подтачинкой.

– Я, дескать, молода, успею родить – мужу угодить. А тебя, стару кобылу, муж не любит...

Она, вишь, у бая, в самом деле, в любимицах ходила. На ярмарки, сабантуй, базары, не раз в город езживала. Возгордилась.

Айсылу – в возрасте. Без ребеночка чахнуть стала, с лица спала. Все смурная да смурная. Бывало, приедет хозяин, подарков навезет. Сайма – тут как тут. Все дозволено баловнице. Наберет, ребенчишко, побрякушек завсяких – и давай изгальяться над старшей. Как ей устоять, коль свекровь потакает. Да все, слышь, на свой поганенький умишко переведет: на кой ты нам сдалась, дескать, кобыла бесплодна? – и все в таком роде...

Как-то раз вернулся хозяин с товарами, подарками одаривать начал. В первую голову матери чарки бисером расшитые подарил, шаль цветасту, все дорогое... Баловнице, любимице Сайме – шкатулки разны, сережек, колец, побрякушек всяких. А про Айсылу забыл.

Сайма наскакалась с обновками – и опять к снохе с подта-

чинкой:

– Вон, дескать, зеркальце осталось, возьми себе, пригодится. Чтоб с грязной рожей к гостям с хозяином не выходила. Любила бы мужа, родила б ему сына...

Огнем ожгло Айсылу. Слова не промолвила. Как хлыбизнула зеркалом об пол, только стеклянны брызги полетели. Выбежала из дому, кинулась, куда ноги несут. Без ума девка была.

Домашние за сутолокой долгонько не обращали внимания на пропажу. Думали: побычится, придет, куда денется? Есть-пить все равно захочет... А когда хватились – нет девки нигде. Мать сыну говорит:

– Беги, улым, ищи женку. Кабы чего не вышло. Люди узнают – сраму не оберешься.

В оба конца берега сбежали – нет, нигде не видать. Тут на притчу мужики в аул сена возок от Теплой горы везли.

– Однако вашу девку видали, – кричат. – Сама не своя. На болото ускакала...

Мать с сыном побежали правей вершить. Карабай вернулся, на коня сел, поскакал.

Затменье на Айсылу нашло. Света не видючи, по болоту летела, пока не запнулась. Пала осередь болота, плач напал, ровно по убиенной душе.

Улилась слезами. Прорыдалась-проплакалась, глядит, над камышом луна на нее смотрит. Осветила все кругом – как днем видно. Перед ней-то на кочурочке, на сухом осокове, гнездышко широконько лежит. На ем уточка сидит. Глазками-бусинками уставилась, с места не двинется. Удивилась Айсылу. Почто это ее утица не пугается? А та и говорит ей:

– Что, сестрица, проплакалась, полегчало? Зазря убиваешься! Посмотри на меня старую. Скольким детушкам жизнь подарила! За каждое дитячко сердечко болью горючей обливалось, пока растила их, несмышленицей. То одного, то второго злая птица, лиса-хитрюга утащат. От горя совсем ослепла. Подумай, стоит ли тебе о ребеночке так убиваться?

– Постой, анкяй, да ты ведь глаза потеряла, выплакала из-за любви к детям, а я – оттого, что их у меня нет. Устала от обид, от пустой жизни. Может, в другой жизни мне легче будет. Не хочу больше обратно возвращаться.

– Кря, кря, кря! Зря, зря, зря! – разнеслось по шуршавому камышу. – Ежели с горем да обидой, так и нигде тебе не будет успокоения.

– Прости, родная утица! Нет у меня больше желания

тут жить.

Услышали они крики. Встрепенулась Айсылу испуганно. А уточка взлетела, крикая, трижды облетела болотинку, села под ноги сестрице.

– Ищут тебя... Может вернешься? И добавила:

– Вот что я тебе, девонька, скажу. Помысли твои велики, но дай мне еще раз проверить ваше горе. Подпущу к тебе мужа с матерью. Ежели с любовью да лаской придут, вернешься с ребеночком. Ежели с ненавистью – быть по-твоему. Живи на небе ночной красавицей.

Взлетела уточка, облетела сыро место по окраинам.

– Кря, кря, кря! Зря, зря, зря!

– Да вот она! – закричал Карабай.

Направил коня прям на женку. Тут мать его, убирка, прибежала, кричит-задыхается:

– Оглохла, что ли, гадина ползучая! Сына позорить удумала...

Наскочил коршуном муж на жену, давай плеткой охаживать, а мать пуще того подзуживат:

– Чтоб ты окаменела, окаянная!

Та только прикрыла голову подолом, молчит, не ойкнет. Захлопало у бая под ногами. Утка дико звилась в небо. Над болотом эхо мечется:

– Зря, зря, зря!..

От каждого удара Айсылу все боле да боле становится. Увидели злыдни – не то что-то творится. От ужаса у бая рука отнялась. Бросил плетку, бегом с болотины. Убирка, видать, ума лишилась.

Все руки о каменную глыбу поотбила. От боли мало-мало пришла в себя, да поздно. Туманом затянуло все кругом. Утиное кряканье слышится ей, как голос: «Зря, зря, зря!» Вскольхнула в болотине вода. Пала утица под ноги старой карге, говорит ей:

– Послушай меня, несчастная. Не ищи больше Айсылу, невестку свою. Не будет продления рода твоего. Не видать вам покоя и радости. Душа Айсылу на Луне будет жить. Взмыла в ночное небо... улетела туда, где Айсылу в колыбельке младенца нянчит.

Долго у башкир эта вера держалась. Приходили, приезжали к ней издалека все, о детях молящие. В полнолуние приносили колыбельки, надеждой наполненные. Только со временем позабылось предание...

Луна над Новым поселком, описав полукруг, выкупавшись в пруду, замерла, глядя на нас. Посмотрели-удивились: а ведь и вправду на цветущей луне красавица Айсылу у колыбельки сидит, дитя нянчит...

Почему мы раньше-то этого не замечали?

Художник Ольга Чернева.

Краткая хроника жизни и творчества П.П. Бажова

1879 г. 27 (15) января в Сысертском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии в семье приписных крестьян Петра Васильевича и Августы Степановны родился будущий писатель Павел Петрович Бажов.

1889 г. Павел Бажов окончил начальную земскую школу, которая по традиции называлась в Сысерти заводской.

1889-1893 гг. П.П.Бажов учился в Екатеринбургском духовном училище. В 1890 г. его семья переселась в Полевской завод.

1893-1899 гг. П.П.Бажов учился в Пермской духовной семинарии. Приезжая на каникулы в Полевской завод, слушал на Думной горе сказы сторожа Василия Алексеевича Хмелинина, прежде горняка и старателя.

1899 г. Начало трудового стажа П.П.Бажова: он поступил в Екатеринбургское духовное училище преподавателем русского языка, чистописания и арифметики.

1907-1914 гг. П.П.Бажов преподавал русский язык, алгебру, иногда церковнославянский язык в Екатеринбургском женском епархиальном училище, которое готовило учительниц для начальной школы.

1911 г. П.П.Бажов женился на выпускнице Екатеринбургского женского епархиального училища Валентине Александровне Иваничкой (1892-1971).

1913 г. Вышла в свет первая «именная» публикация П.П.Бажова – статья «Д.Н.Мамин-Сибиряк как писатель для детей» («Екатеринбургские Епархиальные ведомости»).

1914-1917 гг. Семья Бажова жила в Камышлове. Павел Петрович преподавал русский язык в Камышловском духовном училище. События этих лет описаны им в отрывке «Спор о стихах» («В кадетской крепости»).

1917 г. П.П.Бажов избран членом Камышловского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и городским головой. Вышла брошюра Бажова «Программа трудового крестьянства».

1918 г. П.П.Бажов вступил в ряды РКП(б). Назначен уездным комиссаром просвещения. Участвовал в боевых операциях на Уральском фронте. Редактировал газету «Окопная правда».

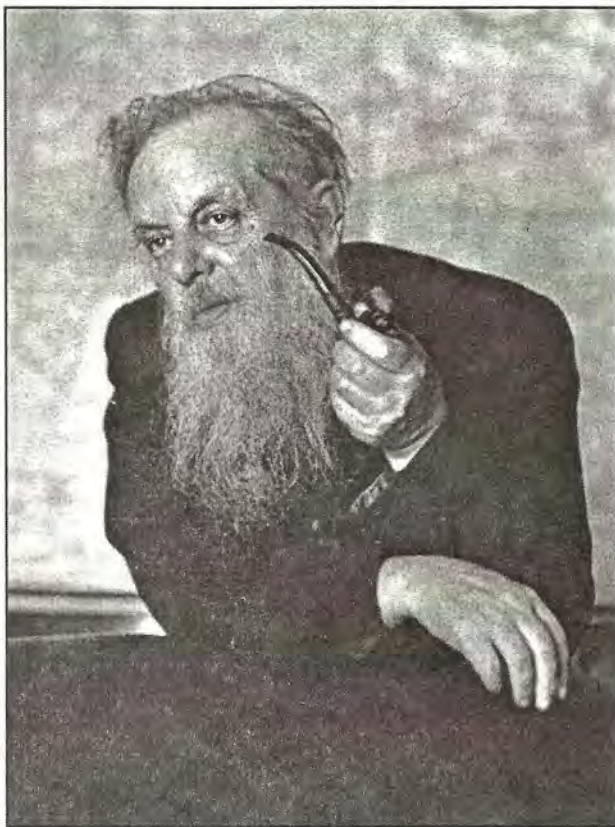
1919 г. По тылам колчаковских войск П.П.Бажов пробирался на восток. Несколько месяцев жил в д. Бергуль. Вел подпольную работу на Алтае под фамилиями Кирибаев и Бахеев. Об этом времени рассказано в повести «За советскую правду».

1920 г. П.П.Бажов жил в Усть-Каменогорске, занимал несколько руководящих должностей: редактировал газету, заведовал отделом народного образования.

1921 г. П.П.Бажов с семьей вернулся на Урал, в Камышлов. До июня 1923 г. редактировал газету уездного исполкома «Красный путь». Печатал в ней «Воспоминания невольного туриста» и «По колчаковии».

1923-1930 гг. П.П.Бажов заведовал отделом писем в областной «Крестьянской газете». Крестьянские письма, встречи, поездки по деревням и селам оттачивали писательский язык и стиль Бажова.

1924 г. Свердловское издательство выпустило в свет первую книгу П.П.Бажова – сборник очерков «Уральские были.

П.П.Бажов. Фото И. Тюфякова.

Из недавнего быта Сысертских заводов». Бажов сотрудничал в журнале «Товарищ Терентий».

1925 г. П.П.Бажов принимал участие в работе первого уральского съезда селькоров. Продолжал сотрудничать в журнале «Товарищ Терентий».

1926 г. Вышли в свет автобиографическая повесть П.П.Бажова о Гражданской войне «За советскую правду (Из жизни Урмана)» и очерк «К расчету (Сысертский завод в 1905 г.)».

1928 г. В «Крестьянской газете» напечатана повесть П.П.Бажова «Потерянная полоса». Без ведома автора ее послали А.М. Горькому в Сорренто, и она возвратилась с поправками писателя.

1929 г. П.П.Бажов продолжал ездить по Уралу: Ирбитский округ, Арамильский и Баженовский районы, Каргапольский район Шадринского округа. Участвовал в работе VII Уральского съезда Советов.

1930 г. Вышла в свет очерковая книга П.П.Бажова «Пять ступеней коллективизации». Бажова приняли в Уральскую ассоциацию пролетарских писателей (УралАПП).

1931-1932 гг. П.П.Бажов работал начальником Уралобллит-а, заведующим отделом Уралгиза. Совершил творческую поездку в Тавду.

1933 г. П.П.Бажов писал книгу «Бойцы первого призыва» – о боевом пути первого на Урале крестьянского коммунистического полка Красных орлов (издана в 1934 г.).

1934 г. П.П.Бажов работал редактором в Свердловском отделении Гослестехиздата. Под его редакцией издавались избранные произведения Д.Н.Мамина-Сибиряка.

1935 г. П.П.Бажов тяжело пережил трагическую гибель своего 19-летнего сына Алексея. Участвовал в съезде писателей Свердловской области.

1935 г. У П.П.Баждова зародилась мысль записать устные рассказы и предания. Написан сказ «Про водолазов» (первая его публикация – в сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале», 1936 г.).

1936 г. П.П.Бажов назначен редактором отдела социально-экономической литературы Свердловского книжного издательства.

1936 г. Вышла из печати книга П.П.Баждова «Формирование на ходу. К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка».

1936 г. В журнале «Красная новь» появились первые сказы П.П.Баждова: «Дорогое имячко», «Медной горы хозяйка», «Приказчиковы подошвы», «Про Великого Полоза», подписанные: «Записано П.Баждовым».

1937 г. (25 января) П.П.Бажов исключен из рядов ВКП(б) за книгу «Формирование на ходу» и освобожден от работы в издательстве. Книга была изъята из фондов библиотек.

1937 г. П.П.Бажов работал над сказами «Малахитовая шкатулка» и «Каменный цветок».

1938 г. Областная партколлегия возвратила П.П.Баждову партийный билет. Он был восстановлен и в должности редактора Свердловгиза.

1938 г. П.П.Бажов назначен редактором библиотеки занимательного краеведения, издававшейся в Свердловском книжном издательстве.

1939 г. Вышла книга П.П.Баждова «Малахитовая шкатулка. Сказы старого Урала». В сборнике были напечатаны первые 14 сказов и очерк «У караулки на Думной горе». Бажов принят в Союз писателей СССР.

1940 г. П.П.Бажов избран секретарем правления Свердловского отделения Союза советских писателей. Отдельным изданием вышла автобиографическая повесть «Зеленая кобылка».

1940 г. Вместе с участниками спектакля Свердловского ТЮЗа «Малахитовая шкатулка» П.П.Бажов выезжал в Москву, встречался с писателями.

1941 г. П.П.Бажов назначен на должность главного редактора Свердловского областного государственного издательства.

1941 г. В газете «Уральский рабочий» напечатан сказ П.П.Баждова «Главный вор» – первый из «немецкого» цикла.

1942 г. П.П.Бажов работал главным редактором альманаха «Уральский современник». Здесь были напечатаны многие его сказы.

1942 г. Книга П.П.Баждова «Малахитовая шкатулка» (19 сказов) вышла в издательстве «Советский писатель». Тираж брошюровали в прифронтовой Москве.

1943 г. За книгу «Малахитовая шкатулка» П.П.Баждову присуждена Сталинская премия второй степени.

Дом-музей П.П. Баждова в Сысерти.

1943 г. П.П.Бажов вместе с писателем Е.А.Пермяком побывали в Тавде, Таборах, выступали на заводах, в школах и на литературных вечерах.

1943-1944 гг. В нескольких издательствах (Свердловск, Москва, Челябинск) вышли «Уральские сказы о немцах» П.П.Баждова. Написан и опубликован сказ «Живинка в деле».

1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР П.П.Бажов награжден орденом Ленина.

1944 г. Вышло восемь сборников сказов П.П.Баждова. В том числе «Малахитовая шкатулка» издана в Свердловске (29 сказов), Москве и Лондоне. В Свердловске состоялась премьера балета «Каменный цветок».

1945 г. В Свердловском дворце пионеров и школьников открылась комната уральских сказов П.П.Баждова.

1946 г. Свердловский, а затем и Московский кукольные театры поставили спектакль по мотивам сказов П.П.Баждова «Сказы старого Урала».

1946 г. П.П.Бажов избран депутатом Верховного Совета СССР по Красноуфимскому избирательному округу.

1946 г. На экраны страны и мира вышел звуковой цветной фильм «Каменный цветок».

1948 г. В Москве издана «Малахитовая шкатулка» с иллюстрациями В.Баюскина. Эту книгу П.П.Бажов подарил жене, назвав лучшим изданием.

1949 г. В Москве и Свердловске вышла в свет автобиографическая повесть П.П.Баждова «Дальнее-близкое. Из воспоминаний о нашем городе».

1949 г. К 70-летию П.П.Баждова в Свердловске выпущено красочное иллюстрированное издание книги «Малахитовая шкатулка».

1950 г. (3 декабря) П.П.Бажов скончался в Москве в кремлевской больнице. 10 декабря он похоронен на Ивановском кладбище в Свердловске.

Хроника составлена Ю.А. Горбуновым при участии В.В. Горевой. Источниками послужили материалы М.А.Батина, Н.В.Кузнецовой, Л.М.Слободжаниновой.

Знаете ли вы сказы Бажова?

По горизонтали:

1. Как звали кошку Даренки? 4. Нянюшка девицы Золотой волос. 6. Кто охраняет золото? 7. Что мочила в воде Золотой волос? 11. Кто помог Айлышу? 12. Кто пропал вместе с Серебряным копытцем? 13. В кого превратилась Хозяйка Медной горы? 14. Кому Хозяйка Медной горы зеркальце подарила? 15. Что подарила странница Танюшке?

По вертикали:

1. Зеленый поделочный камень. 2. Имя отца Танюшки из сказа «Малахитовая шкатулка». 3. Прозвище глупого барина. 5. Кто забрал Даренку? 8. Вторая хозяйка Медной горы. 9. Что подарила Степану Хозяйка Медной горы? 10. Домик в лесу.

Ответы на стр. 23.

*Кроссворд по сказам П.П.Бажова составил Дима Бердов,
ученик 3 «б» класса лицея № 135 г. Екатеринбург.*

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Алексей Мельников (р. 1969) – живет в Екатеринбурге. До знакомства с творчеством Рика Патрика переводил поэтов Великобритании (А. Теннисон, Р. Браунинг, Т. Элиот, Р. Грейвс, У. Оден, Т. Хьюз) и США (Э. Дикинсон, Р. Фрост, К. Сэндберг, Р. Уоррен, Х. Плужик, Л. Ферлингетти).

ОБ АВТОРЕ

Рик Патрик (р. 1970) Rick Patrick – живет в Сиднее (Австралия). Автор 5 поэтических книг: YOU AND ME (1996); MORNINGS (1996); LOVE POEMS (1998); 110 LOVE POEMS, v. 1 (2001); 110 LOVE POEMS, v. 2 (2002). В русском переводе публикуется впервые.

КАК МИР СОЗДАТЬ – TO BUILD A WORLD

Цикличность созидания миров и их разрушения позволяет сказать о родстве с Д. Томасом (1914-1953), певцом вечного обновления и вселенского круговорота, что ярче всего проявилось в книге COLLECTED POEMS (1952)

1
 Весь мир создать
 Лишь одной парой рук.
 Побывать в космосе,
 Где открыть сто миров.
 Посетить океан
 В поисках новизны.
 Лелеять минуты,
 Секунды, моменты -
 Пока ты видишь
 И дышишь ты,
 Покуда ты жив.

2
 И представленья дать
 Для новых лиц.
 Поглубже входить,
 Искать получше,
 Смех вызывать, плач
 Как у младенцев,
 Чтоб с ними заодно -
 И вдох, и выдох.

3
 Парить, как птица,
 Среди снежных вершин
 Своих побед и удач,
 Омытых кровью.
 И заново начать,
 Забыв о старом,
 Вновь мир создать
 Лишь одной парой рук.

1
 To build a world
 With your own two hands
 To fly in the cosmos
 Discover new planets
 To dive in the ocean
 In search of new life
 To cherish the minutes
 The seconds, this moment
 That you can still see
 And can still breath
 That you are a live.

2
 To play in a theatre
 In front of new people
 To show a deeper
 A better inside
 To laugh, make them cry
 Like kids, like newborns
 Before them and with them
 As one make them sigh.

3
 To live like a bird
 High in its mountain
 Of your own true glory
 Earned bleedingly hard
 To make new beginnings
 And close off old ends
 To build a new world
 With your own two hands.

Я ПОМНЮ – I KNOW

Отчетливые до навязчивости воспоминания о жилище любимой позволяют обнаружить связь с Т.Э. Хьюмом (1883-1917), чья склонность находить неожиданные ракурсы при взгляде на обыденные предметы отчетливой всего проявилась в книге SPECULATIONS (1924)

1	1
Я помню дом,	I know your place
Я помню дверь,	I know your door
Я помню лифт, в котором ехал,	I know the lift to take me there
И кнопку, что нажал.	And what it looks inside
Я помню синь в твоих глазах	I know your beautiful blue eyes
И нежность в них	And their gentle stare
Я помню их ясно, я	And I can almost see them
Почти вижу их.	Standing against mine.
2	2
Я помню улыбку,	I know the way you smile
Я помню смех	And how you laughed -
Твой над моей трепотней.	When I told you silly jokes
Я помню, как хотел	And how I wished - to place -
Вложить ладонь в ладонь	My fingers upon yours
И взглядом взгляд перехватить.	And look at you - a little closer .
3	3
Я помню дверь в спальне,	I even know your door
Я помню расцветку штор	I know your curtains color
И бледный свет из окон -	Your bedroom windows pale light
Не помню лишь, когда	But I'd forgotten when -
Я был с тобой... Бог мой!	I saw you last ...Oh god.
4	4
Как давно это было.	It's been a such a long time.

ВНОВЬ – AGAIN

Сказочный сон, охвативший лирического героя, наводит на мысль об У. де ла Маре (1873-1956), создателе гротескно-фантастического мира, как бы увиденного глазами ребенка, что полнее всего воплотился в книге BELLS AND GRASS (1941)

Востока нет,	I can't go east
Нет запада,	I can't go west -
И юга нет,	I can't go south
Нет севера...	I can't go north
Мне снилось, что	I had a dream
В чудесный лес вошел я.	I was in wonder forest
Вдали -	Far up -
Там, где с землей сходится солнце.	Where the horizon meets the sun
Был окружён я	I was surrounded
Табуном,	By horses
Сам как мустанг летел я,	I rode alongside of them
Покуда длился день,	Until the day was done
Спешил вперед.	I rode at speed
В уступах скал	Along deep cliffs
Птицей свистел,	I talked to birds
Стлался травой,	And grass and trees
Видел орлов	I watched the eagles
В облаках	Glide the sky
И ласку ветра ощущал.	I felt the soft caress of winds.
Но после вторглось нечто -	Then, someone spooked my wild bunch
Прогнав табун, солнце затмив.	My horses ran, the sun went down
Ветер затих, умолк ручей...	The wind came low - the mountain creek
Проснувшись, я был вновь совсем один	And I awoke, to find myself alone
И вновь хотел уснуть я.	And wish I weren't... again.

ТЩЕТНО – IN VAIN

Резкие смысловые и синтаксические разрывы вызывают ассоциации с Т.С. Элиотом (1888-1965), чье умение передать напряженное состояние человеческой души ярче всего отразилось в книге PRUFROCK AND OTHER OBSERVATIONS (1917)

1
Тщетно,
Тщетно жду, что позвонишь,
Тщетно надеюсь я,
Застыв на месте -
Рядом с трубкой,
Чтоб кинуться на звонок.

2
Ты сказала,
И я поверил.
Я начудил,
Как ученик,
Что не сделал урок.

3
Реальность
Берет меня за горло.
На фронте нашей любви
Мне больше не стрелять.

1
In vain,
In vain I a wait your call
In vain I am hoping
Reclined in my seat
The phone would ring
And I would grab it jumping.

2
You said you would
And I believed you
I sound naive -
Like a schoolboy
Who didn't do his homework.

3
Now the facts
They are coming to haunt me,
And ...at the battlefield of love
I've fired my last bullet...

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ – THE SECRET LOVER

Душевное влечение, выраженное с помощью телесных деталей, заставляет вспомнить о Д.Г. Лоуренсе (1885-1930), великом живописце любви и страсти, что особенно мощно выразилось в книге NEW POEMS (1918)

1
Не погружусь в тебя,
Но ты вошла мне в сердце.
Не прикоснусь к тебе,
Но я прильну -
Во сне вновь.
2
Не поговорю с тобой,
Не крикну, как люблю тебя,
Не обнимать тебя мне,
Но твоя кожа
Рядом с моею -
Во сне.
3
Не позвоню тебе,
Хоть твердо помню номер.
Я день и ночь хочу тебя,
День, ночь – твое лицо со мной,
Так стала ты -
Любовью тайной в снах моих.

1
I can never have you
Though I have you in my heart
I can never reach you
Though I touch you
In my dreams.
2
I can never talk to you
Though I always say I love you
I can never hold you tight
Though I feel your skin
Leaning against mine -
Each night.
3
I can never call you
Though I know your number well
But I always, always want you
Need to think about you -your face
And you've become
The secret lover of the night.

ЕСЛИ ПОЗВОЛИШЬ – IF YOU ALLOW ME

*Внутренний мир влюбленного, изображенный как сказочный пейзаж, живо напоминает о Р. Р. Грейвсе (1895-1980), чья
искусственность в интимной лирике полнее всего проявилась в книге
MORE POEMS (1961).*

1
Если позволишь,
Я обернусь
К тебе другой стороной – страной,
Что за моей улыбкой скрыта,
Что спрятана от глаз твоих.

2
Если позволишь,
Я проложу
Извилистый и долгий путь
К тому дворцу, что глаз ласкает
Рубином, золотом и медью.

3
Лишь не спеши
И дай мне слово в том,
Что, завладев ключом, войдешь
Ко мне, как гость, а уходя
Навеки, не похитишь
Ни соринки, ни капли.

1
If you allow me
I will show you
There is another side to me
A side that's hidden far beneath my smile
A side, your eyes can never see.

2
If you allow me
I will tell you
It's long and winding like a road
That leads in to a ruby palace
Where everything is brass and gold.

3
But take it slow
And promise me tonight
That if I grant you with the key
You will be careful once inside
And should you go, should you leave
You wouldn't steal a part of... me.

КОММЕНТАРИИ

Д.М. Томас (1914-1953) D.M. Thomas – британский поэт, прозаик, драматург. Автор 8 поэтических книг, включая COLLECTED POEMS (1952). Автор 3 книг прозы, включая роман PORTRAIT OF THE ARTIST AS A YOUNG DOG (1940). Автор радиопьесы UNDER MILK WOOD (1954). Классик британской литературы.

Т.Э. Хьюм (1883-1917) T.E. Hulme – британский поэт и эссеист, основатель Клуба новой поэзии (1908). Погиб во Франции во время 1-й мировой войны, из-за чего его основные произведения были напечатаны посмертно. Наиболее полно его стихи представлены в книге The Life and Opinions of T.E. Hulme (1960), а его эссе – в книге Speculations (1924).

У. де ла Мар (1873-1956) W. de la Mare – британский поэт и романист. Автор 20 поэтических сборников, включая BELLS AND GRASS (1941), Автор 5 романов, включая MEMOIRS OF MIDGET (1921). Посвятил себя литературе, благодаря поощрительной пенсии, полученной от правительства Великобритании.

Т.С. Элиот (1888-1965) T.S. Eliot – британский поэт, драматург, эссеист. Автор 9 поэтических книг, включая PRUFROCK AND OTHER OBSERVATIONS (1917). Автор 2 драм, включая COCKTAIL PARTY (1950). Автор 4 сборников эссе, включая ON POETRY AND POETS (1957). Лауреат Нобелевской премии (1948).

Д.Г. Лоуренс (1885-1930) D.H. Lawrence – британский поэт и прозаик. Автор 8 поэтических книг, включая NEW POEMS (1918). Автор 5 книг прозы, включая роман SONS AND LOVERS (1913). Классик британской литературы.

Р.Р. Грейвс (1895-1980) R.R. Graves – британский поэт и эссеист. Автор 30 поэтических книг, включая MORE POEMS (1961). Автор 3 книг эссе, включая THE WHITE GODDESS (1948). Лауреат Королевской Золотой медали за поэтические достижения (1968).

*Автор выражает благодарность THE BRITISH COUNCIL LIBRARY,
чей фонд активно использовался при подготовке данной публикации.*

Александра ЕВСТИГНЕЕВА

На страницах нашего журнала очень часто debutируют авторы, которые впоследствии становятся востребованными для читательской аудитории. «Уральский Следопыт» издавна публиковал и публикует произведения молодых талантов. Отныне рубрика, в которой будут пробовать себя начинающие акулы пера, называется «Школа юного журналиста». Для следующих публикаций в этом формате мы обязательно свяжемся с ведущими журналистами города, чтобы получить резюме на репортажи начинающих.

А сейчас вашему вниманию два дебюта: рубрики и автора.

Юные путешественники покоряют леса

Хотел ли ты когда-нибудь прыгнуть с парашютом? А залезть на Эверест? А, может, ты мечтал просто посидеть у костра с друзьями? Увидеть завораживающие деревья, запорошенные снегом и с головой окунуться в сугробы. Тогда тебе необходимо узнать о ребятах, которые в любую погоду стремятся попасть в лес, чтобы побыть наедине с природой и на некоторое время забыть о городских делах. Моё знакомство с этими интересными людьми состоялось в юношеском турклубе «Синегорье».

Клуб существует уже 50 лет. Главное его направление – организация и проведение спортивных туристических походов с последующим присвоением спортивных разрядов. На протяжении последних 13 лет руководителем турклуба является Алексей Алексеевич Якубовский, который организует и формирует состав участников. Именно Алексей Алексеевич рассказывает мне, как в снег и в дождь, холод и жару идут нелёгкими туристическими тропами, и как отдыхают после трудного пути юные покорители просторов. Также он поведал о том, как разрабатываются маршруты, и как без плиты приготовить обед и заварить чай. Руководитель признаётся, что главное в туризме – оставаться человеком, ведь нередко возникают ситуации, в которых можно разобраться только при помощи верного друга.

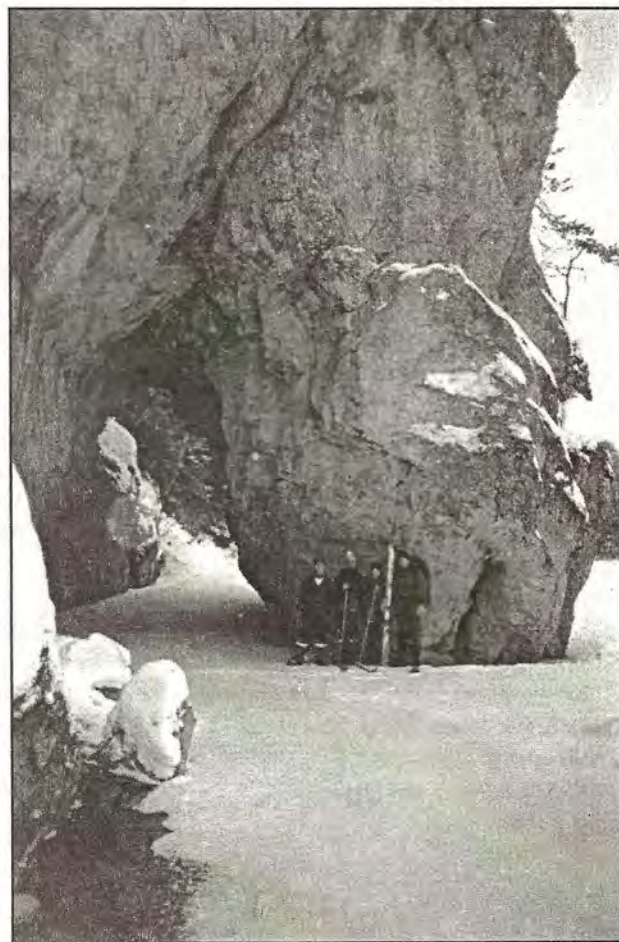
Учитель раскрывает мне секреты: «На первых порах без проблем с гигиеной не обходится. Один самодовольный мальчик считал, что мыть посуду в походе совсем необязательно, ведь он же не дома, и никто ругать его не будет. После нескольких беззаботных дней он обнаружил, что маленькая лесная мышка решила поселиться в его кружке и оставила там много неприятных сюрпризов. Это происшествие стало для юного следопыта важным жизненным уроком – надо следить за собой и прислушиваться к советам старших».

У настоящих туристов каждая неделя на счету. По воскресеньям они устраивают однодневные походы, но когда наступают каникулы, группа отважных юношей и девушек совершает многосуточные путешествия. Прошлым летом местом исследования были выбраны просторы Южного Урала, а этим – северная часть Уральского хребта.

Я решила воспользоваться знакомством с настоящими туристами и попросилась на маленькую воскресную прогулку, чтобы получить свою порцию впечатлений и воочию убедиться в том, что зимой можно не просто развести костёр, но и обед на нём приготовить.

Конечным пунктом нашего похода было выбрано река Серга в национальном парке «Оленьи ручьи».

Часы показывают семь утра, но я уже не дремлю. С рюкзаком и в валенках сажусь в сонный автобус и отправляюсь на железнодорожный вокзал, где меня ожидают восемнадцать «последних героев». Проходит ещё несколько минут, и вот мы едем в пригородном электропоезде Свердловск – Дружинино, это около двух часов. Далее следует пересадка на рабочий

поезд до станции Бажуково. Увлечённые разговорами о предстоящем, мы не замечаем, как пролетает время.

Начало весёлое, но одновременно трудное. Преодолев несколько крутых подъёмов и не менее крутых спусков, мы идем по вытоптаным узким тропам. Идти нелегко, поскольку семь километров для начинающих туристов – это всё же испытание. И в этом испытании девушки и юноши равны.

«До Дыроватого Камня» рукой подать», – успокаивает нас Алексей Алексеевич, вдохновляя на новые подвиги. Действительно, после такого приободряющего слова руководителя открылось второе дыхание. Но прошло ещё полчаса, а намеченная цель не показывалась на горизонте, и второе дыхание куда-то опять пропало.

Вскоре нами был разбит лагерь, разведён костёр, приготовлена еда (это оказалось совсем не трудно и вполне возможно). Когда трапеза была завершена, мне, сытой и усталой, хочется спать, но расслабляться никак нельзя, – нас ждут дальнейшие победы.

Наша дружная команда расположилась прямо у крутого скалистого обрыва на спуске к реке. Рядом с нами остановились взрослые скалолазы. Мне стало очень интересно, и я завязала беседу с одним из них. У Александра Третьякова, из школы горных видов спорта, первый взрослый разряд. Он рассказал мне, что занимается покорением горных вершин с восьмого класса. На горных массивах, подобных Дыроватому Камню, тренируется каждые выходные, чтобы сохранить форму для участия в соревнованиях. Скалолазы производят впечатление физически очень сильных людей, да и как же может быть иначе, ведь им постоянно приходится испытывать нагрузки.

К сожалению, наш разговор продлился недолго, так как Александр, всё-таки, приехал тренироваться. Меня, тем временем, позвали попробовать залезть на эту двадцатиметровую скалу. Обойдя массив с другой стороны, я увидела большие пласты камней, по которым поочерёдно поднимаются наши экстремалы. Я решила рискнуть и тоже попробовать совершить своё первое в жизни восхождение, хотя мои неосторожные шаги часто сопровождалась падениями. Вот пройдена половина пути, и только сейчас я поняла, что подъём без страховки очень страшен, но отступать уже некуда. Когда все препятствия были позади, я, стоя на вершине, поняла как красивы огромные заснеженные равнины, горящие под солнцем, чистый воздух и проникнутая гостеприимством и любовью природа. Вот ради чего люди, называющие себя туристами, совершают безумия, вот к чему они стремятся.

Обратный путь мы преодолели за полтора часа. Подошли к станции, сели в электричку и всю дорогу простояли на «ватных» ногах.

Вот так я стала свидетелем того, как юные экстремалы покоряют уральские просторы.

Фото автора.

Ответы на кроссворд, опубликованный на стр. 17

По вертикали: 1. Малахит. 2. Степан. 3. Парот. 5. Кокованя. 8. Танюшка. 9. Шкатулка. 10. Балаган. 14. Тютюка. 15. Путьюка.

По горизонтали: 1. Муренка. 4. Лисичка. 6. Полоз. 7. Коса. 11. Филин. 12. Кошка. 13. Ящерица.

Эдуард ГРАЧЕВ

Эдуард Грачев родился 10 февраля 1968 года в г. Нижний Тагил. После окончания средней школы поступил в Уральский Государственный Университет на физический факультет.

В 1987-1989 годах служил в рядах СА. В 1993 году, после окончания учебы в Университете, начал предпринимательскую деятельность, чем и занимается до сих пор.

В 1999 году заинтересовался литературой и некоторыми вопросами философии. В результате чего в 2002 году была издана небольшая книга «В поисках смысла».

Как автор литературных произведений публикуется впервые.

Один день из жизни предпринимателей

Федор мягко сел за стол, предварительно подпернув брюки чуть выше колен – чтобы не вытягивались. Он посмотрел на часы – 8:45, Сергей Михайлович не должен был так рано позвонить, ну, а если и позвонил, успокаивал себя Федор, я всегда могу сказать, что в офисе с 9 часов. Ну не с 6-ти же часов ждать его звонка, пытаюсь возмутиться, он продолжал себя успокаивать, но зачатки возмущения преобразовались в испуг – очень надо, чтобы позвонил. Позвонит, обещал, и почему он должен звонить ни свет ни заря, у него у самого рабочий день с 9-ти часов. Вроде бы успокоившись, Федор подошел к тумбочке, на которой стоял новый, замечательный электрический чайник «Тефаль», и с видимым удовольствием нажал кнопку. Прислушался – внутри чайника что-то зашебуршало – работает. Чайник был подарком самим себе на переезд в новый офис. Наконец-то они с компаньоном смогли себе это позволить. Не бог весть что: совсем небольшая комната, но два стола, шкаф, компьютер, факс и прекрасный чайник – все как у людей. По крайней мере, сравнивая с сырым полуподвалом, где они раньше обитали – просто супер.

Федор налил в кружку кипятку, добавил кофейного суррогата и сахара и снова аккуратно сел за стол, не забыв подпернуть брюки. Готовился к возможной встрече с Сергеем Михайловичем (вдруг после телефонного разговора нужно будет срочно встретиться), брюки его были в идеальном состоянии. Отхлебнув кофе, стал обмысливать варианты развития разговора. Хотя он еще вчера подготовился к возможным вариантам, но мысли сами по себе забрели в тот отсек мозга, где хранилось все приготовленное для Сергея Михайловича. Собственно, основных возможностей было две: если он говорит нет, то разговор заканчивается секунд через 30 взаимными

пожеланиями всего наилучшего, если он говорит да, то тогда... Федор пошевелил губами от возбуждения: «Тогда уж я своего не упущу!».

Кофе кончился, стрелки показывали 9.30. «Ну что же, прочитаю пока газету», – Федор зашелестел «Аргументами и фактами» и на некоторое время погрузился в чтение. Его чтение напоминало беспокойный сон озабоченного человека. Мысли постоянно выскакивали из текста очередной статьи и отправлялись бродить по закоулкам серого вещества, воскрешая прошедшие события и напоминая о текущих делах. Федор решительно свернул газету, когда обнаружил, что читает на третий раз один и тот же абзац, но смысла не понимает, потому что думает о Сергее Михайловиче.

Зазвонил телефон. Федор вздохнул и для солидности пропустил два звонка, взяв трубку на третий:

– Феденька, – звонила жена, – я сегодня днем буду в центре. Давай съездим в «Петровский», выберем мне кофточку, я уже присмотрела, – так как согласие в подобных случаях удавалось получить не всегда, голос ее был очень сладок и нежен, звуки чем-то напоминали сладкие конфетки, но в данную минуту Федору они показались приторными.

– Я не могу, у меня дела.

На другом конце провода возникла пауза в несколько секунд, сулящая перемену настроения. Можно было даже не пытаться объяснять про важный звонок, скорей всего это было бы воспринято как оскорбление: разве может быть какой-то звонок насущнее важной покупки.

– Подумай хорошенько, – звуки этой фразы были похожи уже не на сладкие конфетки, а на гайки и болты.

– Извини, дорогая, не могу, – тон его был явно просительным, и поэтому в следующей фразе гайки и болты были слег-

ка прорежены сладкими конфетками:

– Если найдешь время, позвони мне на работу.

Короткие сигналы в трубке принесли облегчение. Федор тяжело вздохнул: «Кофту не купим – будет скандал». В другой раз, наверно бы, согласился, но сегодня не мог себе позволить! Мысли носились в его голове: «И уйти не могу, и кофту бы купить». Федор представил себе толстый серый свитер крупной вязки (бабушка вязала), он был безразмерный и совершенно несносимый. «Такой, наверно, даже без примерки можно купить», – мысль о том, каким образом управиться за 5-7 минут стала захватывать его. Он взял телефон и набрал рабочий номер жены. На первом же гудке она сняла трубку. «Ждала, видимо», – подумал Федор, и в животе его как-то неприятно засвербило.

– Верочка, – голос его журчал необычайно нежно. «Какво я! Как умею!», – с восхищением подумал Федор и продолжал, – Может быть, ты сама сможешь выбрать себе кофточку?

– Ты же знаешь, что мне нужен твой совет! – гайки и болты больно ударили в висок.

– А ты попробуй один разок, – невероятно трудно, но фраза была выдержана в самых нежных тонах.

– Ну что ж, буду ходить как бомжиха... – похоже эта порция гаек и болтов была разъедена солью.

Попытка закончилась провалом. Настроение Федора испортилось. Теперь он отчетливо представлял, как будет выглядеть его вечер.

Он пододвинул к себе пачку рабочих бумаг, включил компьютер и погрузился в работу. Это позволило забыть ему о неотвратимости предстоящего вечера и даже о Сергее Михайловиче. Работа несколько раз прерывалась дребезжанием телефона. Звонили разные люди, в основном по делу или окологлазовым вопросам, но почему-то ни один человек не был Сергеем Михайловичем.

Около 2-х часов дня Федор решил, что пора бы пообедать. Недалеко была часто ими посещаемая закусочная с хорошим качеством пищи и разумными ценами. Обычно при ее упоминании он обращал внимание на первый признак, хотя постоянно возникло скорее из-за второго. Но сегодня идти туда обедать было не с руки. Минут 40, а то и час на этот поход придется потратить, а Сергей Михайлович еще не позвонил. Хотя полдня уже прошло, и он, если заинтересован, давно бы мог позвонить, но ведь договорились: в течение дня...

Федор нажал кнопку на чайнике, выудил из шкафа упаковку «Доширака» и похвалил себя за предусмотрительность. Конечно, горячего борщика употребить было бы лучше, но – Искусство требует жертв, – почему-то подумал Федор и принялся за «Доширак». За этим занятием его и застал компаньон.

– Привет, обедать не пошел?

– Как видишь, – Федор исподволь пытался повнимательнее его разглядеть: с похмелья что ли? Вроде бы гладко выглядит, но что-то не то.

– Костёк, – ударение на втором слоге было собственным изобретением Федора при обращении к компаньону, – ты чего так поздно?

Глаза Константина забегали, но отвечал он довольно уверенно:

– Был у Петра с Андреем, обсуждали их предложения.

Он не стал вдаваться в детали, тем более, что обсуждение предложений состоялось еще вчера вечером, которое вылилось в грандиозную попойку, вследствие которой он сегодня долго не мог отделить себя от кровати.

Костя медленно подошел к «Тефалу» и очень осторожно налил себе чай. Руки его дрожали, и это не ушло от внимания Федора. Константин тяжело сел за стол, пододвинул к себе груды бумаг и стал пить чай, откинувшись на спинку стула, держа в одной руке кружку, а в другой очередной лист из пачки.

Тишина была испорчена звонком телефона. Федор по забывчивости схватил трубку на первой же трели. Однако звонили по поводу оплаты коммунальных услуг. Переговорив, Федор снова без энтузиазма углубился в прайсы и буклеты. Неожиданно Константин вскочил из-за стола и радостно сказал:

– У нас бумага кончилась, схожу куплю, – и не дожидаясь ответа бодро вышел из офиса.

Посмотрев ему в след зомбирующим взглядом, Федор медленно перевел его на стол. День складывался так, что ему ничего не оставалось, кроме изучения собранных буклетов и проспектов в поисках возможной полезной информации.

Около 5 часов вернулся довольный Константин, демонстрируя упаковку стандартной бумаги. Настроение его было приподнятое, но вид почему-то помятый. – На лавке в сквере отдыхал что ли? – подумал Федор, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди. День заканчивался гораздо противнее, чем начинался.

– Кстати, что с Сергеем Михайловичем, он позвонил? – спросил Константин через некоторое время.

– Нет, – мрачно ответил Федор. Он давно посматривал на часы: сейчас уже 17:35, через 25 минут рабочий день уже кончится. – Еще немного подожду и позвоню сам, теперь уже будет вполне удобно, раз в течение дня не дождался звонка.

В 17:45 он решительно набрал номер телефона. Сергей Михайлович сам взял трубку:

– А-а, Федор Петрович, добрый день, – говорил он подчеркнуто вежливо и очень официально, – К сожалению, сегодня возникли непредвиденные обстоятельства, и я не смог рассмотреть ваши предложения, но завтра я обязательно вам позвоню.

Федор обессиленно положил трубку.

– Ну что? – Костёк смотрел на него ожидающими круглыми глазами.

– Теперь будем ждать завтра...

Возникла долгая пауза, во время которой Федор представил себе Сергея Михайловича в сером безразмерном свитере, лежащего на лавке в сквере.

Костя встал, заложил руки в карманы и задумчиво походил по офису, затем, вдруг остановившись, спросил:

– Федя, может, пивка?

Федор посмотрел на Костино лицо, ожившее при произнесении этого вопроса, и подумал: – Ну, какая собственно разница: скандал по поводу пьянки или некупленной кофты. И умиротворенно сказал:

– Пожалуй, самое время.

Валентин НИКОРА

Наследник

Факел дрогнул в моей руке.

Тупик?

Нет, – дверь: самая настоящая, замшелая, с зеленой ручкой в форме кольца. Интересно, а сама дверь каменная?

Огонь плясал в моей руке и тихо потрескивал.

Меня влекло в непознанные миры. Я хотел пройти внутрь: страстно и немедленно.

Но кто-то осторожный во мне: то ли ангел-хранитель, то ли змей-искуситель нашептывал: «Не спеши!».

Я коснулся двери рукой. Я ожидал, что меня ударит током, или осенит видение, как в дешевых мистических боевиках. Ничего. Только рыжая грязь. А под слоем глины – дерево, скованное старинными железными навесами. Чудно. Я такие двери только по телевизору видел в программе «В гости у сказки». А вот, поди ж ты, – существуют.

Я нажал, на кольцо, втайне надеясь, что меня пропустят. Нет. Как и положено – заперто.

Я сдержал вздох разочарования. Жаль. И будет смешно, если это – вход в заброшенную шахту или в винный погребок. Впрочем, у нас, на Урале, еще встречаются тайные укрытия староверов.

Я ударил плечом. Ничего. Только перепачкал ветровку.

Хм... Если я прав, то этим доскам как минимум около тысячи лет. Да они здесь изгнить давно уже должны, в такой-то сырости! Неужели: опять не то?

Я поднес факел поближе: дерево старое. Это точно. Век-то ему есть. Что я, не отличу древней резьбы от жалких подделок современных мастеров?

Я вспомнил свою работу в так называемом Научном Центре Фольклористики Урала. М-да: много на земле идиотов. Вот позавчера привезли старообрядческие кресты. Прямо с могил из деревни Кушино. Директриса – озабоченная и недалекая дама, разрывающаяся между любовником и мужем, затопала ногами и начала кричать, что ей позарез нужны параметры этих крестов. Все разбежались, точно кролики, завидевшие в небе голодного коршуна. Я остался.

Директриса подползла ко мне злобным питоном:

– И ты боишься проклятья мертвецов?

– Хм. – Сказал я. – Я не трус...

Мы поняли друг друга с полуслова.

– Три дня отгулов. – Это уже было деловое предложение.

– Хорошо. – Сказал я, взял рулетку и спустился к крестам.

Старообрядческое дерево было крепким: не скажешь, что век простояло. У основания, конечно, сгнило, но и только.

Директриса ходила вокруг меня, как лиса подле сыра:

– Диаметр дыры до миллиметра вымеряй. Мне важен угол наклона отверстия.

Я смеялся про себя. Весь Центр знает, кто у нас чего стоит. Небось, накануне книжку умную прочитала «Энциклопедия

Староверы. Издательство «Росмэн»», а то откуда бы благородной даме знать такие жутко интеллектуальные слова, как диаметр и угол наклона?

Но все оказалось много проще: было письмо из Курганского университета от вечной аспирантки Натальи Постулатовой со слезным: «Измерьте, опишите. Век не забуду. Иду на докторскую защиту». Ну и директрисе причиталось за труды. А самой пачкаться – ранг не позволяет, да и страшно – по глазам видать.

Там работы-то было на десять минут...

Но какая-то мрачная кладбищенская аура, все же была. Не то, чтобы страшно, а как-то неуютно. Я даже потом умылся с мылом. Так, на всякий случай. Старообрядцы – не плохие люди, но в семье не без урода. Вон взбрело же нашей дуре кресты из могилы выворачивать и везти за сотни верст. Могли бы произвести замеры на месте, раз так уж приспичило. Зачем было осквернять-то?...

И вот, как насмешка судьбы – через два дня – такая же шершавая поверхность закрытой двери под ладонью. Словно сами боги управляют каждым моим шагом: «Туда не ходи – снег башка попадет! Старый дерево видел, – теперь голова думай, да, а не тем место, из которого кизяк получается».

Вот я и думал. Потирал плечо и напрягал остатки мозгов. Хотелось плюнуть и подняться наверх. Сколько можно по этим пещерам шарахаться? Вот нашел я пятую дверь за полтора года. Можно расслабиться, пивка выпить, выспаться. Дорога теперь известна. Можно, конечно, прямо сейчас попробовать вломиться пещерным троллем, снежным медведем, да не хотелось портить себе праздник. Счастье ведь не в обладании, а в предвкушении.

Я сидел у входа в пещеру и самым примитивным, первобытным способом добывал огонь в диких условиях первозданной природы уральских гор. Я натащил всяких сучьев, сложил их, как учили еще в школе – шалашиком. Потер руки, чиркнул спичкой – огонь и занялся. Наверное, для дикарей – я бог. Жаль, что не было здесь аборигенов. И всяких туристов там, наркоманов, шпаны. Вообще никого не было. Да и не люблю я шумной компании. У меня всегда – своя свадьба, хотя Катя утверждает, что у меня – просто крыша в пути. Ничего подобного. Я точно знаю, чего хочу. Не всем же быть такими легкомысленными, как Катя.

Катя... Я задумался. Да, влекла меня к себе эта девушка, чьи родители родом из-под Киева. Нет, не сами они уехали. Украину просто так никто бросить не может. Отец у неё – полковник. А в армии и в церкви – куда пошлют, туда и отправишься. Даже если очень далеко пошлют, все едино – пойдешь, как миленький.

Припомнилось, как мы тут с Каткиным отцом две недели

назад вели «разговор за жизнь» обстоятельно так, по-мужски.

Я ему говорю:

– Ну, Петр Иванович, пришло время вашей дочери фамилию менять.

А он смеется:

– А ну, как не на твою?

– На мою. – Я горестно вздыхаю. – Что ж вы ребеночка-то хотите сироту сделать при живом родителе?

Врал я, конечно. Все это знали. Но полковник лишь засмеялся, опрокинул в себя стакан водки и потащил меня в свою комнату. А там: вы не поверите – книги! Нет, не наши, времен социализма. Бестселлер Леонида Брежнева «Поднятая Целина», эпопея Иосифа Сталина «Моя биография» и тайный, запрещенный завет от Адольфа Гитлера «Майн Камф» – это, возможно, круг чтения прапорщиков из Магадана, а наш Петро собирал старообрядческую литературу. Как у меня тогда глаза полыхнули! Я, наверное, был похож на беспризорного кота, которого приютили в приличном доме и познакомили с расположением комнат: «А здесь у нас кладовка, где сметана хранится...»

Нет, не ожидал я такого!

Я повернулся к Петру Ивановичу и почувствовал, как нервно затряслись мои руки:

– Я, это... Не ради книг! Я, вообще, про них не знал!

Будущий тесть стал серьезен, внимательно посмотрел мне в глаза, потом хлопнул себя по колену и сказал:

– Даже если свадьба расстроится, – ты можешь брать эти книги.

Я хотел обидеться, но, глянув на хорошо сохранившийся полуустав, лишь мотнул головой. Знал этот Петр Иванович, чем меня зацепить. Не зря, видать, до полковников выслужился. Понимал психологию...

Теперь я сидел один на горном плато, прямо у входа в пещеру, палил огонь, грел воду в котелке и мрачно жевал запеченную курицу. Мне её Катя собственноручно положила. Я ей не стал врать про командировки, просто сказал: «Мне очень надо!».

Как заправский турист и фольклорист, рюкзак я собирал сам: еда, вода, пиво, соль, шерстяные носки, котелок, чай, кофе, сахар. Хм, ну и тревник староверский. Не то, чтобы молиться, а нравился он мне. Я частенько раскрывал желтые, пропитанные воском, замусоленные страницы и видел не буквы, а лица людей. Богатая у меня фантазия. Ну дак не всем же быть математиками и программистами, кому-то надо быть и одержимым. Помнится, в шестом классе я достал «историчку». Время было старое, советское, но Платон в библиотеке был. Я, из одной природной вредности, чего-то там прочитал и потом, с умным видом, выдал про идеализм и одержимость, мол, боги человека именно держат, понукают, а все восхищаются: «Пророк!», да еще главу указал и страницу. Ох, что мне за это было! Нет, без сладкого меня не оставили, но я оказался диссидентом, разрушающим устои общества! Это в двенадцать лет! Ну, вредный, ну, шутки у меня такие. Меня потом даже товарищи сторонились и ворчали: «Ты не Паганини, а Джордано Бруно какой-то!». Музыкой – это меня мама заставляла заниматься. Вот, блин, детство! Все люди, как люди, один я – как придурак со скрипочкой. Все равно ничего не вышло:

медведь на ухо наступил или природная лень, или дворянская вредность – какая теперь разница? Музыкантов люблю, а сам – ни-ни! Хватит с меня прелестных воспоминаний детства!

Вода вскипела. Я достал красную кружку с надписью «Нескафе», ту самую, которую выиграл и получил бандеролью по почте месяц назад, черпнул кипятка из котелка, сыпнул кофе, сахару и уселся прямо на траву.

Перед походом Катя пугала меня клещами. Мол, будь осторожен: энцефалит – это такая зараза – и скрючить может, и память напрочь отшибить. А эти паразиты кусают, кого ни попадя. «Ага, – буркнул я, – они там на каждой скале эти клещи сидят, радуются, меня ждут. Ты еще мне пожарную каску положи – вдруг дождь пойдет, а мне мозги в сырости держать нельзя: от этого менингит бывает». На что мне Катя деловито ответила: «Я там тебе пачку презервативов заготовила. На ночь одевай, а то простудишь хозяйство!». В общем, пообщались. Нет, у нас хорошие, дружеские отношения. Мы и в самом деле собираемся создать ячейку общества, только серьезно любить человека со всякими там душевными надрывами, глотанием валидола, сочинением любовных поэм, лазаниям по балконам, когда можно через двери войти – это, знаете ли, перебор.

Итак, я нашел дверь. И я вполне мог предположить, что ничего хорошего меня за ней не ждет.

Двери в пещерах они, вообще, бывают разные.

Вот, к примеру, Гэндальф долго ломал свою мудрую голову, прежде чем ему подсказали, как именно понимать надпись: «Молви: Друг, и войди». Ну да, загадка для интеллектуала высшей ступени посвящения. Ну и, как водится, подземное царство гномов оказалось хорошим таким могильником.

А то еще Том Сойер двери в пещеру открыл, а там – труп. Красота...

Это, похоже, одному Буратино повезло: за дверью обнаружился театр. Ну это, видимо, потому, что сам Буратино – был деревянным, и детство у него оказалось трудным.

А я – живой. И за дверью меня ждала слава. Или позор. Или труп. Хм... Или выгребная яма. Чего на свете не бывает? На Урале ведь разные люди жили: дивьи племена, всякие там кочевники, горцы, старообрядцы, дезертиры, декабристы. В общем, – всякая шушера, то бишь – цвет российской интеллигенции...

Мысли опять и опять возвращались в покинутую пещеру. К двери...

Вот ведь, далась мне эта легенда!

Уж не знаю, с чего все это началось. Наверное, со снов.

В девять лет я был послушным мальчиком. На скрипке пиликал, доводя своим виртуозным мастерством всех соседей до нервных колик. Учился на «хорошо и отлично». Ага, попробуй-ка, кто на моем месте притащить «тройку», сразу: «Ты никого не любишь, не жалеешь; мы все тут из шкуры выпрыгнули, чтобы дать тебе приличное образование!». Террор обыкновенный, хозяйственный. Мне даже драться приходилось втихушку. Умудрялся обходиться без синяков. А яблоки с парнями не воровал: стыдно было, да и чего я кислотины не жрал? В общем, рос я спокойным, забитым, но ехидным ребенком, и вдруг – бац – пришли сны. Сначала я перепугался, проснулся от собственного крика в холодном поту. А по-

том ничего: привык, не жаловался. Да и что, собственно, привязываться ко взрослым? У них всегда на все один ответ: «Отвали, нос не дорос, нет времени на глупости». Ну да, все родители обычно занятые люди. Интересно, на фиг они, вообще, детей рожают? Чтобы от моды не отстать?...

Сны. Они всегда были похожими, но в тоже время, я замечал между ними какую-то странную взаимосвязь. Складывалось такое впечатление, что по ночам я просматриваю сериал «Кошмар вернулся на улицу Вязов». Я отчего-то снова и снова открывал каменную дверь, а там меня ждал... хм, как бы это лучше сказать. Не тролль даже и не вампир, а нечто огромное. Кто-то сидел на каменном троне и спал. И все. И каждую ночь я шел, чтобы разбудить это чудище. Мне было очень страшно, но я верил, что это – не просто гоблин такой, а заколдованный король. Нет, не принц, я ведь тоже – не Аленушка. А именно король, ибо короля может разбудить только наследник. Самое ужасное было в том, что во снах с каждым шагом я терял свое человеческое обличие и становился похожим на дремлющее чудовище, и у меня совершенно не было уверенности в том, что заклятие превращения имеет обратную силу. И я всякий раз просыпался, истерично оглядывая руки и ноги: не растет ли черная шерсть? Нет, не росла.

Сны были моей тайной, моей персональной дорогой на личную Голгофу... Зато мне всегда и во всем везло. Любая шалость сходилась мне с рук. «Ах, он же такой талантливый!», – шептались учителя за моей спиной и не жаловались родителям. Меня это устраивало. Я подыгрывал нашей классной – Марье Ивановне. Я даже стал звеньевым и подтягивал по русскому Алешку Быкова. Там мальчик был под стать своей фамилии, нет не глупый, но здоровый – косяя сажень в плечах, а кулак – что моих два. С такими лучше дружить.

Но от снов не защищают ни друзья, ни покровители, ни родители. Сны были моей тайной, платой за успех.

Быть всегда первым – здорово! Когда меня из года в год отмечали на общешкольной линейке, было приятно. Помнится, мне завидовали даже парни. Хотя не понятно почему: они-то сами не горели желанием оказаться на моем месте, боялись той самой кропотливой возни с отстающими и прочих «прелестей» активной школьной жизни. Они хотели славы даром, чтобы известность свалилась им на голову точно мешок картошки, оглушила бы их и преподнесла в готовом виде всему миру: любуйтесь, пришло племя молодое, незнакомое и даже талантливое.

Я понимал, что сны – это плата за везение. Но они стали приходить так часто, что иногда я начинал путать реальность и эти самые сны. Я стал молчаливым по необходимости: я не хотел случайно оговориться и выдать себя. Сны затягивали меня в свой черный круговорот, они перемальвали мою душу.

Сколько раз я говорил себе: «Ерунда! Подумаешь – чудовище на троне... Нужно хотя бы раз дойти и разбудить его. Наверняка, на этом сны и кончатся». М-да. Рассуждать легко, особенно, когда ты уже взрослый и бодрствуешь. А в детских снах все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд. Страх перед тем, чего не понимаешь – сильнее, нежели, скажем, перед конкретной злой собакой, сорвавшейся с цепи. А вот симптомы у него одинаковые: желудок сводит жгутом, и колени прогибаются, как у обычного труса. И это не только

во снах, это продолжалось и наяву. Мое счастье, что я учился во вторую смену и мог не вскакивать утром по будильнику, а подождать, пока страх отпустит, растает в лучах солнца.

Так и продолжалось до пятнадцати лет. Я привык к этим снам, и страх перед существом на троне исчез. В конце концов, если ужас методично повторяется много лет подряд, то он перестает быть навязчивым кошмаром, а превращается в мелкое житейское неудобство.

А потом отец решил меня просветить в некоторых вопросах, касавшихся нашей родословной. Мы заперлись на кухне, и отец сказал:

– Пришло время узнать тебе всю правду.

Я немного струхнул: а вдруг вся правда мне не понравится?

– Тебе никогда не приходило в голову, отчего у нас такая странная фамилия?

Ах, это! Я даже расслабился. Ну да, фамилия не ложится в фольклорные традиции нормального русского языка. Я же любопытный, нос всюду совал. У нас в четвертом классе, когда на меня обиделись, попытались обзвать и запнули. Сашка вдруг понял, что не может вспомнить про меня ничего мерзкого, что было бы известно всем, а фамилия моя не Козлов и не Жуликов. Сашка тогда плюнул и сказал свою коронную крылатую фразу: «Дурак!». А я задумался и пошел в библиотеку.

От обиды, что мою фамилию и исковеркать-то никак нельзя, я даже залез в словарь: в английский, немецкий, польский... Ничего. Восточных корней у фамилии я не искал. Уж больно у меня белая кожа и совершенно не поддается загару. Терпения хватило ровно на две недели. А потом я просто плюнул на это гнилое дело. И вот надо же, оказывается, отец все знал.

– Ну? – Отец видимо еще ждал ответа.

– Чего? – Не понял я, вынырнув из тины странных воспоминаний.

– Ладно. – Отец махнул на меня рукой. – Мы – не русские.

– Но ведь в свидетельстве написано... да и в паспорте у тебя. Я ведь видел своими глазами.

Вот тут отец и рассмеялся:

– Знаешь, как мне выписали это самое свидетельство?

– Откуда? – Буркнул я. – Я там не стоял.

– Правильно. Но не доверять деду, оснований ведь нет?

– Нет. – Я почувствовал, как мои ладони мгновенно вспотели.

– В общем, мы дакийцы.

– Кто? – Я слегка опешил.

Мне было пятнадцать лет, учился я хорошо, но точно знал, что в современном мире не существует такой народности.

– Как бы тебе это объяснить. – Отец замаялся. – Когда-то мы жили на территории современной Румынии.

– Ага! – Я развеселился. – И граф Дракула – нам троюродный дедушка.

Глаза отца вдруг полыхнули такой ненавистью, что я тут же прикусил язык и решил больше не ехидничать.

– Нет. – Видно было, что отец едва сдерживает гнев, – так взбули вены на его кулаках, и кровь хлынула к лицу. – Во

Времена Священной Римской Империи, будь она не ладна, ромей просто вырезали наш народ. Под корень. И тогда последний даки проклял захватчиков.

Я хотел сказать, что «даки» – это по-английски – утки, а может быть, даже – и биде, но лицо отца озарила тень мрачного вдохновения. Я оставил свои сомнения при себе и просто слушал.

– Но три мальчика сумели избежать смерти. Они хорошо запутали свои следы. Они были братьями, но потом – разделились. Один остался жить на родине. Второй – уехал на территорию современной Бесарабии, а третий – подался на север, к готам. Мы с тобой – потомки второго, среднего брата.

Звучало красиво. Бог родил Адама. Адам родил братьев, а от них родилась куча народов...

– И что? – Я предал голосу абсолютно нейтральное выражение.

– Проклятие, наложенное на ромейцев, не вошло в полную силу. Наш король был великим магом, но творил заклятие смертельно раненным, оставшийся один на поле, усталым телами родичей. Смерть нашего народа подарила ромеям замечательную особенность: в полнолуние захватчики оборачивались волками, и пожирали свои же семьи. Так наш король отомстил за гибель своего народа. Предполагалось, что ромей перегрызут сами себя, но они успели содрать женщин ближайших стран, и потому появились нормальные мадьяры и те, в чьих венах все еще бушевало проклятие – оборотни.

Теперь я молчал. Было видно, что отец свято верит во всю эту галиматью.

– Мы, потомки выжившего дакийца, многочисленны в Молдавии. Но здесь, на Урале, нас трое: дед, я и ты.

– А что ж нам не вписали румынскую или молдавскую национальность? – Я старался тщательно подбирать слова, чтобы не распалить отца еще сильнее. Кто ж знал, что он такой эмоциональный?

– Это был пятидесятый год. Полное и безоговорочное торжество советской власти, и жили мы тогда на Севере Казахстана. Еще Столыпин дал нам земли, и наш прадед уехал. Революция, конечно, все отобрала в пользу голодающих бездельников. Да так постаралась родимая власть, что прадед не смог уехать из страны, где у него больше не было земли. А когда я родился, дед пошел оформлять свидетельство о рождении. В конторе сидел полуграмотный, но очень умный мужик казахской национальности. Имя, фамилию и даже отчество он написал без единой ошибки, дату рождения безбожно перепутал, а над графой «национальность» глубоко задумался:

– Русский?

– Нет. – Покачал головою дед и сказал привычную байку. – Молдаванин.

– Э-э-э! – Прищурился грамотей. – Не ври! У нас бывают только русские и казахи. Других национальностей нет! А на казаха ты не похож.

Так мы стали русскими...

Я молчал. А что я тогда мог сказать?

В ту ночь мне снова приснилась каменная дверь, огромный тронный зал и дремлющее чудовище. Только я больше не боялся. Я бежал навстречу судьбе, и шаги мои грохотали в висках.

Впервые за долгие годы бесконечного приближения к тайне, я разбудил короля. И гигант поднял лицо. Это была волчья морда. Я ожидал увидеть полыхание адского пожарища в бездонных глазницах, ненависть, ярость, безумие. Но – в глазах мохнатого существа светился покой и умиротворение. Я остолбенел. Каким же я придурком был все эти годы! Я боялся разбудить чудовище, которое может пожрать весь мир, а потревожил сон древнего, но необычайно доброго существа.

Король умел говорить. Его голос был сильным, уверенным. Язык был странным, но я его понимал. Нет, не переводил, а чувствовал, жил в этой речи, точно рыба в реке.

– Ты пришел... Хорошо.

Я чувствовал колдовскую силу этих слов. Сознание мое уносило сквозь какие-то временные слои, и я видел какой-то бесконечный клип о войнах, о беженцах, о голоде и эпидемиях чумы, о восстаниях и жутких алхимических опытах, о человеческих жертвоприношениях и дворцовых интригах.

– Значит, кто-то еще выжил...

Видимо, король спал тысячелетия и теперь медленно собирался с мыслями. Слова долетали до меня сквозь лязг оружия, скрип висельниц, плач матерей и треск костров инквизиции.

– Они принесли нового бога. – Существо на троне кашляло, точно его мучила смертельная болезнь. – Возможно, я был не прав, но ничего не изменилось, кроме того, что все мои народы: один за другим вырезали люди, а самого меня заточили. «Дьявол!» – осенило меня.

Да, это могло оказаться правдой. Именно Дьявола свергли с небес и отправили в адское пекло, как гласят о том все легенды. И значит я – тоже черный мессия. Бр-р-р! Хотя, какой там к чертям Дьявол? Ни рогов, ни ведьм, ни падших ангелов – лишь пыль забвения.

– Ищи меня на Урале. У Черного Ра.

Я не понял последней фразы, но видения европейской христианской истории схлынули, оставив меня напротив человека-волка.

– Кто ты? – Я выдавил слова через силу.

Монстр на троне слегка удивился и вопросительно вскинул бровь.

Пауза затянулась. Наконец, король подземелий усмехнулся:

– Можешь звать меня Дьяволом, если тебе это нравится. Так пытались окрестить меня глупые слуги нового бога. Они не знали, что их бог, этот мальчик, – пришел спасти их от самоистребления. Только вот зачем? Мои народы занимались магией, но они не были так безумны, как люди. И не были такими алчными. И сыны не предавали отцов, и братья не убивали сестер... Давно это было.

Я кашлянул.

– Дьявола в том виде, в каком представляют его себе люди, просто не существует. Я не поднимал бунта против Верховного Творца. Никогда. Я лишь защищал свои народы. И ты бы сделал то же самое ради своих детей. Но все забыли обо мне. Не предали, а умерли. Странно, что, вообще, нашелся хоть кто-то из моих детей...

То нервно слотнул. Нет, не хотелось мне быть потомком волка.

Король вдруг улыбнулся:

– Все племена, уничтоженные людьми, оскорбленные, обездоленные, лишенные своей родины – они все мои дети. Не по крови, а по духу. Новый бог хотел испустить грехи людей, а о великанах, троллях, леших, о колдовских народах, о магах – он не позаботился. Он их проклял. И, знаешь почему? Да он их просто боялся. Они ведь творили и жили своим созданием, они могли приблизиться к состоянию Абсолютного Постижения Истины и сами стать богами. Нет, не таким, как я, а много выше. Меня гложет ненависть и обида. Потому-то меня и пленили. А мои народы – это ведь не совсем люди... Неужели ты сам не замечал, что над всей землей висят черные энергетические сгустки? И катастрофы, и нелепые смерти, и военные конфликты, тлеющие десятилетиями, – чьих рук это дело? Так называемый Дьявол – в геене, я – в подземельях. Новый Бог восседает в гордом одиночестве. Он выбрал людей, – и люди оказались коварнее моих народов. Они так же практикуют магию, но направляют её на всех без разбора. Что изменилось? Из многообразия выделили когорту, а всех остальных – уничтожили. И что? Жизнь стала лучше?

Я молчал. Я не знал ответов. Мне было тогда пятнадцать лет, и я был комсомольцем.

На следующий день я сжег свой комсомольский билет и отправился в церковь. Из любопытства.

Я слушал службу. Мне было спокойно. Во всех «ужасниках» утверждалось, что любой сговор с Сатаной всегда несет за собой куплю-торговлю душ и муки в лоне святой церкви. Или все это было полной чушью, или церковь стала продажной, или король в моих снах не был ни Дьяволом, ни слугой темных сил. Если бы у меня начался припадок или я чего бы увидел недозволенное, то глубоко бы засомневался в правильности своих поступков. А так – я обретал странную уверенность, что я – и есть наследник короля, его уполномоченный на земле. Нет, я не кичился, не кинулся читать книги по оккультизму и бубнить, что Агриппа – самый умный. Я даже подстраховался: прошел обряд крещения и причастился... Ничего. Мир казался чуть светлее, немного радостнее – и только. Из меня не вылез, матерясь и отплеиваясь, враг человеческий. Я еще тогда подумал: «А может дьяволу, если он, вообще, существует, кровь-то больше всего и нужна? А Христа там она или Вани Сидорова, – не все ли равно?». В общем, мои сны и православие в конфликт между собой не шли. И это было странно. Честно говоря, – неожиданно.

А потом я поступил в университет. Как всегда – без особых усилий. Меня как преподаватели видели: сразу млели и даже не слушали, что я им там плел. Они ставили мне «пятерки» и шептались у меня за спиной. Уж не знаю, чем это я их так поражал. К экзаменам я, конечно, готовился тщательно: надевал костюм вместо футболки и линялых, но любимых джинсов «Монтана», распахивал шпартгалки по карманам, показывал себе в зеркале язык. Правда, билеты никогда не учил. Вот еще! Мне достаточно было знать один вопрос из сотни, и именно он мне и выпадал, а дальше – меня никогда и не слушали: всегда останавливали.

Вот в университете я и налег на изучение фольклора. Нет, не для написания курсовой работы «Откуда есть, пошли на

земле Уральской вампиры, или чеснок – всему голова». Нет, конечно. Так, для себя. Для души, для снов.

Выяснилось много интересных вещей. Оказывается, на уроках истории нам все врал, не говорили даже сотой доли того, что было известно. Я узнал про Аркаим, Богумира, про королей-магов. Пытался сопоставить «Веды», «Библию», «Коран» и русские тексты «Велесовой книги». В голове моей образовалась такая каша, что я только окончательно запутался.

А сны продолжались. Я приходил и говорил с королем.

Лицо чудовища, медленно, ночь за ночью, менялось. Оно из волчьей морды превращалось в лицо. Я чувствовал это на уровне подсознания. И я гордился тем, что это именно общение со мной, снимает с короля какое-то проклятие.

Я стал много спать. Но это не сказалось на оценках, только – на знаниях. Дошло до смешного. На четвертом курсе нам предложили темы для курсовых работ по русскому языку. Я глянул и схватился за голову. Ни черта я не понимал в этих жутких предложениях о синтаксисе, морфологии и прочей дребедени. Ну, я и выбрал. Там была одна такая тема, наверное, специально предназначенная для меня «Эмоционально окрашенная лексика в речи студентов УРГУ». Здорово! Вот это я понимал. Живой, так сказать, фольклор.

Вот тогда, слоняясь в общаге и записывая всякие убожества и «неологизмы» я услышал странное слово «Дый». Я помню, что даже вздрогнул.

– А дый его знает! – Сказал первокурсник Виталик.

– Кто? – Я вперил в студента буравящий взгляд.

– Дый. – Повторил Виталик. – Так бабушка говорила... Вот оно! Нашел!

И я помчался в библиотеку.

Боги, сколько раз я натыкался на это имя и ни черта не понял до тех пор, пока оно не прозвучало!

Теперь я знал, как звали короля из моих снов – Дый.

А я, видимо, был дьевичем, а не дакийцем, как утверждал отец. А может быть, – это одно и то же... Только одно не давало мне покоя: Румыния и Урал – это не соседние деревни... Почему именно Уральские горы, а не Карпаты или Альпы? Действительно, почему?

Все эти воспоминания пронеслись в моей голове черным смерчем, и я очнулся у пещеры с чашкой остывшего кофе в руках.

Поднимался ветер, холодный, пронизывающий. Огонь стал метаться из стороны в сторону: пришлось его погасить, кинуть в рюкзаки остатки курицы и пустую кружку.

«Ну что? – Сказал я самому себе. – До дому, до Кати?».

Но это была бравада. Нет, не мог я так просто уйти отсюда. Я это знал, когда отвернулся от двери, когда разжигал костер и ел. Просто, я наслаждался ощущением неизвестности: та дверь, не та... Есть король, нет короля... Дьевич я или просто дурак...

Я достал требник. Ярko палило солнце. На этот раз с пожелтевших страниц я видел лишь полуустав и никаких лиц! Только старые буквы молитв. Значит, пришло время! Впервые в жизни я молился. Молился по книге, правильно, как положено ритуалом. И даже голос мой дрогнул, изменился. Я

пел, точно состоял когда-то в церковном хоре. Я даже этому не удивился. Просто отметил для себя, как факт.

И вот я снова стоял перед дверью. Боги! Сколько лет я шел сюда. Да, это именно та дверь. За нею – слава, бессмертие... Но дорога назад – в мир людей – будет для меня закрыта. И, значит, я никогда больше не увижу Кати. А она ведь предупреждала: «Бойся клещей!»...

Я потрогал ручку. Мне всегда в жизни везет. Стоит мне только захотеть, и дверь откроется сама, и за нею меня будет ждать спящий король. Но я почему-то медлил, взвешивал, думал.

Время в пещерах течет очень странно: скачками, его ход замечашь, лишь тогда, когда окончательно замерзнешь.

Это ерунда, что во снах дверь была каменной, а здесь – деревянной. Это же все простой символизм, подвигающий к поступку. Я просто должен впустить что-то в себя, в свою жизнь, а не топтаться на месте и не трусить...

Почему-то вспомнился ранний роман супругов Дяченко «Привратник». Там тоже парню нужно было открыть дверь и впустить в мир Третью Силу. Но он не открыл. Испугался, что погубит мир. А чего я боюсь?

Ответа не было.

Да, я отдавал себе отчет, что за последние годы слишком много читал и думал о всевозможных дверях и пещерах. Но я ведь искал истину, или, хотя нить к правде. Кажется, нашел. Я – наследник Дыя. Я родился, чтобы освободить его. А еще – Дый был королем дакийцев, – оттого он все еще в шкуре волка, – видимо, заклятие оборотничества стукнуло и самого бога. И все детство мое было испорчено ужасом этих снов. А теперь я взрослый – и сам стремлюсь на черный зов, точно бабочка на свет костра.

Я ведь знаю, что Дыя пленили Сварог и Перун. И не за одни добрые дела. Все боги любили и вином ужраться, и девок попортить, и морды друг другу набить. И до богоубийства у них доходило. Не могут быть древние боги белыми. По определению не могут. Это подтверждают все легенды. Все до единой. Отчего же меня притягивает к себе этот образ короля отверженных? Почему?

Я дернул за кольцо. Не открывается.

Еще раз, еще!

– Дый! – Закричал я. – Это я пришел, твой наследник! Пронись, Дый! Освободи меня от снов!

И дверь подалась внутрь. Со скрипом, от которого мурашки пробежали по спине.

Еще не поздно вернуться в мир, где есть Катя – милая девочка с ямочками на щеках, в мир, где Петр Иванович подарит мне шикарную библиотеку, а директриса сделает меня из младших научных сотрудников – старшим, или заведующим сектором фольклора. Мир, в котором мне всегда и всё удавалось, кроме одного: кроме реальной встречи с героем моих снов.

Я шагнул внутрь. Пламя факела взметнулось высоко к потолку, и зал мгновенно осветился тысячей огней. Нет, это было не электричество и не костры. Это лучились хрустальные шары.

Я увидел перед собой каменный трон. На нем спало стран-

ное существо. Огромное, раза в три превышающее меня, открытое черной шерстью. Нет, это был не Дьявол. Но и не человек. Я смотрел на короля отверженных, и волна жалости захватывала меня. Ведь этот древний бог спасал когда-то дакийцев и поволжских булгар, он защищал народы от монголов и инквизиции. Именно он вытаскивал прямо из костров невинных людей, которых обвиняли в колдовстве, он уводил непризнанных гениев в иные миры. Великий Дый – бог черного неба, сброшенный на землю, обернувшийся чудовищем. Добро и зло смешались в Дые, переплелись так тесно, что я не мог с уверенностью сказать, что предпримет проснувшийся бог. Он ли спровоцировал русскую революцию и кровавый террор большевизма? Отчего тибетские ламы первыми признали Советский Союз? Что люди, вообще, знали они о Дые и о демонах?

Я сделал шаг вперед и почувствовал, что слезы обжигают мои щеки.

Дый спал.

Я шел к трону. Я знал, что это – переворот миропорядка и устоев. Я отдавал себе отчет в том, что мог заблуждаться, и детский страх был более правильным чувством, нежели юношеский максимализм.

Бог вздрогнул, поднял голову и открыл глаза. Я ощутил покой и умиротворенность, как в детском сне. У Дыя было человеческое лицо. Нормальное. Не было волчьей маски! Не было!

Бог встал, и к ногам его опала шкура. Что это? На моих глазах умер и возродился древний бог. Дый просто выпал из старой шкуры и улыбнулся мне навстречу.

Что ждет теперь земной мир, – я не знаю. Я вернулся к своему королю. Я – последний дакиец, которому Дый позволил выжить, которого хотели убить во славу Христа... Нет, у меня нет ненависти к тем, кто с именем своего бога уничтожает народы; но и любви к ним у меня нет.

Наверное, это плохо.

Я вдруг начал понимать, что история человечества вершится сейчас даже не Дыем, а мной, последним дакийцем. У меня даже мелькнула нелепая мысль: «А, может быть, Дый – это я и есть? Кому как не самому богу будить себя же самого?». Мысль мелькнула и пропала.

А перед глазами уже крутился бесконечный клип новейшей истории. Соединенные Штаты опять бомбили очередную маленькую страну. Во имя Христа. И я должен быть принять решение: на чьей я стороне... С каким богом мне остаться?...

Я очнулся уже в электричке. Я не помню, о чем говорил с Дыем, как вышел из пещеры и пришел на станцию. Я даже не мог вспомнить, какой сегодня день. И отчего-то мне было очень тоскливо.

Я вышел на остановке Шарташ. Просто так, чтобы немного прогуляться, развеяться, собраться с мыслями. Но тут же натолкнулся на спешащую куда-то Катю.

– Котенок! – Это было обычное ее прозвище.

Катя обернулась и внимательно посмотрела на меня. Так, наверное, глядели Великие Инквизиторы и ведьмаки – прямо в душу:

– Вернулся? Уже вернулся?

В вопросе прозвучала изрядная доля скепсиса, будто меня здесь никто уже и не ждал.

Я фыркнул:

– А что? Третий – лишний?

– Нет. – Катя потупила глаза и сказала. – Пошли к нам. У нас радость: мама приехала.

Я знал об этой романтической истории, когда Петр Иванович просто отпустил свою жену к другому мужчине: без криков и скандалов, но дочь оставил себе. Теперь, видно, вернулась... Мамаша...

– Мне бы в душ. – Я смутился. – Пещерный туризм – не увеселительная прогулка в кафетерий.

– У нас и примесь. Чистые вещи отец даст. У вас один размер.

Это была правда: будущий тесть был поджарым и невысоким, и я согласился.

Когда я разделся и включил воду, меня вдруг объяла волна слепой ненависти. Я закричал зубами: «Гады! Гниды! Сволочи! Люди, мать вашу! Это же вы вытеснили всех нас на обочину, это вы залили землю кровью! А мы любили все вокруг. И земля сама нам рожала всего в изобилие. Ни кому и в голову не приходило пахать, то бишь просто царапать планету до первой крови. Ведь именно плуг натолкнул людей на мысли о пытках себе подобных. Мы не убивали просто так, только тогда, когда были голодны. А люди – не просто воюют, они хотят держать друг друга в страхе!». Я едва не закричал и двинул кулаком в стену. Раздался грохот.

За дверью раздался голос Кати:

– Ты в порядке?

– Да. – Глухо отозвался я, разглядывая окровавленные пальцы.

Черт, да что же это со мной?

Я посмотрел в зеркало: ничего необычного. Там отражался я, только не задиристый балагур, а какой-то уставший старик. Замученный, загнанный и бесконечно несчастный. Я усмехнулся. Но это была не улыбка, а волчий оскал.

Вот тут-то мне стало плохо. Я кинулся к зеркалу: да, лицо пришло в движение, оно начало меняться. Я уже знал в кого превращаюсь. Даже не в Дыя, а в спящее чудовище из детских кошмаров!

Я зажал рот руками. Только не кричать! Был бы я у себя дома, все оказалось бы намного проще. Но через время мне нужно появиться перед мамой Кати чистеньким и с человеческим лицом!

Я встал под душ. Сердце билось где-то в голове. Я читал наизусть все известные мне молитвы. Холодная вода медленно приводила меня в чувство. Когда я покрылся гусиной кожей, то смог заставить себя вышагнуть из ванной и посмотреть в зеркало: все нормально. Нет, не буду больше смотреть эти дурацкие фильмы ужасов! И не полезу больше ни в одну из пещер. Хватит, наполнился!

Мама Кати оказалась милой дамой среднего возраста. Ее звали Маргаритой Ивановной. Она была в каком-то строгом черном платье и на груди ее, напротив солнечного сплетения,

сиял круглый амулет из червленого серебра. Или это был талисман? Вечно я их путаю. В тройном круге красовался какой-то сложный рисунок, какая-то бессмыслица. И все же этот кусочек серебра на груди властной женщины притягивал мое внимание.

Все поели и пошли в зал – беседовать и смотреть «видик». Меня вдруг остановила Маргарита Ивановна:

– Есть дело. Пошли в Катину комнату.

Я мотнул головой и сглотнул. Мне не давал покоя серебряный медальон на шее этой женщины. Кто она на самом деле? Откуда взялась? Что-то мало она походит на нормальных людей.

Сквозь незашторенные окна светила полная золотая луна. Было уже часов десять вечера. Меня почему-то тревожил лунный свет.

– Ну? – И Маргарита предложила мне сесть в кресло напротив нее.

Блин, чертова мамаша. Она как будто все продумала нарочно! Из окна мне в лицо бил мягкий лунный свет. Но мне казалось, что он жжет кожу. Сама же Маргарита Ивановна оказалась к окну спиной и, казалось, не замечала моего замешательства:

– Поговорим?

– Я ведь все равно женюсь. – Я зло сжал кулаки. – И ваше несогласие – ровным счетом ничего не изменит! Где вас носило все эти годы, когда Катя нуждалась в материнской ласке и тепле?!

Мне казалось, что это говорю не я, вернее, не совсем я. Да, я так думал, но чтобы выдать сразу все запасенные аргументы в лоб – это не моя тактика.

Маргарита улыбнулась, щелкнула пультом и погасила в комнате свет.

Лунный свет буквально ослепил меня.

– Я не собираюсь мешать вашему счастью. – Голос прозвучал насмешливо и снисходительно. – Вы сегодня вернулись, хм... впрочем, это не важно. Что вам там сказали, в пещере?

Ах, вот оно в чем дело! Святая Инквизиция живет и побеждает! А как ловко: мама приехала. Это что же, дом обложили, и уже все знают, кто я на самом деле? Зачем я вернулся? Почему не остался с Дыем? У меня же, наверняка, был выбор! Должен был быть!

Я чувствовал, как от лунных лучей начинают дымиться мои волосы. Это было самой изощренной пыткой. Да, человечество хорошо освоило науку причинять другому боль!

– Включите свет! – Я угрожающе проинтел.

И тут, из углов комнаты, на меня двинулись призраки в белых хитонах. Я прыгнул вперед. Я почувствовал себя зверем. Я был взбешен. Кровь пульсировала в венах, а в голове стучало: «Убью! Убью! Убью!!!».

Я почему-то не ударил, а укусил призрака. Горячая, живая кровь хлынула мне в лицо. Вот как? Это не фантомы? А кто тогда я? Человек? Волк? Оборотень? Наследник Дыя?

Меня подмяли, мне нанесли удар в спину. Прямо между лопаток. Боги, как больно! Я вывернулся и впился во второе горло. Мертвою хваткой. А ногтями я рвал ткань и стучал по железу. Это были люди, но почему-то в доспехах, нет, не в

рыцарских, а в каких-то легких, точно гладиаторских. Белая ткань плащей летела на пол окровавленными тряпками. На ковре уже хрипели двое людей.

И тут я получил удар по затылку: хороший, точный. Комната куда-то поплыла и пропала.

Я очнулся в кровати. Надо мной склонилась Катя. Её глаза больше не были злыми, как тогда, на станции, как за ужином.

– Что случилось? – Я задал вопрос просто так. Я не помнил. И тех воинов в белых плащах, и удар ножа между лопаток, и даже лунный свет, прожигаящий моё лицо насквозь.

Я ожидал услышать что-то вроде того: время свидания истекло, но Катя сказала:

– Ты подскользнулся и ударился затылком о косяк.

Я потрогал перебинтованную голову. Спросить о трупях я не решался.

– Тебе привет от мамы.

– Угу. – Я сосредоточенно мотнул головой, мол, принял к сведению и цену.

– Мама просила тебе передать, что она – тоже дакиец. Потомок младшего брата, что её предки – из Мюнхена.

Я вздрогнул и уставился на Катю, точно впервые её увидел:

– Чего?

– Для тех, кто сильно ушибся головой, повторяю. – И Катя усмехнулась. – И мама у меня из Дакии, и папа, и сама я такая же. Мама нашла Дыя и говорила с ним. И отец ходил на поклон к богу, спасшему нас тогда от римлян. Только, знаешь, Дый с тех пор сошел с ума. Он уже многого просто не понимает.

– Все он понимает. – Буркнул я и ощутил легкое жжение в области солнечного сплетения.

Уловив движение моей руки, Катя добавила:

– Мама просила не снимать пока этот амулет.

– Почему? – Я уже начинал злиться.

– Потому что ты – прямой наследник. Но Дый – сошел с ума. Ты хочешь кончить жизнь в психушке?

– Ты с самого начала все знала, да? – Я чувствовал, как предательски дрожит мой голос. – И твой отец специально подсовывал мне староверские книги?

– Ну и что? – Катя отвернулась. – Я же люблю тебя, дурака. Поэтому мы тебя и отпустили одного.

– Ага. – Проворчал я. – А потом напали вчетвером на одного, чтобы я, дескать, ума набрался.

– Нет. – Сказала Катя. – Ты сам на себя напал.

У меня чуть не отвалилась нижняя челюсть. Ни чего себе заявочки! Ай да Катя-Катерина! Это надо же: сам себя покалечил!

– Кем был Дый? –

Катя говорила, уже не поворачиваясь ко мне.

– Ну, огромным волком.

– И ты так ничего не понял?

Я лишь пожал плечами.

– Ты впустил в себя безумие Дыя, оно же на тебя и обрушилось.

Я вспомнил тех людей в странных доспехах Римской Империи:

– И что теперь?

– Безумие бога не истребило себя полностью, но мама изгнала его из тебя. Амулет не допустит возвращения этой болезни.

– А если Дый не был болен? А если он прав: люди становятся страшнее, чем все погибшие племена. И Христос спас именно убийц и преступников? Что тогда?

– А ничего. – Катя повернулась ко мне и улыбнулась. – Нужно простить и жить дальше...

Художник Худорожко Ирина.

Валерий БУЛАНОВ

Об авторе:
 Буланов Валерий Георгиевич,
 дирижер-хормейстер,
 художественный руководитель
 лауреата Международных конкурсов
 Классик-хора «Аврора»,
 заслуженный деятель искусств России

НАКАЗАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЕМ

(шпаргалки для чайников)

Жили-были на реке Папа, Мама и семимесячная дочка по имени Аня. Жили они в самодельной палатке. Только палатка стояла не на берегу, а на воде. Ну, конечно, не прямо на воде, а на палубе большого надувного катамарана под названием «Белый Бим». Так окрестил катамаран его конструктор, Папин давний приятель – Леня Богомолов. Он же Папе и чертежи подарил.

Папа изо дня в день ловил рыбу прямо на ходу корабля, Мама занималась хозяйством, стирала пеленки и загорала, а дочка Аня, когда не спала, упорно училась садиться в своей коляске. Точнее – в люльке, стоящей прямо на палубе. Каталка же от коляски была на время сплава превращена в опору для кормового весла.

Управляли судном Папа с Мамой по очереди. Папа ухитрялся левой рукой держаться за кормовое весло, а правой – за любимую удочку.

Иногда катамаран причаливал к берегу. Папа разводил костер и сердито ворчал, сжигая кем-то оставленный мусор. Потом Мама варила на костре уху и кашку для дочери, а Аня ползала голышом по чистой травке и пробовала ее на вкус. Но больше травки и кашки Аня любила нежное мясо с толстых голавлиных брюшков.

Ночевали путешественники прямо на катамаране. На воде теплее, чем на берегу, да еще Папа где-то вычитал, что дышать ионизированным воздухом очень полезно.

Родители у Ани были, как бы это помягче выразиться, не совсем нормальные. Ну какие еще родители пустятся в водный поход с полугодовалым ребенком? Нормальные родители твердо знают, что в водном походе нет никакой возможности обеспечить малютку минимальным комфортом, полноценным питанием, антисептикой и просто физической безопасностью.

Но проблески здравого смысла случаются и у не совсем нормальных людей. Поэтому Анины родители запаслись всем, вплоть до маленького сосуда с поэтическим названием «ночная ваза».

Папа у Ани был еще тот зануда. Он составил список необходимого в походе – полторы сотни наименований, включая всякие нитки-иголки и содержимое аптечки, которая, к счастью, понадобилась лишь однажды.

Семейству были ни о чем ни дождь, ни жара: от дождя палатку спасал полиэтиленовый тент, когда же случалась сильная жара, Мама накрывала ее сверху спальными мешками. И внутри становилось прохладно, а мешки прокаливались так, что обжигали руки.

Семейка эта была сильно избалованной и любила комфорт. А вот «людоедов» она не любила и строила им всевозможные козни и препоны – затянула окошки в палатке противомоскитной сеткой да еще пропитывала ее пшикалкой. Так что любой гнус, включая мелкую, как пыль, грызущую мошку, отдыхал. Вампиров, сумевших все-таки пробраться, Папа перед сном всех до единого трудолюбиво разглаживал о палатку с помощью фонарика и ладошки. Оставшиеся на улице выли от зависти до утра.

Неженки своего добились – в жару им прохладно, в дождь – сухо, в холод – тепло. Ни мошки тебе, ни комаров. Осталось Маме заниматься хозяйством, Папе ловить голавлей, дочке расти, есть, спать и упражняться в «лежу-сизу». А всем вместе любоваться рекой и специально для них построенными живописными скалами, пышной зеленью, летучими облаками. И целыми днями купаться, на привалах собирать ягоды и целебные травы. И все были довольны. А много ли таким, слегка ненормальным, надо?

Подтверждая свою репутацию, они не соблюдали никакого режима. Могли день стоять на приколе, а лунной ночью пуститься в путь сквозь клубы речного тумана.

Однако Аня не обращала на эти безобразия никакого внимания. Спала себе да ела, когда хотела. К концу похода стала меньше плакать, беспокоиться, нагуляла хороший аппетит и крепкий сон, научилась не только садиться, но и вставать на ножки.

С погодой путешественникам тоже везло. Солнце ежедневно всходило на востоке и нежило их, хотя случались дожди и грозы. А однажды лило целых два дня. Так они причалили катамаран к берегу и носа из палатки не высывывали – спали да читали под стрекот дождя по полиэтилену.

Однажды дождливым утром к катамарану, стоящему на приколе около брошенной деревни Илим, пришлепал по воде босой человек в драповом пальто и закатанных до колен брюках. Из брюк росли белоснежные тощие ноги. Лицо у мужчины распухло от укусов, из носа капало.

– Коля, – сказал он замогильным голосом и протянул Папе ледяную руку.

От одного вида Коли бросало в дрожь. Казалось, он не пришел по воде, а приплыл к катамарану прямо в костюме и пальто. И приплыл он не из любопытства, а по делу:

– Дочь разболелась, может, у вас лекарства какие есть?

– Конечно, есть. Сами с дочкой пьем.

– Большая?

– Нет, маленькая еще. Семь месяцев.

– Будет шутить-то, – Коля махнул рукой и оценил юмор дребезжащим хохотком.

– Какие шутки?! Ты в палатку загляни!

Коля сглотнул хохоток и сходу поставил диагноз:

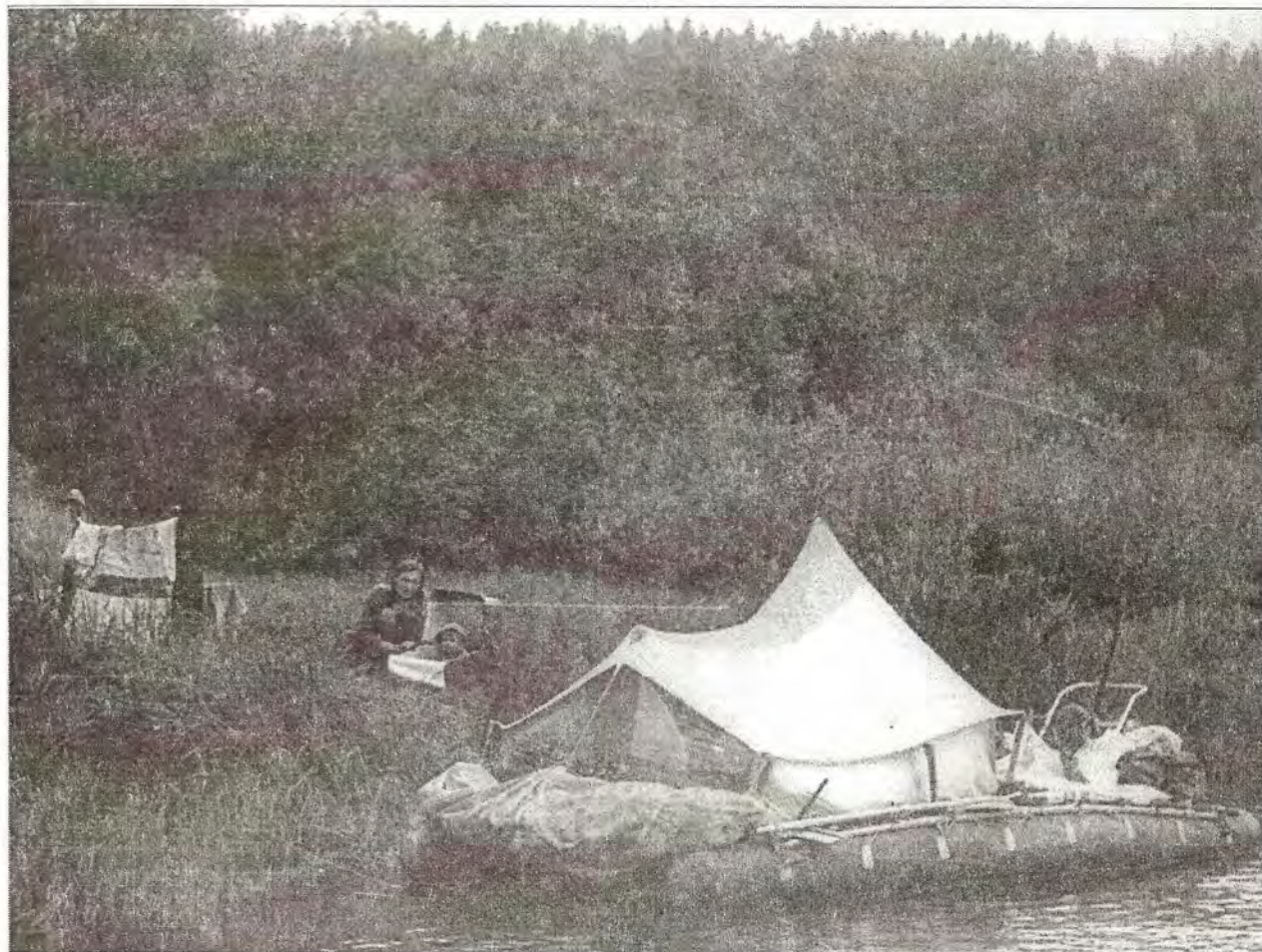
– Ну, тогда вы просто чокнутые! Мы четвертый день маемся. По ночам зубами стучим. А тут еще этот дождь, чтоб его. Все насквозь простужены. А вы давно плывете?

– Коля! Плавают цветочки в проруби. Мы – идем! Третью неделю! – гордо ответил Папа.

– Ну, точно, недоумки! Ребенка не жалеете.

Захватив аптечку, Папа с Мамой пошли за Колей к резиновой лодочке, в которой находились жена Коли и девочка лет десяти, обе в мокрой одежде и кедах. Девочка прижала колени к груди и крепко обняла озябшие ноги.

На дне лодки было кучей свалено хозяйство – байковое

одеяло, мокрая палатка, закопченный полуведерный бидон. В авоське – мешочек с крупой, банка тушенки и разбухшая булка хлеба. И все! Хотя нет – венцом снаряжения, несомненно, являлся громадный топор, зазубренный и расшатанный, с которым, наверное, еще далекие предки Коли ходили на мамонта. Завершали картину хлипкие самодельные уключины взамен сломавшихся в первый же день похода.

Осилить сне разумом чокнутым ох как непросто. Осилить и восхититься! Какое же надо иметь мужество, чтобы терпеть такие страсти? А, может, это новая система закалки, воспитания характера? Может, девочку просто приучают к спартанскому образу жизни, чтобы она от наших ужасов не шарахалась, не пасовала перед трудностями?

Анины родители решили воспользоваться случаем и поучиться. Стали придумывать разные вопросы:

– Че так скромно снарядились?

Последовал безмятежный ответ отца семейства:

– Рассчитывали на хорошую погоду.

– А со знакомыми сплавщиками советовались?

– А зачем? Это же элементарно. Сами все знаем. По воскресеньям в лес выезжаем на шашлыки.

Задали вопрос и простуженной девочке:

– А в хорошую погоду пойдешь в поход?

Не поднимая глаз, девочка по-взрослому резко ответила:

– Что я, дура что ли набитая? Ку-ку, что ли? Не совсем еще спатила!

Тут свой голос подала простуженная мама. Это был хриловатый баритон:

– Что бы я?! Еще когда-нибудь?! Да провались оно в тартары, это пу-те-шшшшест-вие!!!

Сытые, сухие, тепло одетые и непокусанные Папа с Мамой почувствовали себя даже виноватыми в бедственном по-

ложении Колиной семьи. Они помогли лекарством, поделились куском полиэтилена на палатку, запасной ложкой взамен оставленной на привале, еще какими-то мелочами и предложили отощавшим путешественникам живой рыбы из своего садка. Те не ломались и протянули под рыбу бидон.

Анин Папа сходил на катамаран и принес несколько толстых бьющихся голавлей. Заглянув в бидон, Коля воспрянул духом и стал просить лески и крючков. Его жена, стоя в воде около лодки, достала крупного голавля, стала рассматривать его и взвешивать на ладони. Голавль, конечно же, вертанулся и упал в воду. Одурило ткнулось в белую Колину ногу, отскокило и скрылось в глубине. Женщина проводила его безучастным взглядом.

И вдруг глаза ее вспыхнули:

– Машина! Коля! Скорее!

Грузовик вынырнул из тайги и направился к броду. Коля послушно заскакал наперерез, обдавая себя водой и неистово размахивая руками, как будто собирался взлететь. Водитель оценил его попыт-

ки и от восхищения даже остановился посреди реки.

Потом были лихорадочные сборы и страшная суета, хотя и собирать-то вроде нечего. Мать хватала все без разбора и засовывала в мокрый рюкзак, а Коля плясал на резиновой лодке, чтобы поскорее выпустить из нее воздух. Запыхавшись от суматошной погрузки, все трое вскарабкались, наконец, в кузов и только тут поверили своему счастью, счастью избавления от непрерывного кошмара, которого хлебнули через край, от этого беспощадного наказания, красиво названного «водным путешествием».

Машина тронулась и из кузова донеслось прощальное:

– Чтобы я еще когда-нибудь?! Да провались оно в тартары!!!!

Остальное заглушил рев мотора. Папа и Мама глядели вслед машине, пока она не скрылась из виду...

Откуда ни возьмись свалился ветер. В минуты разогнал хмарь. Из туч вынырнуло солнце. Над лесом поднялись столбы пара, как будто разом зажгли много костров по горам. И сразу стало припекасть.

Мама с Папой повернулись и пошли к своему плавучему дому. Пора разводит костер, готовить завтрак. Скоро проснется Аня.

Доброе утро, Анечка! Доброе утро обещает хороший день.

Серьезное предостережение! Если кто-то захочет поиграть в ненормальных и ставить опыты на невинных младенцах – вся ответственность за последствия ложится на родителей!

Телефон автора в редакции.

— Фото автора.

Про ботинки и пиратов...

Весна. На маленькой речушке под названием «Решетка» идет тренировка молодых каякеров. Ребята-новички после катания на лодках сушат возле костра свою мокрую обувь. Огонь окружен кедами, кроссовками и тапочками. В какой-то момент Саша Шутов замечает, что его правый кед сгорел... Очень грустно... Очень жаль... «Так зачем мне один левый кед?!» решает Саша и бросает другой в костер. Но он перепутал и бросил не свой кед, а друга Васи. В результате у обоих осталось по одному левому кеду, а запасную обувь они как всегда не взяли...

рассказал Михаил Голиков.

А я тут тоже вспомнил маленький случай связанный с обувью. Ходил Миша Козловский по горам Кавказа, кажется даже в одиночку. И где-то на каком-то перевале под вечер встретил местного пастуха с отарой овец. Разговорились. Тот пригласил Мишу переночевать в горной хижине. Козловский согласился, а чтобы ботинки не мешали разговору и сну (по причине запаха), оставил их снаружи. А утром он обнаружил, что от его «полуторок» остались одни подошвы.. Остальное съели голодные собаки пастуха (и даже шнурки). И вспомнил тут Миша, как обильно пропитывал кожу «вибрам» хорошим подсолнечным маслом (чтобы ботинки дольше служили)... и пожалел об этом. Надел запасные кеды, но в них уже на вершину не полезешь,.. а только вниз по тропинке, — к морю, на пляжи.

рассказал

Михаил Козловский.

Прошлым летом Примеров Виталий Палыч проводил у нас на Урале международный молодежный горный лагерь. Приехало много иностранной молодежи, которая вместе с нашими ездил на Южный Урал, на Северный, по скалам лазили в окрестностях Екатеринбурга. Но кроме этого был организован сплав по реке Чусовая. И вот сидят иностранцы на катамаранах, головы на скалы задирают, а тут из-за острова с оглушительным ревом вылетают три моторных лодки, а в них — мужики с ружьями в воздух палят, а над лодками флаги черные развеваются, а на флагах «Веселый Роджер» (череп с костями). Иностранцы сразу поняли, что это обыкновенные «русские речные пираты» (по примеру сингапурских морских пиратов 21 века)... и кто вплавь к берегу, кто за весла на перехват; кто-то уже кредитные карточки режет, а многие достали мобильники и свою полицию вызывают... Испугались по-настоящему! Как потом выяснилось — один из родителей нашей русской девочки, которая тоже была на этом сплаве, решил устроить небольшой театральный сюрприз, да сильно перестарался, не учел менталитеты.

рассказал Валерий Шумков.

Фото

Ольги Кольчуриной.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА**Успевайте отдыхать!**

Январь, наконец-то, порадовал нас морозами и обильными осадками в виде снега. И это подтолкнуло многих любителей зимы, отошедших уже от новогодних праздников, отправиться в лес. Кто на день, а кто ещё и на ночь. Посиделки в зимнем лесу у костра ничуть не хуже, чем в летнем. И комаров, на счастье, нет. Зато, если правильно использовать зиму в своих целях, можно найти целое море удовольствий. Даже самое банальное - поваляться в снегу - и то уже развлечение, которое рождает достаточное количество положительных эмоций. Достаточное для того, чтобы отработать ещё недельку и дотянуть до следующих, полных смеха и веселья, выходных.

Хотя, я думаю, январь - самый быстротечный месяц в году. Из-за обилия праздников мы не замечаем, как наступает сначала последняя неделя, а потом и 31 января. Да, в общем-то, что там январь, сама зима не вечна. А потому, перед наступающим жарким летом, надо успеть ещё вдоволь изваляться в снегу, покататься с горки и сходить в лес на лыжах. Наслаждайтесь зимой! Успехов!

*Маша Раскольникова,
зам. редактора раздела
«Встречный ветер».*

Маша РАСКОЛЬНИКОВА

Траверс на снегоходах

Вы когда-нибудь катались на мотоцикле? Так, чтобы в ушах свистел ветер, так, чтобы чувствовать себя королём дорожных просторов? Может быть вы мчались на скутере по блестящей водной глади, поднимая фонтаны брызг и оставляя за спиной беспокойную поверхность воды?

Тогда, скорее всего, вам будут понятны ощущения человека, севшего на снегоход. Обладатели этой машины на гусеницах открывают неожиданные перспективы для изменения сознания. Уходят не то что в параллельный – в диаметрально противоположный мир заснеженных равнин, лесов и гор.

Когда люди устают от бетонных лабиринтов города, они покидают каменные дома и исчезают. Важно, что на то время, пока они путешествуют, их домом становится вся вселенная.

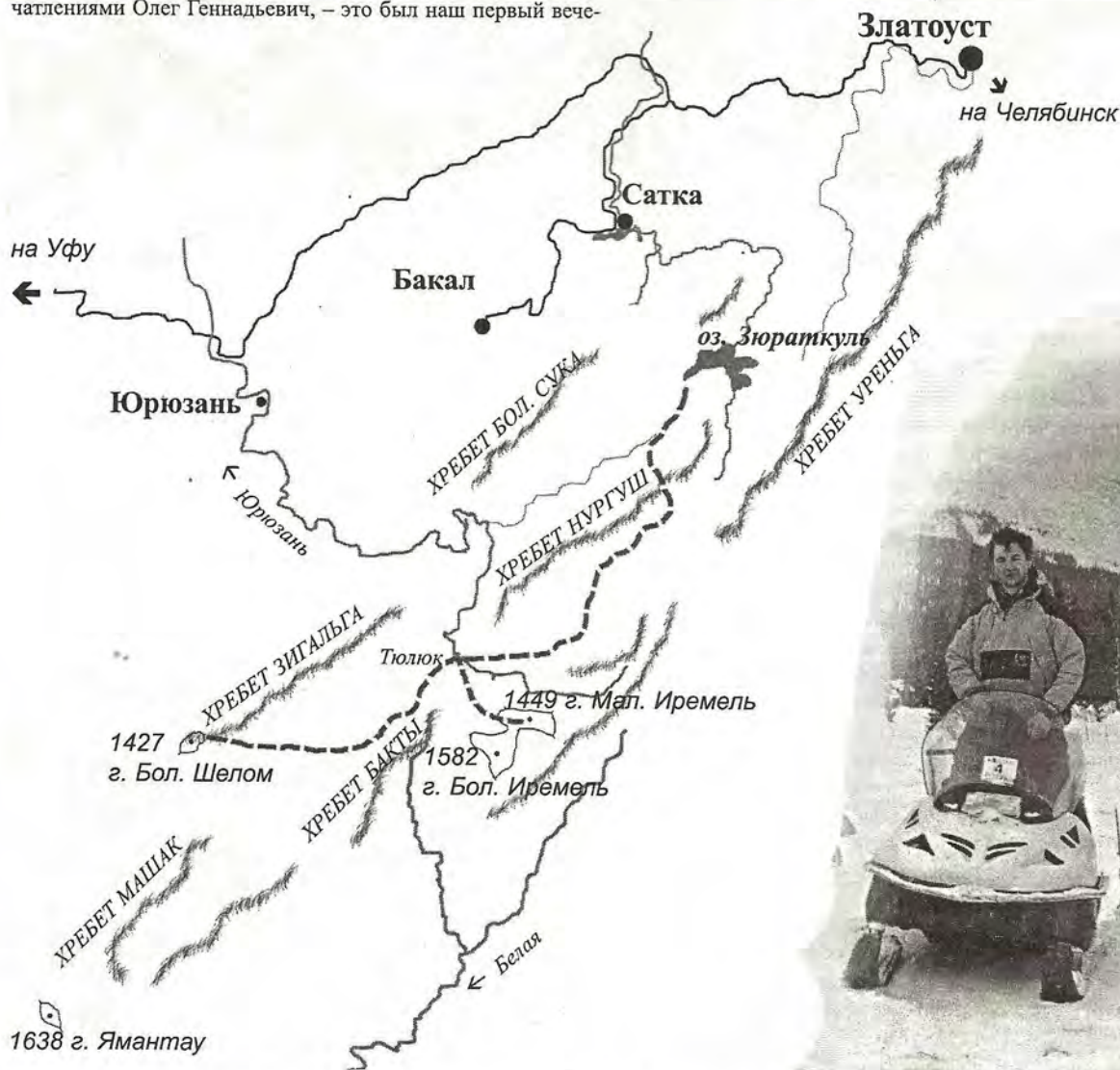
Я никогда не сидела на снегоходе, но если настоящие завоеватели просторов начинают рассказывать о своих приключениях, я мучаюсь острым ощущением присутствия. Другая, неведомая часть мира мелькает в глазах тех, кто однажды оседлал машину, весом около трёхсот килограмм, чтобы вновь и вновь уезжать и возвращаться. Описать эти путешествия я могу только с их слов. Увидеть мне мешает расстояние и собственное несовершенство. Поэтому, внимание! Начинаю описывать неведомый мир Южного Урала, который открылся команде клуба «OFF-ROAD» во главе с президентом Олегом Майоровым.

Итак, всё началось утром 3 января, когда одиннадцать человек на десяти снегоходах приехали в национальный парк Зюраткуль. Зюраткуль – это высокогорное озеро, расположенное на высоте 587 метров над уровнем моря. Так как по льду

снегоходы передвигаются так же хорошо, как и по снегу, то пересекли озеро без каких-либо проблем. Проехали вдоль хребта Москаль. Это интересное название переводится как «Ведьминский хребет». Но участники экспедиции заверили меня, что ничего ведьминского не заметили, может быть, потому что не знали, что означает имя, данное хребту. А то, на всякий случай, были бы поосторожнее. Далее путь экспедиции лежал вдоль хребта Нургуш. Ехали между вершинами и границей леса. Снега там было примерно по колено. Хороший снег, сухой. И погода как раз стояла солнечная. Температура воздуха днём не опускалась ниже – 5 градусов. Проехали ещё километров 50-60, там, по соображениям Олега Майорова, должна была быть изба с баней. Что может быть лучше для уставшего путника? Изба нашлась практически сразу, но оказалось, что там расположились туристы. Пришлось немного отъехать в гору. Лагерь разбили рядом с вершиной на плато. «После бодрящей поездки, – делится впечатлениями Олег Геннадьевич, – это был наш первый вече-

рок. Остановились мы в 16:30, чтобы засветло поставить лагерь. Костёр развели, палатки поставили, пельмени сварили. Посидели пару часов, песни попели, обо всём поговорили. А вокруг уже непроглядная ночь, и мороз всё усиливается. Я на часы посмотрел, а времени-то всего 8 часов. Хотя вокруг уже абсолютно темно». В горах темнеет быстро, и температура к ночи падала до – 22 градусов.

На следующий день двинулись дальше по отрогам хребта. Добрались до деревни Тюлюк, которая является ориентиром для выхода на гору Иремель и находится почти у подножья массива. Высота малого Иремеля 1449 метров. Иремель в разных переводах означает либо «Священная гора», либо «Седло всадника». Команда совершила восхождение. «Там высота не чувствуется, – рассказывает Олег Майоров, – абсолютное превышение небольшое. И по отношению к нам гора казалась холмиком. А на экран GPS посмотришь и удивляешься,

Фотографии предоставил

что на такой высоте находишься. Мы поднялись на самый верх, отметились, что мы тут побывали, флаг подняли».

Далее путь экспедиции лежал через деревню Александровка. Это заброшенная деревня, в которой сохранилось порядка 30-40 домов всего с восьмью жителями. После деревни решено было остановиться на ночёвку. «Половина уже не стала палатки ставить, – рассказывает Олег Геннадьевич, – В палатке, конечно, теплее градусов на десять, да ещё надышишь за всю ночь. А так ещё лучше – снег счистил, коврик положил, в спальник залез, укрылся и спать приятнее. А ещё выгодно. Потому что тем, кто так спит палатку ни ставить, ни убирать не надо!»

Проснулись, собрались, снова двинулись в путь. На этот раз целью дня стояло посещение горы Шелом, высота которой 1427 метров. Шелом – необычная гора, с очень интересными очертаниями. Внизу видна заброшенная деревенька. Когда-то это была железнодорожная станция. По старой заброшенной узкоколейке и двигались снегоходы. Самих рельсов, правда не видели. Может, их нет давно, а, может, просто глубоко под снегом.

Обратный путь экспедиции занял немного времени, потому как нигде не останавливались и даже попытались двигаться ночью. Домой вернулись уставшие, но довольные.

Путешествие окончено, клуб «OFF-ROAD» готовится к

новым покорениям просторов. Говорят, на снегоходах можно добраться даже до Северного Ледовитого океана. Интересно, это ж сколько с собой бензина везти придётся?! А пока на столе разложены фотографии, и я слушаю об экспедиции на Южный Урал, рисуя перед собой красочные картинки. А потом пишу о том, как это было, чтобы доставить читателю удовольствие. Скорее бы «OFF-ROAD» придумал что-нибудь новенькое, уже нетерпится послушать о новых местах, где я пока ещё не побывала.

Люда СЕМЕЙКИНА

До зеленых верблюдов...

– Я нашёл их слабое место! Нынешняя молодёжь совсем не ценит свой дом, друзей, учёбу, семью, свою молодость. Им на всё наплевать! Их бесит их жизнь. Им ничего не нужно! - вздохнул старый профессор молодой чертёнок Вася, – в этом и состоит суть моей курсовой работы! На их слабостях можно сыграть! Ведь они и так портят свою жизнь, укорачивают и ухудшают её как только могут: курят, пьют, колотятся! Раз им ничего не нужно, пускай отдадут всё нам! Они будут послушными слугами Дьявола!..

– Хватит! Надоел!!! – гаркнул на него профессор, старый лысый чёрт с большим красным пузом, страшной клыкастой мордой и длинным, жёстким хвостом-плетью, – ишь разболтался! вздумал меня учить?! А не много ли ты на себя берёшь?!!

Маленький чертёнок Вася затрясся от страха. Этот профессор всегда внушал ученикам неописуемый ужас. Но сегодня настроение у профессора было явно хорошее, он продолжал:

– Но если ты такой шустрый, то попробуй докажи мне всё, что ты тут наплёл! Отправляйся-ка ты наверх, на землю, и приведи мне... м-м-м... хотя бы одну заблудшую душу! Иначе тебе придётся съесть всю твою курсовую по листочку! Да-да, всю!! Всю вот эту гору макулатуры!!!

На одной из тихих улочек на окраине города медленно приоткрылся канализационный люк. Усатая морда с пятячком сосредоточенно нюхала воздух. Очень скоро чертёнок Вася унюхал нужные мысли:

«Как же всё меня достало! Этот долбаный институт, уроки, преподы... надоело! Дома все достают, в институте тоже! А ну их всех к чертям! Заколебали!..»

Эти слова были просто музыкой для счастливого чертёнка. Он выпрыгнул из люка и тут же превратился в молодого пацана Васю. Вася отряхнулся и направился к скамейке, на которой сидел спиной к нему другой пацан, пил пиво и думал свои невесёлые мысли. Вася бесшумно подошёл и подсел рядом на скамейку. Другой пацан вздрогнул от неожиданности.

– Чё, скучаешь? – спросил Вася.

– Ты откуда взялся?

– Да так, мимо проходил. Меня зовут Вася.

– Стёпа... – представился пацан.

– Чё, Стёпа, достало всё?

– А ты откуда знаешь? – удивился Стёпа.

– Да у тебя всё на лице написано. Тебя достали учеба, семья... и вообще жить надоело! Я мог бы тебе помочь...

– Эх, Вася! Как ты мне поможешь? Ты сам-то, что делаешь?

– Курсовую пишу, – растерянно ответил Вася.

– Ну вот! – улыбнулся Стёпа, – ботанишь значит. А ещё собрался меня жизни учить!

– Но тебе же всё надоело, значит надо от этого избавиться! – настаивал Вася.

– Я чё, дурак, от этого избавляться? В этом же весь кайф!

– В чём? – совершенно растерялся Вася.

– Ну в том, что всё достало. Это же классно! Есть повод выпить.

– Выпить?! Чтобы гробить свою жизнь?!

– Ну что ты, Вася! Видно, ты никогда не испытывал настоящего кайфа! Весь кайф как раз в том, чтобы напиться до зелёных верблюдов, а потом...

– Чё???

– Ну ты совсем! – упрекнул его Стёпа, – Неужели не знаешь, что значит напиться до зелёных верблюдов?

– Нет... почему?.. то есть...

– Ну разве не понятно, Вася? Ты напиваешься, смотришь, а вокруг тебя сидят одни верблюды! и все зелёные! и ты сам тоже зелёный, и тоже верблюд!!

– Так значит ты не хочешь избавляться от того, что тебя достало? – никак не мог врубиться несчастный Вася.

– Да ладно тебе убиваться! Пошли с нами, Вася! Тебе понравится, вот увидишь!! Они направились в парк. Наступил вечер. Стало темнеть. Со всей округи собралась небольшая компания парней и девушек. Они пригласили выпивку, сигареты. Началось веселье.

– Ребята, это Вася, – представил Стёпа своего знакомого друзьям.

– Привет, Вася! – отозвались Стёпины друзья.

– Привет! – слабо улыбнулся растерянный и совершенно расстроенный Вася.

– У него депрессия, – объяснил Стёпа, – надо помочь!

– А-а! – понимающе закивали ребята.

Они пили, курили, пели, веселились. Стёпа усиленно «помогал» Васе, и скоро Вася упился так, что уже не мог подняться с травы.

«Ой, что-то мне совсем плохо! – подумал Вася, – что же это я делаю? надо встать!»

Но это было легче сказать, чем сделать.

Приняв, примерно, с 13 попытки вертикальное положение, Вася осознал, что ему катастрофически не хватает ещё двух ног. Но тут ему в голову пришла потрясающе умная мысль:

«До зелёных верблюдов...». Вася от всей души с ней согласился и... превратился в зелёного верблюда! Голоса вокруг тут же смолкли. Зелёный верблюд умильно посмотрел на своих сородичей, икнул им на прощание и, шатаясь, медленно пошёл прочь...

Александр ПОГОЛЬСКИЙ

РОМАН ПЛАЩА И ШПАГИ

У каждого из нас есть такие моменты в жизни, о которых мы можем вспоминать бесконечно. Яркие, живые воспоминания о другой жизни, которую мы прожили за какие-то четыре дня, оставшихся в нашем сердце, как незабываемый праздник, причудливая феерия, действие, не поддающееся никакому описанию. Все это всплывает в памяти, когда кто-нибудь заговорит о состоявшейся в прошлом году ролевой игре «Война и Мир».

Название не имеет никакого отношения к прославленному шедевр Льюиса Толстого, хотя чувства, которые испытывали многие игроки, во многом были близки к тому, что довелось пережить героям знакомого романа. Временем действия было начало XVII века, когда в центральной Европе разгорался пожар Тридцатилетней войны, а далекая Россия оправлялась от волн Великой Смуты. Франция находилась под умелым руководством Ришелье, а в Англии правил сильный и гордый монарх Карл I, впоследствии казненный английским парламентом. Это время знакомо нам с детства по роману «Три Мушкетера» и «Двадцать лет спустя», и нужно ли говорить о том, что многим из нас хотя бы однажды довелось почувствовать себя королевским мушкетером, принцем крови или хотя бы вольным наемником-пикинером, рыцарем удачи. Редкая девушка не хотела бы ощутить себя коварной Миледи или великолепной герцогиней Де Шеврез. Все эти далекие мечты юности воплотились в реальность в живописном месте, нахо-

дящемся недалеко от города Ревды на берегу реки.

Также следует отметить, что по замыслу мастеров, ночью игровое действие переносилось еще дальше – в XIII век, время Крестовых походов, падения ордена Тамплиеров, время костров Инквизиции и подвигов Уильяма Уоллеса, знакомого нам по кинофильму «Храброе Сердце». Ночь, согласно общей концепции, представляла сон жителей XVII века.

Когда начиналось открытие игры, сразу стало ясно, что под Екатеринбург съехалась элита ролевиков, (иногда ошибочно именуемых толкинистами, что не совсем верно, так как ролевое моделирование давно вышло за рамки творчества Толкиена) прибывших со всех концов России. К ручью величаво шествовали дамы с веерами, нарядам которых позавидовал бы даже режиссер фильма «Графиня де Монсоро» (а судя по слухам, у одной только герцогини де Шеврез их имелось пять на все случаи светской жизни). Галантные мушкетеры тут же подхватывали их на руки и переносили на другой

берег, дабы те не промочили своих шикарных платьев. Походка и жесты высшего сословия были величественны и грациозны. Отовсюду слышалась куртуазная речь, изредка прерываемая окриками суровых матросов королевского флота. В то же время куда проще одетые жители парижского дна – «Двора Чудес», молчаливо высматривали себе добычу, ибо, похитив у шеголеватого толстосума кошелек с игровыми деньгами, можно было выпить настоящего кофе, вина или пива, а также сходить в местный дом терпимости за массажем.

Главные мастера игры представили команды и пожелали всем присутствующим, чтобы они играли свои роли (и дневную, и ночную, а главное ту, которую мы играем в своей обычной жизни) так, чтобы потом не о чем было сожалеть, и объявили о начале. Пушка прогремела залп, в воздух взлетел фейерверк, и радостная публика уже начала расходиться по игровым делам.

О том, что происходило дальше можно говорить долго и с восхищением. Над лесом опускались сумерки, под сводами Нотр-Дама (любезно построенного ворами из «Двора Чудес» еще до игры) начиналась церемония венчания английского короля Карла I с французской принцессой Марией-Генриеттой. Отдав должное официальным торжествам, мой сеньор герцог Анри Де Монморанси предложил мне пройтись до дома увеселений, где заодно он встретится с Принцем воров, для осуществления своих честолюбивых планов. Только мы закончили свои дела, как выяснилось, что был убит один из воров – правая рука Принца воров, более того, по описанию, убийцы выглядели как гугеноты из Ла-Рошели. Герцог собрал свою свиту и отправился устраивать вторую Варфоломеевскую ночь, после которой были убиты два гугенота, но зато куда больше честных католиков, показавшихся подозрительными. Видимо, монсеньор всерьез воспринял слова крестоносца Симона Де Монфора: «Убивайте всех – господь различит свою паству». С чувством выполненного долга герцог завалился спать под утро, а два его верных вассала, сидя за глав-

ным столом дома Монморанси подняли не один тост за его здоровье. Вот тогда-то я и ощутил себя абсолютно другим – человеком со шпагой на перевязи, для которого слово честь значит чуть больше, чем всегда, безгранично преданный сеньору, готовый идти с ним хоть в ад. Было даже немного грустно, ибо этой части меня непременно суждено было стать историей не позже, чем через неделю.

А наутро была война. Ла-Рошель требовала крови и пушечного мяса. Оказалось, что профессиональным германским наемникам-пикинерам из гарнизона Ла-Рошели противостоит горстка дворян со шпагами, сошедшие на берег матросы под командованием нашего сюзерена адмирала де Монморанси и наемники-венгры – славные войны, но все же недостаточно вооруженные, чтобы противостоять такому серьезному противнику. Королевские мушкетеры на этом этапе ограничились лишь наблюдением за ходом боя. Глядя на все это, я с усмешкой пожелал прожить благородным господам из свиты Монморанси еще хотя бы минут пять. Жить хотелось, но вера в спасение была весьма призрачной. Священник благословил нас на защиту дела Святой Матери Церкви, грянул первый залп пушки, и мы, преданные собственным королем, фанатично двинулись на пики «облаченные в веру как в доспехи». Все решилось довольно быстро. Получив удары пикой вассалы ушли убитые и тяжело раненные вокруг своего сюзерена. Наемники не добивали раненых, но карманы вычищали подчистую. Довольные ландскнехты радостно кричали: «Гольд, гольд!», а нас, перевязанных, понесли прочь. Ко мне подбежал мушкетер, с которым у нас должна была состояться дуэль и потащил меня, воскликнув: «Сударь, я не дам вам умереть! Я хочу убить вас лично». «Вы, очень любезны, мсье», – нашел в себе силы ответить я.

Ночью мне снился сон про веселого и фанатичного странствующего рыцаря Патрика О'Брайена из Ольстера, который с диким стыдом для своей католической души огревал инквизиторов-доминиканцев поленом, чтобы спасти славного парня – директора странствующего театра.

Меня разбудил вороватый священник из «Двора Чудес», сказав, что только что обчистил дворец кардинала, чем изрядно повеселил всех присутствующих. Следующий день должен был стать судьбоносным для всех нас. Монморанси собирался восстановить истинную династию французских королей – Меровингов. Судьба распорядилась так, что в наших рядах появился предатель, и на приеме в Лувре мы с герцогом были арестованы и препровождены в Бастилию. Герцога пытали и казнили по обвинению в государственной измене, а я сидел в Бастилии весь день, пока не договорился со стражей о сделке, благодаря которой меня официально признали умершим и выпустили на свободу, тем более что в Лувре и Люксембургском дворце успели уже забыть о деле Монморанси. Перед своей виртуальной смертью моим друзьям следовало только заплатить некую сумму денег, а мне – жениться на дочке коменданта. Эдаким графом Монте-Кристо вышел я на волю. Свободный от клятв и обетов, потерявший сюзерена и ничего не обязанный королю Франции, я перешел на

службу к герцогу Де Ла-Рошу, командующему Ла-Рошельским гарнизоном. И события закрутились с новой силой. В пороховом дыму мы воевали на бастионе, пытались освободить плененного Бэкингема, поднимали мятеж в Париже, а ночью нам снилась крепость Акра, отрубленная голова магистра Таплиеров и неистовые в речах сарацины, ибо поговорить о том, чья вера лучше, они любили.

После того как английский король был убит, сражавшись на стороне Ла-Рошели, Англия вышла из войны, а герцог Де Ла Рош со свитой и германскими наемниками остались предоставленными самим себе. Герцог попытался было поднять чернь Парижа на бунт, но был убит шпионкой кардинала, предварительно завещав мне свою казну. Бунт был подавлен, казна была припрятана в надежном месте, о котором знали немногие. Мы уходили постаревшие на жизнь, потерявшие двух сеньоров, но с неплохими перспективами на будущее, так как казна Де Ла Роша составляла 1/5 бюджета Франции. На улицах Парижа мы наткнулись на венгров, находящихся на королевской службе. Венгры узнали нас и двоих уложили на месте. Я остался один со шпагой против троих. Подранив двоих, я получил удар клинком и

принял достойную гибель. Последний из наших друзей, избежавший смерти, забрал казну и уехал в Новый Свет, где с такими деньгами быстро стал губернатором Мартиники. Париж тем временем блистал балами и приемами в честь наступившего мира. Дворяне, в особенности мушкетеры, занимались любимым делом – дуэлями. Нищие и воры из Двора Чудес, потерявшие своего Керза, потихоньку заливались пивом и вином. Вдова Монморанси растила новорожденного наследника. В Англии скорбели о своем короле и храбром командующем шотландской гвардии, который тоже не вышел живым из боя на бастионе.

Наутро все приблизилось к концу. Мастера устроили на прощанье шахматную партию, где фигурами стали короли Англии и Франции, Кардинал и герцог Бэкингем, мушкетеры, гвардейцы, лорды – все стояли на большом расстеленном шахматном поле. Все поздравляли друг друга с удачной игрой. Бывшие узники жали руки бастильским стражникам, гвардейцы кардинала – мушкетерам. Все уезжали домой довольные и счастливые, в глубине души слегка скорбя о той частичке себя, которую они навсегда оставили в утреннем тумане на берегу реки.

Денис ЕЛИН

Практика в охотхозяйстве

Сейчас зима, январь. В зимние каникулы мы собрались в экспедицию, в которую я не попал, по субъективным причинам, летом.

30.01.

...Сжатая пружина ожидания наконец-то распрямилась. Позади остались приготовления, неясности маршрута, переживания. День беготни и покупок провизии угасал. Мы сидим на вокзале и ждем наших начальников. Состав нашей экспедиции следующий: начальники – Коля Марков (К.М.) и Коля Погодин (К.П.); студенты – Андрей Головин (ГАВ), Андрей Кутергин (Кутер) и я, как сказал ГАВ, особенный (в смысле непарный). Направление экспедиции: Ирбитский район, деревня Харлово. Цель – зимний учет зверей, по словам К.М., тех, которые крупнее куницы.

Мы подъехали рано – в 21:30, хотя с начальниками договорились встретиться в 22:00, «под пальмами» на третьем этаже вокзала. До этого был торжественный выход из общаги с рюкзаками и лыжами.

Первым пришел К.М., минут через десять подгреб К.П., все нормально, можно смело ехать. Они пошли покупать билеты, ГАВ, с Кутером умчались купить что-нибудь поесть, а я остался сторожить вещи. Странное, наверное, я представлял зрелище: чувак в фуфайке, в очках, сидит на полу и пишет что-то в записной книжке в окружении пяти здоровенных рюкзаков.

...Общий вагон №14 поезда Свердловск – Устье-Аха оказался на удивление пустым. Мы благополучно заняли одно купе, расстав по полкам лыжи и рюкзаки. Во втором часу

ночи пошел контроль, всех разбудил, ничего не нашел, а за чеченских головорезов мы не сошли.

31.01.

В пять часов нас разбудили уже окончательно. Мы долго решали, Мюнхен это, или не Мюнхен. Решили, что все-таки Мюнхен, потому что в киоске было три сорта сухого вина, четыре сорта шампанского, один аперитив, несколько сортов пива и ни грамма водки. Мы порадовались за добрых баварцев.

«Полшестого утра, самое время для завтрака», – возвестил К.М., и мы подзакусили в здании Ирбитского вокзала. До автобуса было еще два часа, и мы ударились в разгворы.

...Автобус в деревню Галишево за двадцать минут, из чуть теплого, превратился в откровенно холодный. На последнее сидение и рюкзаки падал снежок из задней, неплотно закрытой двери, и мы постепенно перебрались в центр автобуса. Перед самой деревней автобус заглох, правда, через пять минут он завелся, и мы благополучно доехали до места назначения.

В Харловском охотхозяйстве нас не ждали, но гостевой дом был чуть-чуть натоплен. Договорились с местным начальником о выезде. Решили ехать на дальний участок. Быстрее перекусили и погрузились в ковш трактора. В ковш помещается три человека, а нас ехало четверо, К.П. сел в кабину. Мне досталось меньше всего места, и всю дорогу, то есть минут двадцать я старался изо всех сил не выпасть из ковша. Мне помогали ГАВ и Кутер, державшие меня с двух сторон. На место приехали все заиндевшие.

Начальники рассказали нам суть нашей работы. Мы должны заложить участок – прямоугольник со сторонами один и три километра. Мы с Кутером и К.М. пошли по одной стороне, а ГАВ с К.П. по другой стороне этого прямоугольника. Точкой randevу было назначен противоположный угол.

Торили лыжно по очереди, по триста метров. Сначала торилось нормально, потом пошли болота с глубоким снегом. В довесок ко всему, мы вышли строго по азимуту на лыжню наших «лосей», которая уходила вдаль. Вдоволь поругавшись, поехали догонять их. Они, отмерив по шагам свой километр, повернули нам навстречу. По пути нашли свежую кабанью лежку. Наконец-то нагнали юных следопытов. Пошли опять всё то же сало с хлебом, и больше замерзли, чем наелись. Пора было поворачивать назад – по проторенной лыжне это было довольно легко. Мы с ГАВом исполнили на губной гармошке «Кабаний блюз», и под эти звуки за нами приехал трактор. Загрузившись, поехали помолаясь. Я уже начал засыпать, когда трактор встал. То есть встал окончательно и бесповоротно, – кончилась соляра.

До деревни было «каких-то» семь километров, начинало смеркаться и пришлось идти пёхом. Настроение было самое, что ни на есть параллельное, силы вроде бы еще оставались,

и мы наматывали в сумраке километр за километром. В голове пронеслись мысли о бескрайности российских просторов, о ямшике, замерзающем в степи, о недостатках сельскохозяйственной техники на современном этапе развития капитализма.

Дошли до дома, сразу же натопили печь и поставили вариться еду. Здесь выяснилось, что ГАВ отморозил палец на ноге. Пришлось ему переделывать крепления на лыжах. Комната постепенно нагревалась и приобретала обжитой вид.

1.02.

«Плюхие новости от Pedigree Pal – подъем», – констатировал Марков, когда будильник зазвонил в семь утра. За два часа до выхода в лес растапливаем печку и ставим греть воду. На градуснике – -37 градусов по Цельсию исчислению. Решаем, ехать ли нам, либо повременить. У ГАВа ноги еще не отошли со вчера, у Кутера тоже нос подмерз, короче говоря, поехали мы с Кольками втроем. Одежду, правда, надели на пятерых. Вдвоем в ковше было свежо, даже очень. Вчера я не совсем адекватно оценил временной промежуток езды в тракторе. Оказалось, что мы ехали тридцать пять минут, причем нас безбожно мотало по разъезженной колее.

В месте вчерашней выброски дорогу пересекал волчий след. Прошли волк с волчицей. Мы опять разделились на две группы. Николай пошел торить новые квадраты по целине, моя задача заключалась в том, чтобы оббежать старый наш прямоугольник, спрямить наши вчерашние несостыковки и вернуться помогать Колям торить целину.

После двух километров ходьбы на лыжах мне стало жарко, и к тому же мороз заметно спал. Кабаны и лосиные следы попадались не очень часто, в дальнейшем углу я встретил след волка, который измерил со всей тщательностью. Фигура, которую задумали наши начальники, представляет собой два перекрещивающихся прямоугольника. В итоге получается крест с пятью ячейками.

Закончив свой обход, я развёл костерок и стал поджидать начальников. Минут через двадцать они подошли, мы поели и пошли пробивать остаток лыжни. Остаток — это еще три километра по жутким местам: болота, поросшие мелким частым березнячком, через который надо ломиться, применяя на практике русский боевой стиль. Хорошо хоть приборы не подвели, и азимут в этот раз удался. К трактору подошли к шести часам, хотя договаривались на пять. Ехали снова в сумерках, постоянно ожидая от трактора очередного подвоха. На въезде в деревню обогнали лошадь с санями. Переглянувшись с К.М., одновременно говорим одну фразу: «Трактор не роскошь, а средство передвижения! Железный конь идет на смену крестьянской лошадке!»

...В доме тепло. Прямо с порога нас усадили за стол к дымящимся щам ГАВ с Кутером. Не зря же они остались дома. Еще они починили сломанный телевизор, и сегодня мы будем смотреть «Сегун».

За едой и чаепитием пролетел вечер. Субботние передачи по телевизору были хорошие, и незаметно время подвалило к двенадцати. Памятуя о том, что завтра подъем опять в семь утра, а записи в дневник я еще не сделал, иду в холл и сажусь за любимую работу. Банка сгущенки помогает вык-

ристаллизовывать из памяти отдельные моменты. Все потихоньку укладываются спать. Я сижу один в холле, пью чай, но усталость двух дней дает о себе знать, и я следую мудрому примеру своих друзей.

2.02.

Первыми, обычно, просыпаются начальники. Они растапливают печку, и только после того, как атмосфера в комнате нагревается, из спальных нехотя выползают студенты. Щи оставались еще со вчерашнего дня, их надо было просто разогреть.

Витя-тракторист не подъехал к девяти часам. Мы ждали его, попивая, кто чаек, кто кофеик. «Что-то мы все без молока, да без молока, — сказал я, — так и помереть недолго». Решили организовать корпорацию «Бабка, молоко и КО» и ввечеру навеститься к знакомой Колям бабушке за оным.

Витя приехал через час. К тому времени мы разделились, кто куда едет. Мы с Марковым поедем на дальнюю площадку проводить учет, а Кутер с Погодиным будут делать ближнюю учетную площадку в восьми километрах от деревни; ГАВ остается кашеварить.

Трое — это оптимальное число для ковша, не тесно и тепло. Волки за ночь подошли уже ближе к деревне. Судя по

следам, это гонная стая, состоящая из самки и двух самцов.

Коля пошел по моему вчерашнему квадрату, а я по следланному вчера. Недалеко от входа побывала куница, следующие шесть километров не было ни одного свежего следа, лишь скрип лыж, да шуршание камышей нарушало тихое безмолвие болот. Лоси в количестве четырех штук гуляли где-то в центральном квадрате, и выходить из него явно не хотели. Ладно, может быть, завтра выйдут. На последних километрах маршрута внутрь квадрата вошли два кабана, и вышел один лось.

В условленном месте Коли еще не было, и я развел костерок. Через полчаса подошел Коля, сообщил, что следов практически нет. Погрелись и пошли к трактору. Наш ковш постепенно приобретает обжитой вид. Витя привез одеяло, у нас был спальник, так что в ковше я хорошо подремал, привыкнув к такого рода поездкам. На тракторе прямо по лесу мы потропили волков, завтра егеря хотят пойти с флажками на охоту.

Дома ГАВ уже давно маялся бездельем и смотрел телевизор, вторая группа еще не вернулась. Мы поели и тоже подсели к телеку. Кутер с К.П. пришли через два часа, они не успели доделать верхний квадрат.

С Марковым идем за молочком, но, к сожалению, бабушка отошла от молочного бизнеса. Ни с чем возвращаемся домой. Сельпо в воскресенье не работало, а у нас закончился хлеб и подходил к концу сахар. Завтра придется Головину навестить магазин.

Весь вечер смотрим телевизор, сначала совершенно безумный фильм «Ангелы смерти», потом «Сегун». Записывать и запоминать все приколы во время просмотра фильмов бесполезно, они сыплются бесконечным потоком.

3.02.

Привычный уже утренний распорядок. Медленное вылезание из спальников в прохладный воздух спальни, затем следует процедура растапливания печки и согревание еды, оставшейся с ужина. С К.М. сходили в соседний дом за водой, потому что у нас воды в доме нет. У бабушки с дедушкой атмосфера сказки «Курочка ряба», на кухне, в мини-атюрном загончике, и сами героини – штук пять несущек. Черно-белая кошка на русской печке умывается – намывает гостей. Наполняем большой бидон, благодарим хозяйку. Ей, со своей стариковской печки, интересно поговорить с городскими.

До площадки с нами поехал ГАВ – проводить. Он, бедный, уже не знает чем себя занять. Вот к чему приводит хождение по лесу в ботинках, при наличии валенок. В нашем «мерседесе» сразу же становится тесно. ГАВ всю дорогу вертелся в ковше, высматривая косуль – объекта его будущей курсовой работы.

Мы с Николаем Марковым решили доделать последний, незаконченный Погодиным квадрат, а потом разойтись по найденным прямоугольникам. Видимо наши системы отсчета отличаются, потому что пройди километр по старой лыжне, затем перпендикулярно ей еще один, потом параллельно старой лыжне километр и, повернув обратно к ней, под углом 90°, мы вышли точнѐхонько в конце третьего (а не

второго, как рассчитывали) километра. «Хорошо, завтра не будем расслабляться и сделаем правильно», – подвел итог Коля. Попив чайку из термоса, расходимся по маршрутам. После ходьбы по целине ноги отказываются передвигаться, а впереди предстояло еще восемь километров маршрута и четыре до дома.

Лыжня из березняка вышла на поля. На поле задувал небольшой ветерок, и вчерашняя лыжня была уже практически заметна. Потянулись долгие версты полей, где человек кажется маленьким и одиноким существом в огромном белом мире. Белая тишина нарушалась лишь шуршанием поземки, переметавшей крупинки снега и сухие травинки в более укромные места.

После полей в лес въезжаешь с радостью. У опушки ночью наследила куничка-сестричка, дальше в осиннике зайцы то и дело перебегали лыжню, несколько косуль, продырявив наст лыжни своими острыми копытцами, прошли в сторону дороги. Сам, выйдя на дорогу, снимаю уже порядком надоевшие лыжи и иду пешком.

К месту встречи подхожу практически одновременно. По дороге домой я рассказываю Коле о нашей студенческой жизни, он – о своей работе в аспирантуре Института экологии растений и животных и о своих студенческих годах. Километра через два стало лениво поднимать ноги, и Коля предложил вновь «заскользить».

Солнце уже окрасилось в красный цвет и постепенно заходило за дальние холмы. Мы шли прямо на заходящее солнце по полям, стараясь обогнать заход светила и раньше прийти домой. Не успели. Взойдя на очередной взгорок, внизу обнаруживаем деревню. По накатанной дороге, на неуправляемых охотничьих лыжах, мы быстро съехали с горы и через пять минут уже входили в ворота.

Сегодня вторая группа нас опередила, приехала раньше. Обмен новостями, обед, плавно переходящий в ужин, вечерний телепросмотр уже стали обыденными. После отдыха происходит разбор сегодняшнего полета. Крупных зверей на дальней площадке сегодня не было. С потеплением активно забегали горностаи и зайцы. К.П. протропил тех «странных» лосей, и оказалось, что там было два входных и два выходных следа. Это многое объясняло. Сделали глубокомысленный вывод, что лоси все же не являются перелетными и норными животными.

Наблюдая мое колдовство над блокнотом, ребята предложили мне свою помощь в написании сценария для крутого боевика. «Для хорошего экшена, – советовали они, – необходимы три вещи: хороший парень, плохие парни и много красивых женщин; всё остальное детали».

Вечер состоит из сплошного чаепития. За столом ГАВ писал диктант про косуль. Их они видели сегодня из трактора. Пять косуль подпустили трактор на сто метров, а потом скрылись в лесу. В свою очередь глумимся над Андреем, подражая интонации нашего зоолога М.И. Брауде: «Учите систематику. Это мне надо? Это вам надо?»

4.02.

Утром мы с Андрюхой Кутергиным пошли на ближнюю площадку. Николай поехали на линейный учет на тракторе.

Волки были уже в километре от деревни. Один из них прошел на махах в ближайший ложок. На площадке мы разошлись по своим маршрутам.

Погода стояла тихая, но пасмурная. Уже привычные восемь километров маршрута. Музыкаль дорожки звучал скрип лыж, которые уже приросли к ногам и стали их продолжением. Ходьба на лыжах, определенно, располагает к размышлениям. Через несколько минут глаз уже автоматически замечает следы, рука автоматически записывает их в маршрутный лист, а мысли находятся где-то далеко.

Кутер оказался шустрее меня и уже полчаса жег костер, поджидая меня. Дорога к деревне вела под горку, и до дому мы доехали за полчаса. Дома, придя в три часа, я едва ли не впервые оглядел наше жилище при свете дня. Если рано приходишь из леса, тратится намного больше еды, потому что приходится постоянно есть, сначала, когда сам приходишь с маршрута, потом, когда приходят Коли.

Ближе к вечеру все устроились на кроватях и что-то читали. Марков читал Германа Гессе «Игра в бисер», Погодин – «Следы в природе». Валентин Пикуль кочевал от Кутера к ГАВу и обратно, я, наконец-то, добрался до своей тетради по экологии. Немного позже, включив телевизор, едва ли не сразу выключаем, третий раз за день клип Лены Зосимовой просто достал всех. Кончились уже все приколы, и мы не нашли ничего лучшего, как выключить телевизор. Затем ГАВ строил модели «хищник-жертва» на примере волка и косули в Харловском охотхозяйстве. Коля Марков заболел, и у меня в горле скребли кошки, завтра последний день учетов, не знаю, поднимаюсь ли я с кровати.

5.02.

Вместо будильника зазвонил спаренный телефон, и первыми опять поднялось начальство. Телевизор расположен так удобно, что его можно включить одним ловким движением ноги. По телеку специально для заболевшего Коли показывали группу «Восток». Быстренько проснувшись, выключаем эту мерзость и идем есть. Погодин раньше нас уехал на тракторе на линейный учет, а мы с Кутером после еды пошли на площадку.

Поля с неуютным ветром мало привлекают живность, зато в лесу то и дело лыжню перебегала куница, в центральный квадрат прошли два лося, чуть дальше туда же проследовали два волка. Ночь и утро были достаточно теплыми, и следов было

предостаточно. На вырубке бегал колонок, искал мышей. Косули бродили по вырубке парами, я нашел несколько свежих лежек. То-то ГАВ обрадуется. Кутергин опять опередил меня в этой гонке, и мы без отдыха улучшаем время от площадки до дома – тринадцать минут, это круто.

По приходу домой неспешно едим и собираем вещи. К четырем часам подходит К.П. и, попив чайку, мы отчаливаем от гостеприимного дома охотника. Автобус оказался теплым. Глядя на бескрайние белые поля, я уснул от тепла. Это был сон человека, выполнившего свой долг и от этого очень довольного собой. Впереди предстояло семь часов пребывания на вокзале. Вчетвером, оставив К.М. около вещей, идем в Ирбит, точнее в ирбитский супермаркет, за едой. В здании вокзала народу было немного и те, немногие, поспешили убраться от суровых и голодных финских парней. После еды, уже подобревших, потянуло на разговоры. Поступило предложение исполнить «кабаний блюз» на губной гармошке, но опасаясь за психику пассажиров, отложили эту затею.

Семь часов оказались не такими уж и долгими, мы опять усаживаемся в «свой» четырнадцатый вагон. Народу снова немного и место нашлось всем.

6.02.

В шесть часов приезжаем в Свердловск, договариваемся на восьмое число собраться и поехать в Верхнюю Пышму, во вторую экспедицию.

(Окончание следует).

Фотографии предоставил Александр Минеев.

Светлана ЭСТ

⊕ смелом парне будет речь*

Ну, конечно! Как только рыцарь Fineous во главе небольшого экспедиционного отряда спустился с подъемного моста замка, выстроенного из монолитных железобетонных конструкций, так сразу же увидел разгорающийся костер. Веселье по случаю аутодафе простолюдины деловито казнили очередного вражеского лазутчика, привязав его к пирамиде бревен, больше похожих на трубы с фабрики големов, чем на стволы настоящих вязов или сосен.

– Ай эм хиа ээ э кориспандэнт он эн иксчейндж проугрэм, – напропалую врал «шпиён», – ээ э туэрист.**

– Бреши лучше, что ты автогонщик с «Формулы-1», – подкасал ему малец, ковыривший пальцем в измазанном сажею носу. – У нас этих сумасшедших жалеют.

– Распишемся в ведомости, рыцарь Fineous, мастер остроуго меча, за шесть... шесть цифрой и в скобках прописью... драгоценных яхонтов... в скобках рубинов, – пропел как псалом толстый монах-казначей, когда Fineous, придерживая своего коня, подъехал к сейфу, установленному на тележке, рядом с какой пощипывал траву маленький ослик. – Говорят, любой колдун умеет выковать из рубина лазер, а по мне так дешевка они синтетическая. Отдав холщовый кисет с рубинами, монах начал юлить:

– Командировочные получите реактивами для изготовления порохового боеприпаса – серой и селитрой... Откуда взяться денежкам?! Дела идут отвратительно: поджарили сегодня лишь одного еретика.

– А за что его казнили? – поинтересовался рыцарь не для того, чтобы вмешиваться в политику, а из любопытства, присутствующего молодым, будь они из просвещенных или из простых айвенгов, и поднял стальное решетчатое забрало. Девы в толпе обступивших костер крестьян одновременно вздохнули – хорош: и смотрит соколом, серые светлые глаза выделяются на загорелом лице, и улыбка открытая, вот только побриться бы не мешало.

– Как всегда, – поджал губы монах. – Грешно сказать, но утверждал, что Земля есть не шар крутящийся, а плоскость. Слово-то какое для своей ереси придумал: в-ухи-мер-на-я. ...Вот вы там, в замках, обсерваторию имеете, и опять-таки высшую школу колдунов, а слыхивали ли про такое?

– Может, он «двухмерная» имел в виду? – уточнил рыцарь.

* О смелом парне будет речь - начальная строка английской народной баллады о Робин Гуде.

** Ай эм хиа ээ э кориспандэнт он эн иксчейндж проугрэм... ээ э туэрист (англ.). - Я приехал как корреспондент на стажировку... как турист.

– Ага, в-ухи-того-самого, – неприятно осклабился казначей. – А брат Гарин из храма рыцарей лика Господня, он тоже образованный, ему как зафиндюлил. И в уши, и между ушей.

– Так ты говоришь, что золота нет? – спросил снова красавец Fineous и будто нечаянно приставил наконецник копыя, на котором развивался красный, цвета рода, вымпел, к третьей складочке жира на подбородке монаха, покоящейся еще на двух. – А если подумать?

На распаренном, мокром от пота лице служителя всеблагой церкви промелькнула целая гамма чувств, и Fineous почему-то вспомнил заученное во время урока по истории Франции: как папа Иннокентий III ответил на вопрос, возможно ли отличить еретика от доброго католика: «Убивайте всех подряд. Бог на небе узнает своих». Чтобы не мешать казначею предаваться раздумьям, рыцарь перевел взгляд к горизонту, туда, где кольцом смыкался Черный предел, которого невозможно достичь – приблизишься к нему, а он отодвигается. Потом Fineous оглянулся на громаду замка, у чьих ворот росла парочка кокосовых пальм, на какие он, верткий, словно обезьяна-бабуин, так любил залазить в детстве. Под крепостной стеной колыхались от дуновений теплого ветерка розовые тюльпаны, откуда-то с полей несло запахом цветущей гречи.

«Слава Господу Ге, что аутодафе – лишь символический акт», – подумал рыцарь и чуть-чуть надавил на копьё – монах крупно содрогнулся: – Шестьсот голдов – большие деньги, но вам, благородный Fineous... Со всем почтением... Да вот же они, в уголок завалились!.. Нисколько не жалко для армейских.

В походной колонне, состоящей из гоблинов, вооруженных томагавками, и арбалетчиков в зеленоватой камуфляжной форме, кто-то громко, перекрывая другие голоса, хмыкнул – верим! Но как только Fineous дал команду двигаться, разговоры стихли, и трубатур в ритме тяжелого грохота солдатских сапог запел народную балладу:

– О смелом парне будет речь: он звался гоблин Гуд! Недаром память смельчака в народе берегут...

От памяти зависело многое, поэтому она весьма чтилась народом айвенгов, с незапамятных времен расселившимся на побережье Шардийского моря, чья непрозрачная вода поблескивала под лучами солнца, какое вставало на отдельной панели. Простые айвенги верили, будто в морских впадинах обитает страшный гигантский кальмар величиной с королевский замок, повелитель ме-дуз-горгон, но учившийся у колдунов Fineous считал такие слухи вздором, хотя и допускал, что головоногие в море могли водиться.

Покачивая алым кудрявым страусиным пером на шлеме, рыцарь, ехавший впереди экспедиционного отряда, предался грустным мыслям о прекрасной синеглазой Astra, которой он так и не осмелился сказать о своей любви. ... Astra, его однокурсница, слыла девушкой современной и дамой приятной во всех отношениях: она мастерски владела двуручным мечом; носила длинные изящные платья в голубых тонах, покрытые

ко не мешало сражаться.

Заночевали у брода: рядовые гоблины под руководством старого ворчливого ветерана поставили рыцарский шатер и палатки, а кашевар накормил всех жареной на вертеле олениной и пудингом с цукатами – первый день первой недели месяца Рыбы Лимбегою кончился.

Переправа через речку, протекавшую среди цветущих лу-

вышивкой серебряной нитью с сапфирами, лунным камнем и лазуритом – с теми из самоцветов, в которых есть синий оттенок; красила великолепные пышные волосы в тот же цвет; делала замечательно маленькие шпаргалки-гармошечки по дисциплине «Тотальное поражение Армагеддоном» и вызывающе, в упор, смотрела на Fineous, когда им случилось сталкиваться в лабиринте узких запутанных коридоров высшей школы. Но он, Fineous, был избран первым из всех после спарринга с рыцарем Thundax, его троюродным братом, обросшим увальнем, какой дал обет не стричься, пока не совершит свой подвиг во имя Господа Ге, как Жанна д'Арк во имя Иисуса Христа. Fineous нравилась и общая история, и спецпредмет, в которых он находил исторические параллели. Поэтому, увидев аншлаг с запросом на английском языке, молодой рыцарь, не поняв ни слова, наугад надавил на левую кнопку, и беспечно поскакал дальше – к переправе. Fineous искренне верил в то, что англичане-саксы захватили айвенгов, как в свое время нормандские рыцари под предводительством Вильгельма Завоевателя оккупировали Англию. И то, что в обоих случаях официальным считался один язык, а местное население говорило на другом, нисколько

гов, заняла поутру совсем немного времени. Fineous, даже не спешившись, перемахнул на коне ее русло там, где два припойменных низких берега почти смыкались в густых зарослях ведьминого корня. Впереди, в крутом горном склоне, виднелось небольшое обнажение и вход в шахту.

– Привал! – распорядился рыцарь, когда отряд достиг подножья горы, заросшей травой и эдельвейсами. – Рудознатца ко мне!

Специалистом оказался щупловатый паренек-гоблин по имени Хис, совсем еще зеленый и застенчивый. Он долго настраивал лозу, с помощью которой находят подземные источники и месторождения руд, а потом начал отбирать образцы, с таким усердием стуча геологическим молотком по камням, что из-под него полетели рои искорок. – Сколько феррума* можно здесь добывать? – спросил Fineous, делая записи в полеводном дневнике, который он достал из планшета.

– Одну-две вагонетки бурого железняка за день, я думаю, – сказал Хис, перестал колотить и, вслушиваясь, приложил ухо к торчащей из серых кружевных лишайников большой молилитной каменной плите. – ...Кто-то едет, благородный господин рыцарь!

Fineous обернулся и, побледнев от гнева, начал судорожно нащупывать эфес своего остро отточенного меча, хотя он никогда не посмел бы не то что руку, а и глаз поднять на девушку, какая, низко, как варвары-степняки, пригибаясь в седле, скакала по тропинке, ведущей от брода. На ветру развеялся ее плащ цвета алой розы – генеалогического отличия эрцгерцогов Barbarian, рыцарского рода Fineous, и означать этот факт мог единственное: Astra – а это была она – вышла замуж за кого-то из его кровных родственников. Такой терзающей боли, какую почувствовал Fineous, он не испытывал никогда в жизни: ни поправ в когти болотного дракона; ни получив удара лучом посоха верховного магистра, не признававшего безопасных симуляторов; ни даже тогда, когда умер отец. Молодому рыцарю показалось, что Черный предел надвинулся на него и сомкнулся в сердце.

– Ты мне не рад, Фин?! – спросила Astra голосом, в котором явственно слышались растерянность и что-то вроде паники от столь холодного приема.

– От имени цвета рыцарства великого народа айвенгов приветствую вас, благородная девица, – сказал рыцарь, на бешеный скак не отступая от официального ритуала встречи, и преклонил, как полагалось по этикету, колено, подав знак своим выстроившимся в боевое каре солдатам: «Разойтись!» Он еще не оправился от потрясения, и перебирал в уме кандидатуры счастливиц, какие могли бы жениться на гордой красавице Астре. Жирный боров Atlas с его всегда грязными сальными волосами, заплетенными в косицу, ей явно не подходил; Thundax Бешеный, чьей наглой спеси изрядно поубавилось после контрольного поединка, оправился в военный поход сразу вслед за ним, Финном. Или она выбрала богатого дядюшку Sarakin, чьи кладовые ломились от золотых голдов и тюков драгоценной шардийской парчи, на какой пели вытканые райские птицы, плавно ходили шитые жемчугом чужестранные королевы и настоящая роса мерцала на нарисованных

бутонах?

– Можно поздравить вас, благородная леди, с таинством брака? – не выдержав тяжелого обоюдного молчания, спросил Fineous.

– ...Я так боялась, что не успею, – сказала Астра и, придерживаясь за луку седла, по-мальчишечьи ловко спрыгнула на землю со своей взмыленной кобылы, норотившей лягнуть боевого коня Fineous, Таила, который потянулся к ней с конской привязи.

«А мне так горько, что ты успела», – подумал рыцарь, имея в виду скоропалительность ее свадьбы.

– ...Что тебя убьют, и...

– Flo не сразу! – запротестовал Fineous, потому что эта мысль тоже приходило ему в голову, ведь из всех ушедших в военный поход назад почти никто не возвращался. – Видела моих наемников? Орлы-грифоны!!! Хотя в чем-то с тобой и нужно согласиться: выправкой они меня просто убивают.

– Фин, в общем... Я объявила в замке, что вышла за тебя замуж. Фин, ты не сердись? – тихо сказала Астра, встав перед ним.

Когда они изредка встречались в школе колдунов, Astra the Sorceress казалась Fineous высокой, одного с ним роста, девушкой, и в первый раз она приблизилась к нему настолько, что каждому из них стало слышно неровное дыхание другого, поэтому Акела промахнулся – он поцеловал ее в нос. Но затем молодой рыцарь взял свое сокровище, маленькое и невесомое, как пушок одуванчика, на руки, и, примерившись, все поправил.

У входа в железорудную шахту начинался спонтанный бой в авторежиме: крылатые воительницы Астры, наконец-то догнав ее на разрисованных, похожих на гигантских бабочек, дельтапланах, слету атаковали отряд Фина, потому что им показалось, что на Astra нападает рыцарь-чужак с земель на юге.

– Пре-кра-тить! ...И построиться! – скомандовал Fineous. Шум битвы мгновенно затих – только худенький гоблин Хис в запале продолжал отбиваться молотком от притиснувшей его к огромному камню свирепой матроны-воительницы.

– Скажи им, – негромко попросила Астра, улыбаясь.

– Что, моя Звезда*? – спросил ее избранник, улыбаясь еще счастливее.

– Ай уд лайк ю ту мит май уайф*, – подсказала девушка.

Фин твердо, с истинно королевским достоинством, повторил слова Астры перед выстроившимся сводным отрядом из наемников и разгоряченных крылатых воительниц, делая официальное оповещение, а потом шепотом поинтересовался: – Чего я наболтал?

– Подлая девка пытается окрутить меня. Спасите! – перелезла Астра.

– Бреши лучше, что ты автогонщик с «Формулы-1!» – непонятно для своей прекрасной супруги сказал Fineous. – Астра, Звездочка, мы с тобой точно оба еумасшедшие.

Первой с поздравлениями подошла матрона Валькирия, предводительница крылатых, и начала басом рассуждать о любовных чувствах и верности, которые не препятствуют выполнению долга – ее длинная речь подозрительно смахи-

*Феррум (лат.) - Fe - железо.

вала на воинскую присягу.

– Автогонщик? А кто это? – спросила Астра, чтобы немного развлечься.

– Рыцарь на самодвижущейся стальной лодке в чудном шлеме с прозрачным забралом. Фантом из другого мира, игрушка в руках Господа Ге, – объяснил Fineous. – Впрочем, как и все мы тут... Среди храмовников идут разговоры, что Господь Ге не убежденный сединой мудрец, а безусый мальчишка. А кому, как не рыцарям храма лика Господня, знать, какой лик у него на самом деле?

– Мне все равно, – сказала Астра. – Главное, что он соединил нас.

– Нет, Звездочка, главное, чтобы он сохранил тебя! ...Подумаешь, автогонщик! Автогонщик – тварь безобидная, но недели две назад в Сфагнумовых топях поймали призрака, вооруженного чем-то вроде короткого мушкета на ляжке. Очередью из такой пистолы кладут сразу полдюжины лучников.

Породистый скакун рыцаря, когда-то жеребенком купленный в знаменитых конюшнях Шардии, всхрапнул, потому что норовистая белоснежная кобыла-полукровка Астры, помесь лошади и единорога, снова лягнула его задними копытами.

– Только без нервов, Таил! – предупредил своего коня Fineous. – У меня любовь, а ты, если не хочешь, можешь и не жениться.

Последним молодую чету поздравил толстый кашевар, опрятно одетый орк с выпирающими из ряда других зубов клыками, которые делали его похожим на! добродушного кабанчика: он предложил устроить свадебное пиршество на поляне у леса. Вонительницы уже плели гирлянды из белых эдельвейсов, а трубадур, брэнча лютней, пытался сочинить новую песню:

– О смелом парне будет речь, что звался рыцарь Фин! Он Астру страстно полюбил, у них родился сын...

Свадебный пир удался на славу, правда, все боялись, что пьяненький рудознатец, посыпавший молодоженов на счастье сухим рисом из НЗ, свалится с дельтаплана Валькирии. Но потом, когда рыцарь Fineous и прекрасная Астра, взявшись за руки, удалились в свой шатер, гоблин стих, лег подальше от костра, чтобы нечаянно не загорелась короткая форменная юбка из травы, и пожаловался матроне:

– Мне в кружку с элем муха попала.

– Не бойся, Хисюнь, много она не выпьет, – сказала вонительница, выдернула сухой стебель из его юбочки и принялась исподтишка щекотать аса воздушных падений и нападений.

Утром Fineous проснулся до восхода солнца оттого, что кто-то пристально на него смотрел, и этот взгляд он ощущал прямым, неотрывным и упорным, как собственное копье, приставленное к горлу монаха, который хотел надуть их позавчера. Будто бы разметавшись во сне, Фин инстинктивно потянулся за клинком... Меча в изголовье не было! С острым, словно стрела от тисового лука, предчувствием опасности рыцарь открыл глаза – и вовремя: Астра, сияющая свежим прелест-

ным личиком, как раз нагнулась его поцеловать.

– Ничего себе игрушка в чьих-то там руках! – весело сказала она, уворачиваясь от объятий. – Катапульта ты боевая! Бог войны! Еще не умылся, а меч лапашешь. Ты с кем рубиться собрался натошак? Ты хочешь вступить в сражение со своей законной супругой, эрцгерцогиней Barbarian?!

Фин, привстав, снова потянулся к ней, и Астра доверчиво положила маленькие ладони с пальцами, унизианными тяжелыми дорогами перстнями, в которых переливались алмазы голубой воды, на его сильные плечи...

– Фин, я вчера не хотела говорить об этом, но у меня приказ: тебе предписано вернуться, – сказала Астра, когда солнце, встав над линией горизонта, исчезло на весь день. – Верховный магистр желает, чтобы ты пересдал экзамены по новым видам оружия.

– Предначтение или стариковская прихоть?

– Предначтение! Как гласит закон: «Нарушившего Предначтение и тем самым вызвавшего ...бой Програ ...мы Господь Ге, полное имя какого есть тайна страшновеликая, сотрет с лица Земли» В каноническом тексте, как мне кажется, есть лакуна: то ли воском от свечи капнуло на несколько букв, то ли крыса отгрызла кусочек пергамента. Впрочем, неважно: все равно никто не знает, кто такой Прогр! Гудвин Великий и Ужасный? Гигантский кальмар из Шардийского моря? Или ты? Тебя, например, в бой прямо с утраца тянет, – задумчиво рассуждала Астра, седлая свою кобылку. – ...Но ведь и меня тоже! Бог создал нас для того, чтобы мы воевали. ...Предначтении, Фин!

– Я догоню твой отряд, Звездочка, – сказал Fineous the Barbarian, и его простые слова прозвучали тверже клятвы на крови.

В сопровождении эскорта из двух угрюмых коренастых гномов, носивших кожаные шапки с бычьими рогами, молодой рыцарь поскакал обратно к переправе через реку, чтобы вернуться в замок. Он так торопился, что даже хотел пустить в ход золотые рыцарские шпоры, но благородный скакун Таил сам перешел с ровной иноходи на галоп, словно понимая, чего ждет от него хозяин... На другие сутки к обеду Fineous уже предстал перед трибуной ректора, должность какого по многовековой традиции исполнял верховный магистр. Экзамены за второй курс свелись к пустой формальности: маг показал ему новые образцы вооружений, из которых особенно понравился Фину лучевик, стреляющий сизыми световыми кольцами. Разнес в щепки парочку деревянных мишеней, изображавших силуэт дракона, и выслушав занудную поздравительную речь по поводу своего брака, Fineous попросил у магистра разрешения отправиться в обратный путь. Старец проследил за ним, подписал «Моему дорогому мальчику...» диплом, пахнувший коленкором, клеем и типографской краской, и выдал Предначтение: Астра приказывалось уйти в долгий рейд к Северному пределу, Fineous – отвоевать деревню за ущельем Мертвяков. И хотя вместе они могли побыть всего только день, Фин оценил свадебный подарок старца, потому что северные земли считались тундрой – там Астре ничего не грозило.

...Из распадка между двумя горными склонами, покрытых курумником и зарослями карликового абрикоса, тянуло падалью. Тухлый запах разлагающейся плоти привлек в ущелье облезлых грифов и воронье, которое заркаркало, потревожен-

* Звезда - астра (лат.)

* Ай уд лайк ю ту мит май уайф (англ.) - Разрешите представить вам мою жену.

ные стуком копыт Таила. Никакие другие звуки не нарушали больше недобрую вязкую тишину гор, и усталый Fineous задремал в седле – изнурительная многочасовая скачка вымотала из молодого рыцаря все силы. Так что, повернув за нависший над вычной тропой скальный выступ, он увидел на высокогорном лугу Astra, Фин не стал ее окликать, а подъехал и молча остановился рядом.

– Может, они друг друга едят? Одни скелеты остались! – сказала Астра и начала протирать свой меч пушистым листом златовласника, глядя на лежащую перед ней грудю человеческих костей и черепов. – Ой, Фин, ты как здесь очутился?

– Стреляли, – неизвестно откуда взявшейся фразой ответил Fineous. – Восток – дело тонкое, Пеструха.

Почему он впадает в ересь, Фин не имел никакого понятия. Иногда рыцарь думал, что причиной служат отголоски, тени и мысли из каких-то других миров, проникающие извне, а иногда ему казалось, что на уровне подсознания он, Fineous, обладает памятью предков, и это праотцы говорят за него, причем, явные глупости. Во-первых, земли около Восточного предела – дело не тонкое, а гиблое, потому что там кишмя кишат драконы, вылупившиеся в замковых инкубаторах, и, вторых, как это он мог обзывать ясную Звездочку коровой Пеструхой?

На его счастье Астра ничего не расслышала, потому что ей понадобилась нарвать еще одну порцию листьев:

– Ты что-то сказал?

– Чем ты тут занимаешься, любимая? Киндер, кюхе, кирхен? – с преувеличенным оживлением перебил ее Fineous.

– Меня сейчас вытошнит, – сказала Астра, вкладывая клинок в ножны. – Уходим отсюда... Валькирия доложила, что за ущельем есть маленькое озерцо. С тропы его не увидеть, значит, более хорошего места для лагеря и искать не нужно.

Вид на озеро, открывшийся из-за скал, действительно, отличался идиллическим спокойствием и живописностью: горы любовались собой в зеркале вод, свисающие ивовые ветви чуть шевелились от ветра, где-то хрустальным колокольчиком небольшого водопада звенел ручей.

Пока наемники купались, Астра, сидя на берегу и бутлыхая в воде голыми ногами, рассказывала Фину о том, как она грустила без него, пересказывая с одного эпизода на другой:

– ...Представляешь, в черепах у мертвяков – только пустые дырки глазниц. А наглые до чего: пустотой тебя сверлят и сверлят! ...В общем, мы только от железного рудника немного продвинулись, а там бунт: то ли деревенским городские не понравились, то ли крестьяне пива перепили, то ли «суверенитетов» им не хватило. Когда заметили мой отряд на опушке леса, паника началась: «Красные! Красные!» Я не знала, что стяг рода Barbarian наводит ужас...

– В основном, на девушек, – вставил Фин. – Мне до сих пор не верится, что ты моя жена.

– ...Аграрии серпы свои бросили и разбежались. Они трусливее мертвяков: те хотя бы атакуют!

– Но, Звездочка, мертвяки, наверное, и есть крестьяне, которые выступали против властей. Всегда так было: молчишь – жив, взбунтовался – мертвец, моя ненаглядная...

– ...Красотка, – сказала Астра. – А это тебе за Пеструху! – Она наклонилась и легонько укусила его за кисть руки, а потом поцеловала туда же.

– Змея, – с восхищением сказал Fineous. – Кого я пригрел?!

– Потом рудознавец Хис и Валя – они ведь поженились вслед за нами, правда, здорово? – нашли с дельтаплана старые рубиновые копи. Добыча в них была прекрасна, по-видимому, из-за нападений мертвяков, хотя природные рубины, и отдельными кристаллами, и в друзах, там валяются, куда ни посмотри. Несколько самых крупных я прихватила...

– Конечно, чтобы посолить, – улынулся Фин, – хозяйственная ты женушка.

– Чтобы украсить ими твой щит, комедиант несчастный, – Астра брызнула в Fineous водой, – Я теперь на два ранга выше, так что извольте быть дисциплинированным, господин эрцгерцог. Отнесите благородную даму вон туда, за ивячок, она хотят купаться!

– У нас все общее, у нас и желания совпадают – не стал таить своей жаркой страсти рыцарь. – Чур, ты первая трешь мне спинку!

Они были счастливы и веселы, но ночью, уткнувшись в седельную суму, которая служила им подушкой, Астра заплакала:

– Я боюсь, что больше никогда не увижу тебя, и от мысли, что нас разлучают, останавливается мое сердце. За что, Фин? Что мы сделали, чтобы быть столь жестоко наказанными?

Муж привлек ее к себе, вытер слезы и пообещал:

– Когда умрет последний из подлых врагов, когда Черный предел войдет в пределы границ, когда на вратах всех замков будут висеть наши флаги и наступит светлый день победы, мы встретимся. Ты будешь по-прежнему прекрасной, а я – с деревянным протезом на культе и в боевых шрамах: по шраму здесь и здесь...

– Здесь не нужно, родной, – шепнула Астра.

– Ладно, повыше, – согласился Фин.

– А без протеза не обойтись?

– Это невероятно полезный в доме предмет – я буду колотить им сыновей, приходя пьяным из таверны, где нанимают цвет рыцарства великого народа айвенгов.

– Как?! Ты придешь ко мне в таком гадком виде?

– Я приду к тебе в любом случае: пьяным, полумертвым, нищим, по дну Шардийского моря, из преисподней и из рая, раненым, старым и безумным. Битвы завершатся, и я приду! ...Спи, моя путеводная Звезда.

Утром отряд разделили, и поскольку Астре предстоял стремительный, но неопасный набег на земли у Северного предела, то с ней остались только рудознавец Хис и крылатые, потому что так захотела Астра. Валькирия светилась от радости, будто новенькая золотая монетка, одинаково преданно глядя на великодушную эрцгерцогиню и своего обожаемого супруга. Пополнение, несколько крепких бестолковых, как бараны, парней, которых рыцарь Fineous привел с собой из замка, арбалетчики и большая часть гоблинов отправлялись вместе с ним на штурм деревни за ущельем Мертвяков, оставшимся позади.

Прощанье было коротким – война торопила.

Маленькая убогая деревня, спрятавшаяся в зеленой долине среди пологих холмов, имела отряд самообороны, который Фин приказал расстрелять с дистанции в пятьдесят локтей, несмотря на то, что его воинственно настроенные гоблины рвались в драку, выли и грызли томагавки, потому что наню-

хались перед боем – для бесстрашия – ложных красявков. Как человеку женатому и, следовательно, почтенному, Fineous претила мысль о бессмысленном геройстве: он был готов умереть, но только за победу.

...На третий день первой недели месяца Овцебыка Ратых, поднимаясь по мощеной булыжником дороге в гору, рыцарь Fineous, которому военная экспедиция уже изрядно поднадоела, заметил на вершине силуэт всадника, одиноко торчащего там, словно старый пенъ среди фиалок на лесной полянке.

«Вот оно!!! – подумал Фин, почувствовав себя как на именинах. – Господь Ге, сохрани Астру! А мы, мужчины, за себя как-нибудь сами постоим!»

– ...Сохранию, – раздался из глубин космоса божий глас, вызвав небольшое землетрясение, – и пенъ можно будет вырубать! Фин с благоговением перекрестился:

– Вырубать, так рубать! По седьмое колено!

О смелом парне будет речь...

Когда поздно вечером мамочка попросила его выключить компьютер, Егор повел себя по-мужски: он притворился глухонемым Герасимом, только что утопившим барыню вместо Муму, потому что «Heroes 2» – захватывающая «игрушка», то есть, чем больше в ней захватишь замков, тем сильнее будут твои «герои».

Потом сердитая мама, в махровом халате и с бигуди под платком, заявила в его комнату в час ночи.

– Хорошо-хорошо, я выйду! Только игру сохрани, и «Пень»* можно будет рубать, – лицемерно пообещал ей Егорка и еще быстрее защелкал мышью, так как чужой рыцарь из черной неоткрытой части карты навалился на «героя» Fineous.

И только после того, как Fineous победил, а

* «Пень» – сленговое компьютерного «Пентиум».

* Геймер (англ.) – игрок.

разъяренная маман с тапком наперевес прибежала снова, Егорке пришлось сдаться.

В том, что он, пусть и не выспавшийся, прекрасно напишет на истории контрольную работу по средним векам, шестиклассник Егор Катаев по кличке Геймер** несколько не сомневался, потому что о гоблинах и орках, которые жили в то время, ему было известно все.

Художник Ирина Овсянникова.

Валерий ШУМКОВ

Мы тоже были молодыми...

Горы, окружающие долину кавказской реки Адырсу, не столь знамениты, как культовые вершины соседних ущелий или далекого Безенгийского массива. Долгое время я никак не воспринимал этот район, этот лагерь. Он для меня как бы не существовал. Волей судьбы в июле 2002 года я оказался в альпинистском лагере «Уллутау». Через неделю «Уллутау» стал для меня на Кавказе полюсом доверия и душевного тепла. Я почувствовал, что нет для меня в этих горах более надежного и родного места.

Спасибо инструктору нашего отделения Сергею Бурлуцкому (Ростов-на-Дону), альпинистам из Волгограда, Минска, Казани, с кем я ходил на Лацгу и Койавган. Неизгладимое впечатление оставило знакомство с руководителем учебной части лагеря Юрием Ивановичем Порохней и его супругой Алек-

сандрой Васильевной, инструктором а/л «Уллутау». Это бывшие наши земляки, альпинисты, ставшие мастерами спорта в далеком уже 1963 году.

Так родилась идея этого разговора.

Вопрос: Юрий Иванович! В моих глазах Вы являетесь настоящим реликтом уральского альпинизма. Расскажите, как Вы пришли в этот вид спорта.

Ю.П. Я был студентом Уральского политехникума. В 1952 году к нам пришел один из известнейших альпинистов из города Ленинграда, создал секцию; слушали лекции, тренировались, готовились и летом 1952 года мы поехали в альпинистский лагерь «Талгар». Это под Алма-Атой. Там из нашей группы несколько человек было, выполнили значок «Альпинист СССР», очень нам понравилось, все было восхититель-

Старая гвардия советского альпинизма. Ю. И. Порохня в центре.

но: горы, солнце, воздух, общение с разными людьми из разных городов – все было хорошо. Вот так и начался мой путь в альпинизм.

А в 1953 году снова пришли путевки на наш техникум, но мы как-то уже расхотели ехать. Как-то тяжело было, что вот там и снег, и дождь, и слякоть в палатке... Что-то не очень нам хотелось. Но председатель профкома сказала: «Нет! Эти путевки на вас, пришли, значит все, давайте, мы вам оплачиваем дорогу до Алма-Аты, даем суточные, так что езжайте». Снова поехали.

Что самое интересное, я уже опыт имел альпинистский, и в то же время тогда мы жили бедно, студентами были, не было рукавиц, не было свитера, так что поехали в рубашке, в ковбойках там, на крыше поезда ехали, с пересадкой через Новосибирск. Все было экзотично. Ну, а когда уже второй раз приехали в Талгар, – нас уже знали как: «Ага, вот значкисты приехали». И были удивлены, что у нас нет таких теплых вещей.

Как я сейчас вспоминаю, ходили в поход, шли через перевал Суровый, и нас застала непогода. Инструктора навесили

шубинки, тогда мои руки отогрелись – все, пошли дальше. В общем, все так было экзотично: вроде бы альпинисты, и в то же время неподготовленными оказались.

Выполнили 3 разряд и в этом же году, когда мы поднимались в Талгар по тропе, я познакомился с Александрой Васильевной. Дюрягиной она тогда была. У нас в группе тогда шли Манаков, Павлов, тоже известные наши, свердловские, альпинисты. Мы были в одной группе. И так сложилась наша судьба, что осенью, вернувшись в Свердловск (Саша училась в горном техникуме), мы стали общаться, встречаться и, в конце концов, в январе 1954 года мы поженились. Устроили студенческую свадьбу, закончили техникум, получили дипломы. В 1954 году (Саша уже была в положении) мы уже в лагерь не поехали. Но зато мы участвовали в первенстве Свердловской области по скалолазанию. Саша была в положении (5 месяцев было Таньке), – и все равно она была призером. Сейчас все это покажется со стороны молодежи или со стороны других товарищей несерьезным, а у нас все как-то было по-юношески задорно.

Мы распределились по направлению. У нее было направление во Владивосток, а у меня – в Сталинск.

Выбрали Владивосток, поехали туда, там нас неудачно приняли, обещали, обещали, ничего не дали, и мы вернулись обратно на Урал, к ее родителям в Верхнюю Пышму.

Там я устроился работать

перила, – тогда известные инструктора были: Кельбер, Шумихин... Подхожу к перестежке, а руки уже так замерзли (в брезентовых рукавицах были), что я не мог даже как следует взяться за веревку, и вот тогда Кельбер говорит: «Ты что, без рукавиц?»

Я говорю: «Да, вот только эти».

«Как так, ты не мог и т.п.». Отдал свои, такие у него были

на медьэлектролитный завод, а Саша – на обогатительную фабрику. И вот в 55 году, весной, что-то засосало под ложечкой, посмотрели фотографии – так захотелось в горы. И я поехал в областной совет ДСО «Труд», попросил две путевки, мне дали, как разряднику уже.

И вот в 55 году пробыл я там 40 дней, выполнил 2 разряд, приобрел много друзей, таких как Сорокин, «снежный барс». Ну, это мой друг, мы с политехникума вместе были. Таких, как Галиаскаров из Ревды, тоже мастер спорта. В общем, у

нас плеяда такая, хорошая была. И вот начиная с 1955 – 58 годов мы начали очень активно заниматься, я секцию создал у себя в Пышме. Мы даже участвовали в соревнованиях, по второй группе выиграли первое место, вышли в финал первой группы, были чемпионами ДСО «Труд» в скоростных гонках на Азов-горе. Все было так весело, прекрасно. Молодые годы можно долго вспоминать.

Потом, в 56 году меня пригласили уже в школу инструкторов при альплагере «Талгар». Руководила ей Балдина Галина Алексеевна, это наш врач, ну, все ее знают, мастер спорта из Свердловска. Нас было 6 человек: я, Сорокин, Юра Пономарев, Мочалов из Ревды. Закончили школу мы, отстажировались две смены, еще даже одну смену поработали. То есть 56 год был самый насыщенный. Александра Васильевна в этом году поехала значкистом. Она пробыла тоже практически весь сезон и от значкиста выполнила почти 1 разряд. Ей там 4Б не хватило. То есть, сезон хорошо ходили.

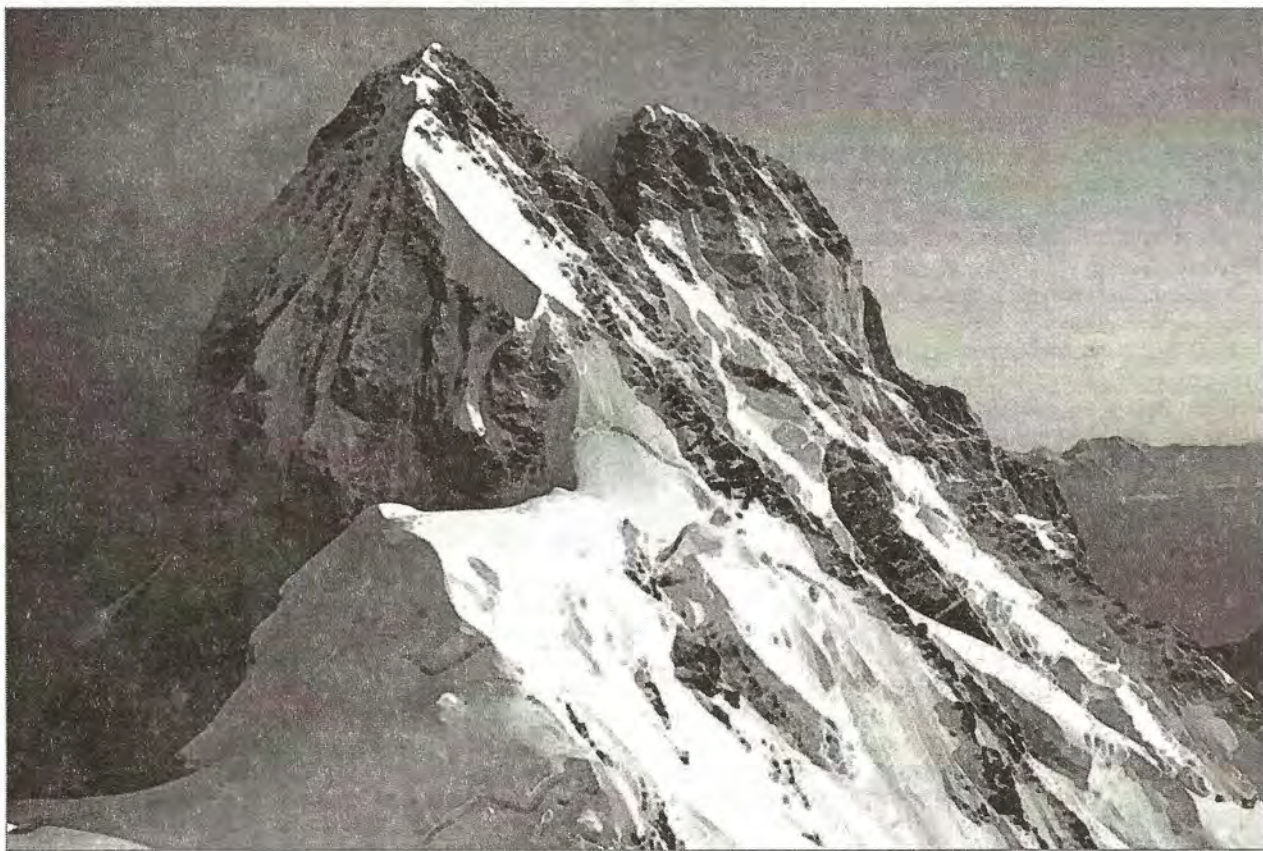
Мы сами были лыжники-гонщики, для нас физическая подготовка – все было в ажуре, тем более скалолазанием занимались, скальная подготовка тоже хорошая была. Так что мы хорошо вошли в коллектив альпбазы «Талгар». Там мы организовывали сборы свердловские 59 года, 60 года. Сильные сборы, с большим количеством молодежи, о них много можно вспоминать. Оттуда вышли многие ветераны, в частности Земеров Володя, царство ему небесное. В 60 году Алек-

сандра Васильевна мастера спорта выполнила в Талгаре, ну а я неудачно там, с Ястребковым поскалдил, такой начспас был из Перми, и я бросил, так сказать, Талгар, и мы уехали на Кавказ.

Первый раз мы на Кавказ ездили в 58 году тоже со сборами, тогда руководил Данилович Арсен. Сборы были неудачные, у нас Юра Юрьев погиб на Суарыке 16 июля. Похоронили его в Адьлсу, сейчас там его могилка. Все равно после этого мы еще сходили на Уллу-Тау по «доске», Арсен закрыл мастера спорта, сходил в двойке на пик Щуровского. Там Петя Андрияшин был, Волянец, Раша Горлаева и так далее.

А в 61 году поехали впервые на Кавказ, и почему-то так у нас случилось, что попали в «Уллутау». И вот с тех пор я обосновался, как говорится, в этом лагере с перерывами в 72-75, 91-95 годах, а так - все время в «Уллутау». Выполнил здесь мастера спорта, учителя тут у меня были хорошие, такие, как Коленов, Емельянов, Черносливин, Ружевский; мы хорошо вписались в этот коллектив.

В конце концов, с 1 августа 67 года я стал начальником учебной части «Уллутау» и до сих пор занимаю эту должность. Я уже профессионал, Александра Васильевна тоже профессионал, хотя она работала все время в спорткомитете в Нальчике, но после выхода на пенсию сейчас работаем тут, вместе в «Уллутау». Приятно встретиться всегда с моими земляками-свердловчанами; вот ветераны недавно приезжали из многих

Гора Ушба.

городов нашей области. Самые-самые искренние воспоминания.

Вот у меня самая ближайшая встреча была с Васей Кобяковым *. Мы вместе с ним учились в школе в Нижнем Тагиле в 44-46 годах, и уже тогда что-то было такое – наподобие будущего альпинизма. Нас военрук наш повел в поход на так называемое Черноисточинское бездонное озеро и на Азов-гору. Уже тогда мы в походе на Азов-гору ходили. Ну, по скалам не лазили. Вот этот поход какую-то основу любви к приключениям заложил.

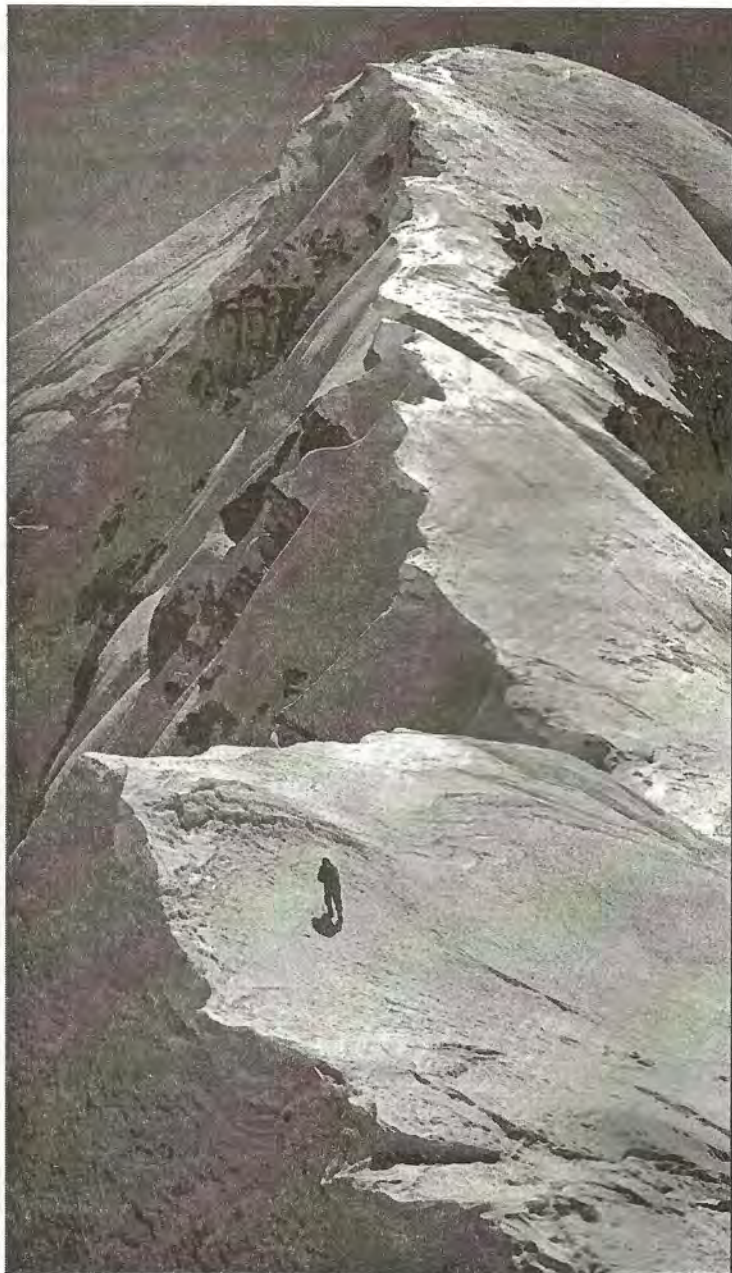
И с Васей Кобяковым мы встретились случайно, в 68 году. Я – начальник учебной части, иду в гости к Виктору Павловичу Попову, он тоже – начуч «Джайлыка», и тут навстречу мне по тропе Вася Кобяков. Мы оба, как вкопанные, остановились. Он говорит: «Юра!» Я говорю: «Вася!» «А ты что?», «А ты откуда?» Такая была встреча, и до сих пор мы дружим, встречаемся. Вот нынче даже Вася ко мне приезжал, работал инструктором, он тоже сейчас живет в Подмоскowie, у него все тоже хорошо.

Я уже нашим альпинистам в Свердловск написал, что наша мечта – золотую свадьбу отметить в Верхней Пышме и пригласить моих любимых всех ветеранов-альпинистов на эту свадьбу. Это было бы здорово. Дата пока не определена, но это будет январь месяц. Официально мы зарегистрированы 23 января 54 года в Октябрьском районе г. Свердловска. В Пышме восстановили новую церковь, нам хотелось бы там, так сказать, обвенчаться, что ли; потому, что мы просто зарегистрированы, сыграли комсомольскую свадьбу, в то время же не было таких обрядов, мы комсомольцами были, так что все было по-другому. Ну, а сейчас это модно. Вот такая мечта есть, надеемся, что она исполнится – было бы здоровье.

Вопрос: *Расскажите о наиболее памятных Ваших восхождениях.*

Ю.П. Восхождений совершено много, конечно. У меня их, если в сумме сосчитать, что я работал инструктором, и сам ходил – более 212 восхождений на сегодняшний день. Из них где-то 5 восхождений шестой категории, где-то 26 – пятой категории сложности. В связи с тем, что я все-таки работал начучем, поэтому тяжело мне было отрываться от основной работы, чтобы самому совершенствоваться, совершать более сложные восхождения, хотя был и на Памире, и на Тяньшане хорошие восхождения есть. Самые памятные мои восхождения – это Крест Ушбы 74 год, Крумкол, 6 категории 72 год, пик Таджикистан, 66 год, это золотые медали, дальше пик Комкадемии, 75 год, это с командой, со своими учениками я ходил, ну еще здесь на Кавказе Цурунгал-Фытнаргин это траверс 6 категории, Далар, тоже есть хорошее восхождение, то есть памятных восхождений много, а эти – наиболее значимые для моей биографии альпинистской деятельности.

Самое лучшее в моей жизни – это моя работа начальником учебной части. Как альпиниста, как инструктора меня вос-

питал все-таки лагерь «Уллу-тау», хотя я начинал в Талгаре, но вот здесь Коленов, Черносливин, Емельянов – вот они такую школу заложили руководства учебной частью, и поэтому я стараюсь традиции альпинистской базы Уллу-тау соблюдать. Это сейчас единственный лагерь, который придерживается всех правил, всех традиций, и я рад, что многие альпинисты сюда стремятся приехать.

Вопрос: *Раньше существовала советская школа альпинизма, школа подготовки – педантичная, строгая. Сейчас многое изменилось, произошла коммерциализация альпинизма. До-*

статочно заплатить деньги за путевку, приехать, и с тобой будет работать инструктор. Как изменилась молодежь, спортивный уровень приезжающих молодых людей, их дух – Ваша точка зрения.

Ю.П. Конечно, после 92 года, когда развалилась профсоюзная система путевок, мы перешли на капиталистические рельсы. Ясно, что многие традиции уже забыты, особенно – подготовки инструкторских кадров. Сейчас все это делается быстрее, наспех: лекции почитали дома, у себя в городах; 15 дней в горах – конечно, это не то, что раньше была школа инструкторов – 40 дней. Тогда все было капитально, обоснованно, теоретически грамотно и так далее. Но я считаю, что альпинизм, конечно, далеко шагнул вперед по сравнению с теми годами, профсоюзными, 50-60 годов. Сейчас все переходит на профессиональные рельсы. Дело в том, что изменилось снаряжение. Мы и не мечтали, что такое будет снаряжение. Поэтому и сама техника альпинизма возросла, особенно в моде сейчас одиночные восхождения. Действительно, у нас есть асы, которые показывают класс. Скалолазание сильно возросло. Сейчас оно даже отделилось от альпинизма, хотя это две родственные души. Но, думаю, что в конце концов мы придем к тому, что и школа инструкторов, и передача педагогического опыта инструкторских кадров войдет в свое русло. В конце концов, молодежь, которая сейчас приходит, она сама стремится к тому, чтобы повышать свое мастерство, не только практически бегать по скалам, но и теоретически знать, что такое альпинизм, опасности в горах и так далее, и так далее. Со временем все войдет в свое русло, но такого профсоюзного альпинизма, конечно, уже не будет, как было раньше, когда были дешевые путевки, дешевый проезд был. Все перешло на коммерческую основу, на то, чтобы люди сами зарабатывали и приезжали. То есть профессиональный вид спорта.

Вопрос: *Какие основные проблемы стоят перед российским альпинизмом и альпбазой «Уллутау»?*

Ю.П. Альпинизм последние 2-3 года (особенно – начиная с 2001 года) приобрел большую популярность у молодежи. Например, у нас в этом сезоне побывало уже порядка 600 человек, из них порядка 70 процентов – это молодые кадры. Это очень радует. В основном новички, значкисты, разрядники младших категорий. Я думаю, что тот отсев, который по природным свойствам будет происходить, приведет к тому, что самые лучшие кадры останутся; если, скажем, 10 приехало, на следующий год приехало трое, из этих трех – один. И этот один будет действительно настоящий альпинист. В конце концов, отбор естественный должен происходить в альпинизме, и он есть, и он будет. Нужна хорошая профессиональная подготовка, в том числе скалолазание, теоретическая подготовка, набор опыта, – и все войдет в свое русло. Я думаю, что альпинизм российский будет сильно возрастать. Он и сейчас на мировой арене котируется. В мире хорошо знают, кто такие россияне, – те, которые покоряют сложнейшие маршруты в Гималаях, других горных системах на нашей Земле. Ну, а «Уллутау» – как бы школа переходного этапа – новички, значкисты, разрядники... Мастерство, конечно, надо оттачивать уже на более сложных восхождениях, в других районах. Мое видение такое, что альпинизм будет расти как с технической точки зрения, так и в массовости. Все-таки, Россия в конце концов, через несколько лет будет побогаче, каждый будет

иметь возможность купить снаряжение, приехать сюда и совершить восхождение.

Вопрос: *Юрий Иванович, согласны ли Вы с тем, что альпинизм, как вид спорта, принес на Урал Абрам Константинович Кикоин?*

Ю.П. Когда я был молодым, Кикоин был уже в возрасте и как альпинист был уже высокого класса, поэтому мы считаем его своим учителем. Думаю, что и до Кикоина были альпинисты, просто довоенного альпинизма в Свердловске как такового не было, а были отдельные попытки выезда на Алтай... Просто надо копнуть историю более глубоко, а так, конечно, мы считаем, что все пошло от УПИ, от Кикоина, от ДСО «Труд», в частности, мы там тоже хорошую работу проводили. И те ребята, которые сейчас живы-здоровы, которым уже под 80 – наверное, надо наметить какой-то срок, встретиться, написать общую книгу. Мне пришло письмо из Свердловска на эту тему, я подробно ответил, изложил, как у нас в 50-х, как мы в политехникуме были, в горно-металлургическом техникуме, УПИ, о наших соревнованиях, Азов-горе и так далее...

Первые соревнования были в 53-м году в каменоломне Укуса, первенство города, а в 54 году мы уже первые сорев-

нования провели на Азов-горе, первенство ДСО «Труд». В 55-м соревнования уже «Буревестник» проводил, то есть УПИ. Только УПИ проводил, другие институты не культивировали альпинизм. Потом уже горный стал, медики... А первыми УПИ, конечно, были.

В 55 году тоже соревнования проводили. Я тогда вторым был, по-моему, после Муравьева. Первым Муравьев был, я вторым, а Морозов третьим. Тогда все удивились: «Какой-то Порохня появился, второе место занял...» А так мы все время проводили первенство области ДСО «Металлург». ДСО «Металлург» было, а потом уже «Труд». До 63 года я участвовал, а потом мы уехали уже сюда, в Нальчик.

Вопрос: Ходили ли Вы в горах с наиболее знаменитыми альпинистами Урала: С.Б. Ефимов, Е.М. Виноградский, В.Н. Першин и т.д.?

Ю.П. Как только мы с Александрой Васильевной уехали с Урала в декабре 63-го, мы с уральцами расстались. Так, конечно, встречались в горах. Например, хорошие впечатления были от встречи с Сереевым Ефимовым. Мы тогда были экспедицией Кабардино-Балкарии и с Ефимовым пересеклись, когда ходили на Памире на пик ОГПУ, а он, кроме этого, делал разведку на пик Ахмади Дониша. А так, спортивно не пересеклись.

Только вот здесь, в лагере, они у меня зимой были, приезжали, когда «Уллуатау» зимой работала, мы, так сказать, общались хорошо. Первенство проводили, зимнее первенство здесь, у нас. Я всегда с ними общался чисто по-дружески, но чтобы так вот по организации восхождений, еще чего-то – этого не было... И потом, «Джайлык» ведь был средмашевский лагерь, свердловских альпинистов всегда сюда много приезжало, та же команда Мальцева.

Вопрос: В предыдущем разговоре Вы упомянули о гибели Валерия Мальцева** на пике Корженевской. При каких обстоятельствах это произошло?

Ю.П. Он лидер был, много работал впереди, и, видимо, эта усталость сказалась, потому что когда до вершины им осталось один день пройти, он пошел вверх разбирать веревки. Они переpleлись как-то, крючья, карабины и так далее. Когда он на самый верх вышел и стал там перестежки делать, видимо, ослабил внимание и где-то отстегнул не тот карабин, то есть потерял страховку, и улетел. Сказалась высота, сказались перегрузка с точки зрения, что на него, как на капитана команды было многое возложено, он должен был морально всех поддерживать. Думаю, что сыграло роль также и то, что их веревки после предшествующей эксплуатации стали фактически одноцветными, их сложно было отличить друг от друга, т.е. легко перепутать. Что и могло привести к роковой ошибке.

Вопрос: Ревдинские альпинисты, как действующие, так и отошедшие «от дел», пытаются, насколько это возможно, восстановить историю альпинизма в городе Ревде, и в ней центральное место занимает фигура Николая Галиаскарова. Когда я увидел список его восхождений, меня поразило количество пройденных маршрутов.

Ю.П. С Колей Галиаскаровым мы закрывали третий разряд, в 55 году мы вместе закрыли 2 разряд, в 56 году вместе были в школе (инструкторов альпинизма – прим. авт.) при альпбазе «Талгар». Он был очень спокойный, уравновешенный и хороший скалолаз. Кстати, он был призером первенства областного совета ДСО «Труд» в 50-е годы. Но потом наши пути

разошлись, с точки зрения совместных восхождений. Пойти вместе на восхождения 5 кат. сл. нам не удавалось. Свердловские сборы, которые мы организовывали, – он не хотел в них выкатать. Работал инструктором, в основном в а/л «Талгар», где он был начспасом, много восхождений хороших совершил, выполнил норматив мастера спорта, много контактировал севой Левой Ястребковым, который также начспасом в «Талгаре» работал, из Березников он. Сейчас, к сожалению, обоих в живых уже нет, время берет свое.

Вопрос: Какой случай из альпинистской практики Вам более всего запомнился?

Ю.П. – Это был 59 год, у нас были сборы ДСО «Труд», и в команде нашей были: Земеров был, Кунавин, Манаков, Павлов, я, Александра Васильевна. Мы пошли на Южный Талгар 4Б категории сложности.

И когда мы на плечо вышли, по радию нам сообщили, что надвигается непогода, нам рекомендуется вернуться, а мы тут же радию выключили и вроде бы ничего не слышали. На следующий день пошли на плечо Талгара, и, действительно, когда на вершину стали выходить, началась непогода, пурга сильная. На этом плато ночевку, конечно, найти не могли, – плато Талгара широкое. Решили, Земеров говорит – давайте рыть пещеру. Ну, давайте. Рыли, рыли, палатку поставили, влезли туда 6 человек, все такие мощные, грузные, и потом постепенно, постепенно мы начали задыхаться, нас начало засыпать снегом. А я руководитель был. Я тогда разозлился и говорю: «Нет, это не дело, вылезим, палатку надо ставить на поверхности». В общем, вылезли, палатку вытащили из этого сугроба, поставили ее на поверхность. Ветер был сильный, срывало все, мы ее еле-еле укрепили кошками, ледорубами, еле-еле туда втиснулись, но самое интересное (я фамилии называть не буду), но вот некоторые ребята – а Александра Васильевна у нас одна была женщина – эти товарищи вперед залезли, туда подальше, вглубь... А Александра Васильевна оказалась последней. Ну, я старался ее укрыть, поддерживал входные эти дверки у палатки. Нас трепало всю ночь, и к утру все стихло. Утром встаем – солнце и мороз. А мы все были мокрые – морозом одежду сковало. Встаем – у нас брюки и рукавицы – все как ледышки. И вот мы все мужики, 5 человек. У нас руки все скрючило, пальцы не разогнуть. А надо же пуговицы штормовки застегнуть, обвязку завязать, кошки одеть и так далее. А у Александры Васильевны руки теплые, горячие. И она нас всех одевала, ширинки застегивала, пуговицы и прочее, прочее... Женщины оказалась самая стойкая в этом отношении, самой «горячая»... И мы так потихоньку собрались и начали спускаться туда по «четверке А». И вдруг видим, внизу, на плато Корженевской, толпа народу стоит. Думаю: «Что такое, неужели за нами спасотряд пришел? Вроде бы контрольный срок еще не заканчивается». Хотя он в этот день заканчивался. Спустились мы, 3Б категории маршрут. И к нам подходит Лыжин, начальник спасотряда, был такой альпинист из Златоуста, мастер спорта. Говорит: «Так, Юра, все расходы спасотряда – за ваш счет». Я говорю: «Ради бога, забирайте все, что хотите, деньги, прочее, лишь бы все было нормально». А потом заметил, что что-то тут не так. Народу много, палатка отдельно стоит. Балдина Галина Андреевна там копошится. Оказывается, группа туристов попала в такую непо-

году, как вот у нас она была, и одна девушка сильно заболела, у нее воспаление легких было. Двое из группы спустились в лагерь, вызвали спасотряд, – вот спасотряд и пришел спасать эту девушку, а не нас. Ну, мы тоже приняли активное участие в транспортировке, в конце концов обошлось тем, что, оказывается, это не за нами пришли. Вот такой уникальный случай у нас произошел на Талгаре. Это был 59 год. Запомнилось на всю жизнь, как мы скрюченными пальцами ни кошки не могли застегнуть, ни рукавицы одеть, и только Саня нас выручила... Молодец! (Смеется)

Вопрос: *Что бы Вы хотели пожелать новому поколению восходителей?*

Ю.П. Новое поколение, хорошее поколение... Мы тоже были молодыми, тоже были приткыми, рвались в бой... Но тогда у нас были жесткие правила, скажем 2 «тройки» сделал – все, хана, сезон закрыт, «четверку» сделал – достаточно. А сейчас – лезь на любую гору, лишь бы у тебя были силы, возможности, деньги и так далее. Ну, что можно пожелать молодым? Побольше учиться у взрослых, у наших педагогов, тактике, грамотности. Главное, чтобы не спешить, не рваться вперед, сразу на стену не лезть. Постепенность все равно нужна. Пусть это будет не так, как у нас, скажем, мастера спорта мы выполняли за 10 лет, а пусть это будет за 5 лет, но это будет набор технически развитого альпинизма. Сейчас и снаряжение не такое, как у нас было. Сейчас все резко шагнуло вперед во всех отношениях – и в тактике, и в снаряжении, поэтому молодым, конечно, легче в этом вопросе. В то же время предостеречь их от бравурности, от того, что они все сразу могут покорить. Нет, во всем нужна ПОСТЕПЕННОСТЬ.

Спасибо за интервью Юрий Иванович! Всего Вам доброго и всяческих Вам успехов на ниве руководства альплагерем «Улдутау»!

Ю.П. Рад служить уральским альпинистам!

Альплагерь «Улдутау», август 2003 г.

Примечания:

* – Кобяков Василий – в 1956 г закончил УПИ, работал на УЭХК (Верх-Нейвинск), защитил

кандидатскую диссертацию. Жил в городе Сухуми, где стал доктором наук. В 1991 г. переехал в Подмоскowie.

Поэт, автор туристских песен. Много путешествовал по стране, совершил массу альп. восхождений на Кавказе, Памире, Тянь-Шане. КМС по альпинизму, инструктор.

** – Мальцев Валерий (1941-1974). Родился в Кировской области. В 1964 г. после окончания физико-технического факультета УПИ был направлен в Свердловск-44 (Он же – Верхнейвинск, ныне – Новоуральск). Работал на Уральском электрохимическом комбинате, преподавал в местном филиале Московского инженерно-физического института.

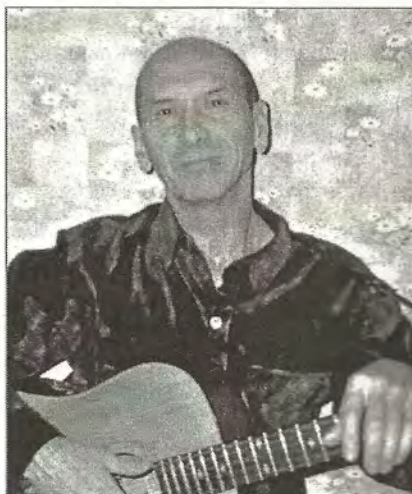
В конце 60-х – начале 70-х гг. – один из сильнейших альпинистов страны, капитан сборной команды ЦС ФИС. Совершил ряд сложных восхождений по маршрутам высшей категории трудности на Кавказе и Памире, в том числе по северной стене пика Чатын (1969, под руководством Ю. Порохни), траверс Коштантау – Дыхтау (1971), по северо-восточной стене пика Таджикистан (1973). В 1972 г. под его руководством было совершено первопрохождение по восточной стене пика Энгельса (Памир) сборной ЦС ФИС. Команда стала чемпионом СССР в классе высотно-технических восхождений. Старший инструктор по альпинизму, мастер спорта СССР. Трагически погиб при прохождении маршрута 6 к.с. по западной стене пика Е. Корженевской.

Примечания даны по книге «Здесь другая календарь» под ред. Бутырина А.Б. Новоуральск 2003 г.

Сергей МЕДОВЩИКОВ

*Медовщиков Сергей Николаевич поэт и композитор.
Родился 12 апреля 1949 г. в г. Свердловске.
Автор трех музыкальных альбомов: «Бархатное лето»,
«Прописные истины», «Благодарность» в коллекционной
серии «Барды России» 1997-2000 гг.
В январе 2000 года в г. Екатеринбурге основал
литературный клуб И. Бродского, которым и руководит.*

Выйдешь на улицу - снег молодой
Выше земли на четыре снежинки!
Выше снежинок ветер шальной
Дует в тебя бестолковые льдинки.

Искры косые - северный сад!
Там, где вчера осина простая.
Колет зрачок белый снаряд
Нитку воды из слезы выдувая;

Жадно на жаркие губы кладёт
И попере́к языка набивает...
Зенки разинешь, как идиот,
С тихим восторгом - так не бывает!

Памяти Бориса Рыжего

Без рук, без глаз, на высоте
Твоя душа летает тихо
До звонкой боли в пустоте,
До дрожи воздуха, до лиха.

Лиловый шрам на позвонке,
Перо, чернила и бумага...
Весна сидит на бугорке -
Рыжеволосая отвага.

Ей невдомёк, что день седьмой
Последним был по воле Бога.
Последний, судный, роковой...
Он отпустил тебя до срока.

Вокруг песчаник золотой
Или песок золотиносный
Венчает крестик молодой
И смерти выговор несносный.

*«... и чёрным ходом в будущее вышли».
И. Бродский*

Всё в будущем уже... ты выкриками выпал
Из прошлого гнезда нечаянной слезой,
И, может быть, Господь тебя ещё не выдал
Кому-нибудь упавшею звездой.

Как запросто вернуть себе бывшее место,
Когда на вираже соперник упадёт.
Пространство впереди - немислимая местность,
Которую лишь время выдаёт.

Всё в будущем уже..., а так хотелось разом,
Калитку отворив, шагнуть и одолеть
Удушливую ночь с лунообразным глазом,
Когда до звездопада никак не усидеть

На маленькой земле с большими небесами
В есенинской тоске, где прошлого не жаль,
Где женщины поют густыми голосами
Свою простоволосую печаль...

Ю. Казарину

На выдохе зреет тепло;
У вдоха для глотки - прохлада.
Из воздуха зреет стекло
На веточке зимнего сада.

Кристаллы упавшей воды
Лежат, поджидая нажима.
Их звон - предложение мзды
Тебе, проходящему мимо.

Пружинистый звук под ногой
Надёжен в руках, как синица;
И ангелы над головой,
И света разящего спица!

* * *

Уж кажется, век пережил:
Познание себя, озаренье,
Полёт, натяжение жил,
Признание в любви, удивленье...

Какое сегодня число?
Луной календарь протекает,
И старое, верное зло
Прощеньем к утру вызревает.

У берега корочка льда -
Весна убывает на лето.
И щурится светом вода,
Оставив меня без ответа.

Наивен был первый глоток
(последняя капля - для чаши).
Терпенье, успевшее в срок,
Меня посещает всё чаще.

Ещё один день пережил:
Ошибку в копилку прибавил,
Простым напряжением жил,
Письмо в ожидание отправил

И звук на язык положил...

* * *

А. Вертинскому

Бумажный шелест тихо положу
У ваших глаз строкой воспоминанья!
Что было счастьем - скупю покажу
И щедро - всё, что было наказаньем...

Когда скорёжит косточки мои
Огнём последнего приюта,
Быть может, украдут ещё стихи
У Времени судебную мину.

Пусть на восход укажут обе стрелки
Безжалостных полуночных часов!
И прах мой обойдётся без примерки
В размере зарифмованных оков!

Не вдохновляйся именем моим.
Оно лишь тела брэнного название.
Я буду больше прежнего любим
Строкой последнего признанья!

На бесконечном возрасте души
Поставит метку звук от вдохновенья,
И тайну на бумаге совершит
Перо Творца своим словотвореньем!

Не завершится странная игра
У временного с вечным постоянством -
Охапку слов подбрасывать пора
В костёр беспечного пространства...

ВЕСЕННЕЕ

*« Лежал ковёр цветов узорный
по той горе и по холмам».
М.Ю.Лермонтов*

Тихие горы, рвань облаков,
Чуткие к выстрелам спины.
Камерный город, трепет костров,
Говор чечена. Равнина.

Грохот камней, лягз сапогов.
Грозное, душное время.
Звонкая пуля-щедрость даров,-
Дикое русское племя.

Чрево ствола. Щедрый снаряд.
Звёздный погон генерала.
Память в расход! Жизни распад!
Кровь запекаться устала.

Тянет от пороха пьяненький дым,
Свежая глина окопа.
Вытянул «приз»- умереть молодым,
Звякнув медалькой почёта!

Дикий бросок в Родины честь!
Жжённая кость перевала.
Колониально-державная спесь
Прахом на город упала.

Каменный остов, скулы руин,
Крик раскалённого тела...
Новый на старой броне славянин,-
Крестик на нолик прицела.

Жгучая клятва, жгучая месть.
Древние знаки Корана.
Гордо-кавказская древняя смесь.
Неба разбитого прана!

Шьёт многодетная горем страна
Саван, попавшему в окись.
Крестиком, ноликом, комом... земля!
С веком, кавказская пропасть!

Владимир СМИРНОВ

Екатеринбург: год рождения 1704-й?

Вид Уктусского завода. Декабрь 1730 года. (Из фондов ГАСО).

Промышленные города Среднего Урала все до какого-то времени назывались Каменскими, Невьянскими, Алапаевскими или, скажем, Михайловскими Заводами – такова уральская традиция. Но почему ей не следует Екатеринбург? И как случилось, что из этого временного ряда выпали Уктусские Заводы?

Довольно странно ведется принятый на сегодня отсчет времени зарождения Города-на-Исети: только лишь от ноября 1723 года, когда были пущены первые цехи Екатеринбургских заводов, не оглядываясь при этом ни назад, ни вперед, ни вправо, ни влево.

Чтобы найти причины той странности, рассмотрим цепь событий, которые привели к пуску первых цехов. На карте истоков Исети, составленной в 1696 году Семеном Ремезовым из Тобольска, вдоль по речке Уктус показаны три деревни Баляшиная, Уптуз и Нижний Уптуз. Они, да и вся территория будущего Екатеринбурга, были тогда причислены к Арамилской слободе.

Начинался период строительства первых уральских заводов. Выдающуюся роль в организации их строительства сыграл начальник Сибирского приказа, сын голландского подданного на службе русских царей, думный дьяк Андрей Андреевич Виниус. История же заводов начинается с предписания Петра от 26 июня 1696 года из-под Азова верхотурскому воеводе – исследовать местонахождения «доброй железной руды». Руды были найдены и опробованы. И уже 15 июня 1697 г. Виниус послал воеводе грамоту с программой поисков мест заложения крупных заводов.

«Первые заводы были: Невьянский (1699 – 1701), Каменский (1701), Алапаевский (1704) и Уктусский (1702-1704): три первых превратились в современные города, четвертый, как мы видим, был предшественником Екатеринбурга. Первая строительная полоса окончилась в 1705 г. Она дала четыре упомянутых выше завода и два частных мелких, не оставивших следов. Затем наступает затишье» (Л.Е. Иофа. Города Урала. 1951). Один из тех мелких заводов был построен в 1704 г. Ларионом Мясниковым на берегу озера Шувакиш в 10 км. к северу от Уктуса.

Виниусу в июне 1702 года было поручено осмотреть Каменский и Невьянский заводы с их рудниками и найти места для постройки новых заводов. Ко времени прибытия его в село Уктус братьями Родионом, Сергеем и Федором Бабиными из Арамилской слободы как раз были открыты залежи медной руды по рр. Шиловке и Полевой. Самым же удачным оказалось наличие в непосредственной близости множества залежей руд железных, к тому же содержащих примеси хрома, никеля и кобальта, что надолго определило наивысшее качество уральской стали. 4 декабря 1702 года начали строить третий по счету Уктусский казенный завод. Строительство вел приказчик Иван Астраханцев из Тобольска.

19 ноября 1704 года (здесь и далее до 1918 г. даты даны по старому стилю) была пущена первая домна. До конца года выдано 1628 пудов кованого железа. После пуска в 1706 году второй домны без заметного повышения производительности начали выпускать сталь и производить бомбы.

Слово «заводы» произносилось тогда во множественном

числе. Ибо один «завод» – это в нынешнем представлении – цех многопрофильного комбината. Рабочую силу составляли жители населенных пунктов с большой округи, завозимые на основное производство и в «курени», где выжигался уголь для плавки металла. Это определило своеобразный уклад жизни, характерный только лишь для Урала. С началом массовых сельских работ заводы обезлюдевали, и производство на них останавливалось.

Маловодность речки Уктус обусловила сезонность работы заводов. В большей, пожалуй, степени затрудняло ее то обстоятельство, что они строились на территориях кочевий башкир. И те, возмущенные нашествием пришельцев, нападали на заводы, населенные пункты и рудники-копи. Производство приостанавливалось. Окрестные крестьяне разбегались кто куда. Для защиты на уровне своего времени «заводы» «оснащались» крепостными сооружениями.

При набеге башкир 5 апреля 1718 года «заводы» практически выгорели. Все нужно было начинать почти с нуля. Сюда был направлен комиссар Алапаевских заводов Тимофей Бурцов. Губернатор Сибири еще в 1714 году предписывал: «Ехать ему на Уктусские заводы и осмотреть, что можно прибавить молотов на том железном заводе и нет ли в близости мест, чтоб сделать другие заводы на той или другой какой речке... и уведав о всем, немедленно писать в Тобольск к губернатору, часа не медля».

Тимофей Бурцов еще восстанавливал сгоревшие «заводы», но перенос их на более мощный водоток был уже predetermined. Выбор Виниуса оказался неудачным. Но это был первый опыт строительства. И спешность его связана с крайней военной нуждой. Шла война со Швецией.

Настоящий подъем строительства начинается с 1722

года. На его волне было построено около 40 предприятий. Этому предшествовала реформа системы правления, принятая Петром I. В 1718 году были созданы коллегии, и заводы из ведения Сибирского приказа перешли в ведение Берг-коллегии.

Первоначальный опыт строительства учли главные действующие лица этой волны Татищев и Геннин, что проходит мимо внимания исследователей наших дней.

С прибытием В.Н. Татищева на Уктусские Заводы 29 декабря 1720 года начинается кратковременный взлет их значимости.

Темпераментный, деятельный от природы, цепко схватывающий детали, Татищев вместе с тем мыслил широкими категориями, жил планами на будущее. Моментально оценив перспективность примыкающих территорий, он с жаром принялся за их обустройство. Сразу же перевел сюда из Кунгура канцелярию горных дел, которая стала Сибирским (позднее главным) горным начальством. Первым шагом Татищева по прибытии было распоряжение Бурцову найти место для новых заводов. Он предпринял попытки перенести сюда из Ирбита ярмарку. Создал летом 1721 года школы в Кунгуре и Уктусских Заводах с обучением арифметике, геометрии и горному делу. Так начиналось на Урале профессионально-техническое образование.

Уктус стал административным центром, плацдармом, откуда велось строительство Исетских заводов. Татищев сразу же начал подготовку к строительству: приказал заготавливать и складировать лес, кирпич. Несмотря на решительность в характере, руки его были связаны обязательным присутствием (если не опекой) Иоганна Блиера и медлительностью решения вопросов Берг-коллегией. Один из помощников – Михаэ-

Портрет Петра I, написанный Кнеллером в 1698 году.

Екатерина I.

лис, пользуясь его отъездом, начал строить вовсе ненужные Верх-Уктусские (Елизаветинские) заводы. Вдобавок Акинфий Демидов, сын Никиты, получившего в 1702 году в аренду казенные Невьянские заводы, чувствовал себя оскорбленным подчиненностью вновь назначенному командиру Сибирских Заводов и написал на него донос.

Вполне оценив степень угрозы новому производству со стороны башкир, Татищев не только предусмотрел ограждение новых заводов, как, скажем, Уктусских, но и заложил на ближайших транспортных подступах к Уктусу укрепленный пункт – Горный Щит. Не выдержав томительного ожидания, он устремляется навстречу назначенному вместо него генералу Геннину.

Тот оценил ситуацию не менее цепким взглядом и постарался извлечь из нее максимальную выгоду для себя. В жизнеописании Виллиама Геннина, опубликованном по документам Василием Берхом в «Горном журнале» за 1828 г., она изложена так, что Татищева вроде бы и не было при строительстве. Во всем исключительно его, Геннина, заслуги. Прибыв в Уктусский завод, он заметил маловодность речки, и что леса от завода начали отдаляться. Капитана же Татищева послал для строения Пыскорского завода. И после возвращения отпустил в Петербург...

Геннин 12 июня 1723 года пишет Екатерине I: «Я начал при р. Исети, где место сыскал лучше, воды довольно и лесов, и руды на многие лета (строить заводы), и около оных заводов зачал крепость и осмелился именовать до указа Катеринбурх, а заводы Катеринбурхские в память высокославного имени Вашего Величества велел именовать... Однако ж о том ожидаю указа». Он метил в самое незащищенное место Петра, перед которым неразрешимой стояла проблема престолонаследия во вновь созданной империи. После смерти сыновей он в 1722 году издал «Устав о наследии престола», согласно которому все зависело от «правительствующего» государя: кому он захочет, тому и определит наследство. Но кому? Надежда на юных еще дочерей невелика. Внуку же, сыну изменника, доверия никакого. Оставалась только Екатерина – но она не показала себя правительницей за 20 лет совместной жизни.

«Слабая и роскошная» по словам историка-современника, к тому же неграмотная женщина, она имела над царем своеобразную власть, успокаивая в минуты нервного возбуждения, сопровождаемого нестерпимыми головными болями.

18 ноября 1723 года опубликован манифест Петра о коронации Екатерины, поскольку всеми императорами было принято короновать своих супруг, поскольку она была неотлучной и мужественной помощницей ему в 25-летней войне. Как кстати оказался Геннин с предложением назвать ее именем построенный в пустынном месте город! Подробностей о том, что он только продолжил начатое, при дворе могли и не знать. Но высочайший указ о наименовании города, похоже, не состоялся. В чисто деловом по тону указе Петра от 20 октября сообщается: «Письмо Ваше октября от 7 числа до нас дошло, в котором пишете о совершении медного завода, названного Катеринбург, также о строениях медных же заводов одного в Кунгуре близ Камы реки по реке Ягушихе...» То есть сообщение принято к сведению – не больше. Геннину пришлось довольствоваться указом Тобольской земской конторы от 3 декабря 1723 года.

*Андрей Винцус.
Редчайший и самый ценный портрет работы Вишера.*

7 мая 1724 года прошла коронация императрицы. Учрежден орден Святой Екатерины. Так вот откуда пошло желание Святую Екатерину считать покровительницей города Катеринбурга!

В 1724 году Петр раскрыл любовную связь царицы. Как всегда, он был скор на следствие и расправу: «16 января 1725 года царица долго стояла на коленях перед царем, испрашивая прощения всех своих проступков: разговор длился более трех часов, после чего поужинали вместе и разошлись». (Б. Валишевский. Петр Великий. 1911).

Не прошло и месяца, как Петра не стало.

На престол, в отсутствие завещания, она вступила благодаря поддержке соратника Петра – Меншикова и гвардейцев.

По сложившейся уже уральской традиции называть при заводские поселения по именам водотоков «Катеринбург в официальных бумагах назывался большей частью по-прежнему Исетскими Заводами, но с октября 1723 года уж постоянно стало употребляться его имя» (Н.К. Чупин. Город крепость. 1938).

Татищев в 1734 году сменил Виллиама Геннина. Прибыв в Екатеринбург, он собрал заводчиков обсудить разработанный им Заводской Устав. Прочитал собравшимся лекцию о развитии горного промысла, в которой подтвердил свой приоритет в заложении Екатеринска (не мог же он что-то возразить по существу наименования!) и так называл его в документах до 1735 года, когда был откомандирован в Оренбург, где стал начальником нового края. О Геннине не было произнесено ни слова. Двое великих деятелей рассорились навеки.

К настоящему времени в ходе эволюции Город-на-Исети полностью охватил территорию, очерченную с юга на север, вверх по течению реки Исеть, заводами XVIII в.: Нижне-Исетским, Уктусскими, Елизаветинскими, Исетскими, Верх-Исетским, Шувакишским. Из первых заводов Уктусские, Елизаветинские, Исетские и Верх-Исетский начинались с плавки металлов и металлообработки. Таким образом, развитие Города-на-Исети, как административного центра и как центра машиностроения начиналось с Уктусских Заводов.

С использованием других видов энергии и заменой в начале XX в. древесного угля в металлургии каменным промышленность устремилась в города, вызывая невиданный прежде их рост. В ходе начатой Уктусскими заводами эволюции территории были построены поистине гиганты: Уралмаш (1933), Уралэлектротрактор (1934), ЗИК (1941), Уралтрансмаш (1941), Уралхиммаш (1941) и др. С постройкой в 30-х годах XX века комплекса зданий УПИ, город перешагнул через сдерживающую его развитие линию железной дороги и слился с современником Арамили – Шарташской слободой. Заводы шинный и РТИ, построенные в военный 1941 г., начали собой серию заводов химической отрасли на левобережье Патрушихи. Ре-

ализованную идею Виниуса об одном большом заводе и представляет сегодня город Екатеринбург.

Признавая Уктусские заводы, которые, как первоначальное ядро его, определили производственный профиль города и сформировали для него на самой начальной стадии городскую среду со всеми ее элементами, следует дату их пуска признать датой рождения нашего города. А приближающуюся годовщину их 300-летия – за юбилей его.

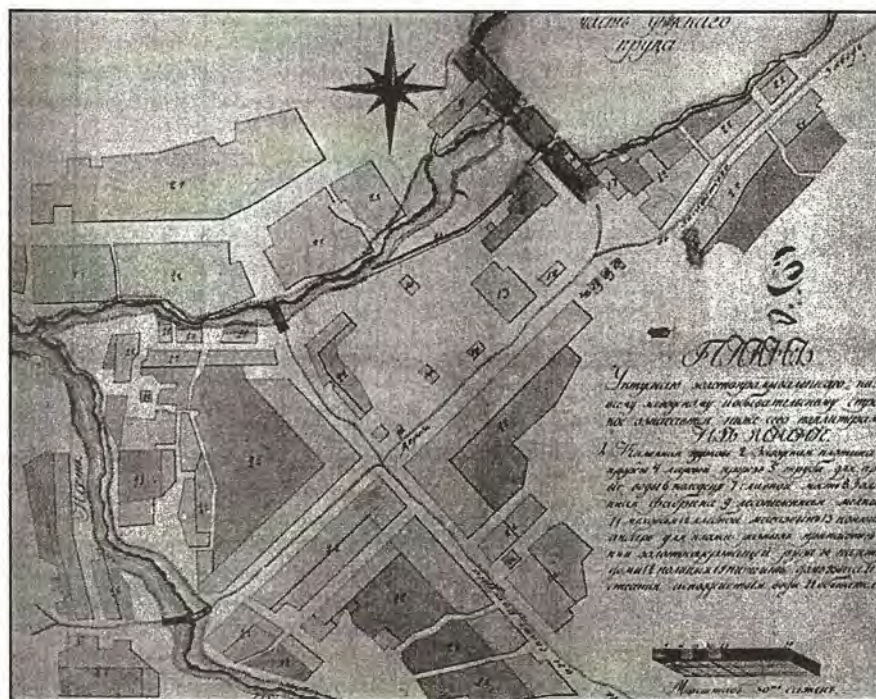
В свете всего вышесказанного Екатеринбург – не первоначальное, т.е. историческое название. Ему предшествовало переименование Исетских заводов в Екатеринбургские (даже Геннин сразу не смог отойти от прежнего названия).

Если переименование и было необходимо, то только Геннину в его попытках скорее вернуться ко двору. По нынешней терминологии это называется «черным пиаром»

«Уктусские заводы» – зародыш города на Исети. Этот вывод давно назревает среди историков и краеведов. Е.А. Курлаев, к примеру, предлагал к 275-летию города поставить на Уктусе памятный знак, но не был услышан.

Трижды сменив свое положение в пространстве, Оренбург сохранил свое первое имя. А разве первоуродное имя Уктус не может претендовать на название Города-на-Исети? День закладки Ягошихинского завода в мае 1723 года в наше время официально признан датой рождения города Перми, созданного по указу Екатерины II в 1781 году.

Так или иначе вполне исторически справедливо считать 6 ноября 1704 года (по новому стилю) днем рождения Города-на-Исети, тем самым достойно оценив роль А.А. Виниуса, как основателя начального ядра города – Уктусских заводов, и Ивана Астраханцева, как его первостроителя.

План Уктусского золотоправяльного завода. (Из фондов ГАСО).

ОПАСНОСТИ ЗИМНЕГО МАРШРУТА

Опасности зимнего маршрута, как правило, ощутимы или наблюдаемы, в силу чего их воздействие не бывает неожиданным. Здесь неприменимо понятие «внезапно»: каждому из этих явлений предшествуют определенные признаки, знание которых дает возможность заранее подготовиться к ним.

ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Погода не только может усугубить влияние других опасностей, но и сама по себе представляет угрозу для здоровья и жизни человека.

Мороз. «К холоду нельзя привыкнуть». С этими словами Р. Амундсена согласны все, кто волей судьбы или по своему желанию оказывался в условиях низких температур. Многовековая борьба за самосохранение выработала у человека естественные защитные рефлексы. Она научила его искусственным приемам согревания и изготовлению специальной одежды и обуви. Отсутствие пригодной обуви для длительных лыжных походов, например, приводит к отморожению ног. Число таких травм составляет 90% общего количества отморожений (Ю. Штюмер).

Снегопад. Даже обильное выпадение сухого снега в безветренную погоду не опасно для группы,двигающейся по равнине или среднепересеченной местности. Он может только снизить темп движения. Положение резко меняется, если выпадает сырой снег при сильном ветре, и группа оказалась на сложном рельефе. В этих условиях снегопад представляет реальную опасность, а борьба за сохранение палатки, своевременное принятие мер против обмерзания одежды и отморожений, умение быстро соорудить укрытие в снегу становятся борьбой за жизнь.

Ветер опасен своим охлаждающим влиянием и механическим воздействием. Сильный, порывистый ветер опасен при движении по скальным и заснеженным гребням, по крутым склонам: он может вызвать потерю равновесия и привести к падению. В результате длительного нахождения на ветру может наступить необратимое переохлаждение организма.

Степень холодного влияния ветра зависит от его силы и выражается тепловым эквивалентом. Так, если при штиле температура воздуха равна -10° , то при скорости ветра 10 м/сек холодовой индекс его будет соответствовать температуре $-30,5^{\circ}$, а при скорости ветра 17 - 18 м/сек - температуре -36° (свыше 18 м/сек дополнительный холодовой эффект незначительный). Опасность охлаждающего влияния ветра в зависимости от температуры и его силы условно подразделяется на

зоны: в пределах от -10 до -25° - «зона нарастающей опасности», а от -30 до -50° - «опасная зона».

Пурга и метель, сочетая сильный ветер, мороз и снегопад, многократно увеличивают отрицательное влияние на человеческий организм каждого отдельного фактора и не без основания считаются самыми серьезными опасностями лыжных маршрутов: воздействие холода усугубляется проникновением снега под одежду и ее отсыреванием, что обычно приводит к отморожениям и ускоряет переохлаждение.

Пурга и метель оказывают также морально-психологическое воздействие на человека. У слабых натур нередко наблюдается снижение морального тонуса, наступает состояние безысходности, понижается способность бороться за жизнь. Притупляется мышление, становится трудно сосредоточиться для выполнения даже простейших логических операций.

Ограниченная видимость (туман, сумерки, темнота, полярная ночь) опасны не сами по себе, а тем, что затрудняют ориентирование и правильную оценку реальной обстановки: определение действительной крутизны склона, лавинной опасности, наличия обрывов и трещин. Опыт подсказывает, что при плохой видимости самое благоразумное - прекратить движение.

В темноте крутизна склонов и скорости спуска на лыжах оцениваются, как правило, меньшими, чем на самом деле. Следствием этого очень часто бывают травмы и поломка лыж. Туман до неузнаваемости искажает отдельные предметы, пейзажи: низкий берег кажется горным хребтом, снежные заступы - вершинами, а отдельные маленькие камни - чуть ли не скалами.

Солнце особенно опасно ожогами глаз. Снежной слепотой можно заболеть не только в ясный солнечный день. Не менее опасны облачные дни. Отмечаются случаи заболевания глаз у людей даже находящихся в палатке. Для предохранения глаз каждый участник должен иметь солнцезащитные очки, преимущественно с оранжевыми стеклами, которые в пасмурную и туманную погоду лучше всего прорисовывают даже мелкие неровности снежного покрова.

Много хлопот в тундровых и ледовых районах доставляет «белая мгла» - рассеянный свет в облачные дни, когда все одинаково бело и без четких граней. Белая мгла чрезвычайно опасна в горах: из-за отсутствия теней скрадываются перегибы и сглаживается рельеф, отчего можно не заметить опасной крутизны заснеженных склонов.

Снежная слепота вызывает мучительную резь в глазах, человек не может не только уснуть, но даже забыться. Из воспаленных глаз текут слезы. Для излечения заболевания иногда бывает достаточно побыть один-два дня с завязанными глазами. Рекомендуется также применять примочки из спитого чая.

Резкое похолодание, например, после оттепели, опасно, если группа вынуждена продолжать движение в сырой одежде и обуви, которые на морозе быстро превращаются в ледовый панцирь, совершенно не сохраняющий тепло. В худшем положении оказываются туристы, которых похолодание застает во время преодоления сложного склона, ограничивающего возможности движения и обрекающего на малоподвижный характер действий. Только быстрая разбивка бивака и согревание у костра или в спальном мешке (предварительно переодевшись во все сухое) может предохранить от неприятностей с тяжелыми последствиями.

Изменение погоды зимой, как мы отметили, сопровождается определенными признаками. Привести их исчерпывающий перечень, в равной мере относящийся к различным районам нашей страны, задача, вероятно, нереальная, поскольку каждый регион, кроме общих, имеет свои особые приметы, которые также нужно знать.

Признаки малооблачной, без осадков, морозной погоды: очищение неба от облаков и похолодание к вечеру; красная заря при заходе солнца на безоблачном небе, голубовато-серебристое свечение неба после захода солнца; к ночи в лощинах становится холоднее и появляется туман; дым от костра в безветрие поднимается «столбом»; слабое мерцание звезд го-

лубоватым светом, рога месяца остры; уменьшение после полудня кучевых облаков и полное их исчезновение после заката солнца; улучшение скольжения лыж к вечеру; повышение барометрического давления.

Признаки ухудшения погоды: потепление к вечеру и ухудшение скольжения лыж; появление тонких перистых облаков, постепенно заволакивающих все небо – часов через двадцать возможен снегопад; солнце садится в тучи; вечерняя и утренняя заря багрово-красной окраски; сильное мерцание звезд; появление и интенсивное увеличение количества кучевых облаков, быстро движущихся по небу; появление вокруг солнца или луны белых кругов; ветер резко меняет направление и усиливается к вечеру; отсыревание одежды и снаряжения; затрудненность дыхания; на вершинах гор и гребнях появляются «снежные флаги»; падение барометрического давления; улучшение видимости. Настораживающий признак ухудшения погоды на Кольском полуострове – появление на чистом горизонте свинцово-черного пятна, которое быстро разрастается и за два-три часа заволакивает все небо клубящейся черной тучей. Еще при чистом небе «над головой» возможны сильные порывы ветра со штилевыми паузами: приближается «снежный заряд». Он продолжается обычно не меньше суток. Ветер нередко достигает ураганной силы. Упавшему на наст бывает невозможно удержаться. На Полярном Урале неоднократно наблюдалось ухудшение погоды через одни-два суток после полярного сияния.

Чтобы правильно построить графики дневных переходов, путешествуя за Полярным кругом, необходимо знать продолжительность светлого времени в каждый день похода.

Алексей КУРОЧКИН

Случай в Заполярье (из первых уст)

Информация СМИ

Спасатели Коми освободили из снежного плена группу туристов Екатеринбурга. Как сообщили сегодня ИТАР-ТАСС в комитете по делам ГО и ЧС республики, воркутинские спасатели обнаружили группу из пяти человек в 95 км от города. У двоих туристов было обморожение ног второй степени. Сейчас они доставлены в больницу. Более печальных последствий екатеринбургским туристам повезло избежать благодаря регистрации в горноспасательных пунктах и наличию у них спутниковой связи.

Алексей Курочкин известен нашему журналу не только как путешественник, но и как автор статей «Национальный парк Зюраткуль» (№ 8, 2003), «А все таки Белуху мы взяли!» (№ 11, 2003). Именно он оказался в гуще событий, поэтому мы обратились к нему за информацией по поводу случившегося.

В середине ноября группа опытных туристов команды «Север» во главе с Мастером спорта международного класса по спортивному туризму Д. В. Тнуновым начала подготовку к экстремальному лыжному походу 6-й категории сложности по Полярному Уралу в условиях полярной ночи.

В этот поход решил пойти и автор этих строк. Поскольку по части лыжного туризма, у меня были справки о двух походах 5-й категории сложности по Алтаю и Забайкалью, то в поход 6 категории меня взяли без проблем.

В ночь со 2 на 3 января мы сели в поезд и уже 6 января были в Воркуте. А утром, 7 января, вышли на маршрут. Было темно. Луна не заходила. Термометр показывал -34°C . Ветра нет. Природа словно замерла. Ничто не нарушало тишины. Только звезды и луна. Спустился два перехода по 40 минут, на юге, за горным хребтом Енганепэ, показалось бледное зарево, но солнца так и не было. К обеду температура опустилась до -38°C . Несмотря на мороз приходилось собирать железные дуги палатки и нанизывать их на палаточные петли. Когда дуга не проходила в очередную петлю приходилось снимать варежки и голыми руками направлять железную дугу. Пальцы на морозе, при соприкосновении с металлом, мгновенно дубели. Пока обедали, наступила абсолютная темнота. Снова собрали рюкзаки, сняли палатку и пошши.

На север простиралась бескрайняя ровная тундра, а на юге проступали силуэты плавных очертаний невысоких гор, ос-

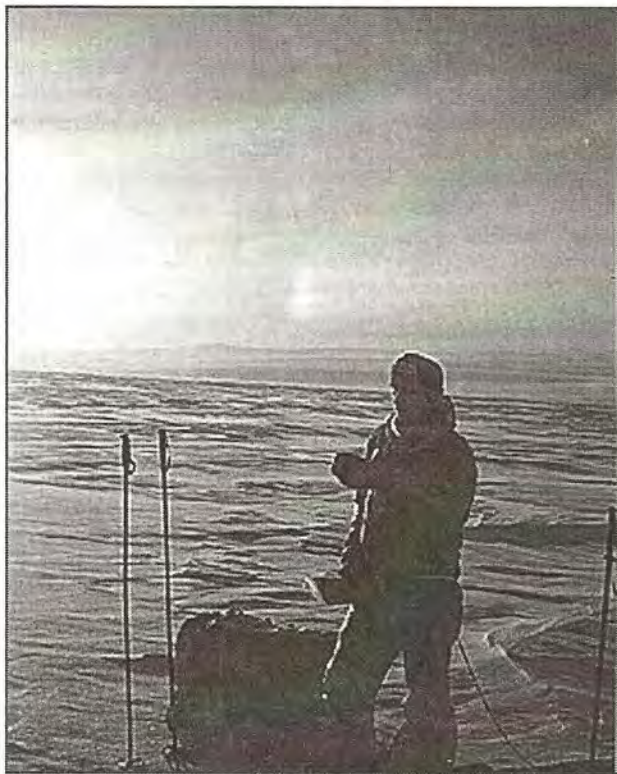
вещенные полной луной. Изредка под лыжами попадались чахлые кустики.

На ночь встали у оврага небольшого ручья. При установке палатки и лагерных работах было холодно, особенно доставалось рукам, которые то и дело приходилось вытаскивать из варежек. Посмотрели на градусник... что такое, неужели $-40\text{ }^{\circ}\text{C}$? Придвинули фонарь – взгляделись внимательно – а там все $-41\text{ }^{\circ}\text{C}$. В палатке было не намного теплее. Около $-30\text{ }^{\circ}\text{C}$... Руководитель группы через каждый час будил меня: «Уж больно спокойно спишь... как бы ты тихо не замерз». Под утро дежурный сварил еду – поели. На градуснике по-прежнему столбик термометра держится на отметке $-41\text{ }^{\circ}\text{C}$. Идем дальше. Луна не заходит ни в «дневное» время, ни в ночное, и поэтому, идти под ней относительно светло. «Ничего» – сказал руководитель: «Такая холодная погода продержаться долго не может». После каждых двух переходов мы снимали ветрозащитный костюм и стряхивали с себя иней.

На второй день пути Вадим Политов показал свои пальцы – оказывается, 4 пальца обморожены до 2-ой степени. А на большом пальце кусок кожи попросту отвалился, а под ним – краснота. После раздумий решили связаться по спутниковому телефону со спасателями г. Воркуты. Те сказали, что бы мы оставались на месте – к нам вышлют снегоход и эвакуируют больного. Руководитель решил, что эвакуировав завтра обмороженного мы уже по сокращенному маршруту продолжим наш путь вчетвером. Но утром снегоход не приехал.

Тут, при свете фонарика, я тоже решил обратить внимание на свои пальцы. Что-то мне исключительно трудно было делать мелкую работу. Посмотрели, сравнили с другими пальцами. Оказалось, что мои пальцы выглядят не намного лучше пальцев Вадима Политова.

Таким образом, поход оказался на грани срыва. Надеяться на выздоровление пальцев в данных условиях – полный абсурд. Состояние конечностей при таком морозе может только ухудшаться. Демаркационная линия, разграничивающая жи-

вой и мертвый участок кожи, может только понижаться вплоть до кисти и даже дальше. Руководитель сказал: «Как же я в дальнейшем буду с тобой здороваться, если у тебя не будет пальцев? Поэтому я звоню в МЧС – подтверждаю прежний вызов и сообщаю о двух обмороженных». В МЧС нам сообщили, что снегоход не смог пробиться, так как видимости не стало, а ветер усилился до $18-20\text{ м/с}$.

Оставшиеся три здоровых человека по правилам не могут продолжать маршрут в таких условиях.

С усилением ветра температура повысилась до $-25\text{ }^{\circ}\text{C}$, а в результате до $-21\text{ }^{\circ}\text{C}$. За время, проведенное в походе, вещи уже порядком отсырели. Мы поставили печку, поискали и нарыли в снегу чахлые кустики и ими растопили. В палатке комфортно не стало, но все же теплее, чем обычно.

К вечеру также снегохода не приехало. Завтра решаем, бросив лишние продукты и бензин, сняться с места и начать самостоятельное движение вниз по реке Усе – навстречу ожидаемым спасателям. С вечера выставили на середине реки проблесковый маячок, чтоб в

случае проезда на снегоходе спасателей они его увидели и остановились.

За ночь ничего не произошло, только ветер выл и трепал палатку, несмотря на наружную стенку из снежных блоков. Утром вышли вниз по реке. Прошли 5 переходов, против ветра и встали на ночь.

Снова выставили проблесковый маячок и снова никто не приехал. Здесь связь с внешним миром прервалась – спутниковый телефон не брал, вероятно, кончился трафик («аванс исчерпан», как говорят, когда на телефоне кончается оплата). Удалось до этого проинформировать всех, кто обязан владеть информацией о нас. Со спасателями договорились, что мы движемся по реке Усе, строго повторяя все ее изгибы.

Во сне мне снились обрубки ног, рук, в темноте летали человеческие пальцы без хозяина и они искали меня. Я отчаянно сопротивлялся, бил по этим черным пальцам, но те так и лезли к моим рукам. Наконец, черные пальцы во сне сдавили мою кисть до такой степени, что я проснулся. Это был дежурный, варивший завтрак, который, перелезая через меня, наступил в темноте своим коленом на мою кисть. Тут же, несмотря на мороз в палатке, я в холодном поту выдергиваю из спальника руки, смотрю. Оказалось, это только сон.

Чтобы сон не оказался пророческим нам необходимо дотянуть, как можно быстрее, до необозначенной на карте плотины на реке Усе, а оттуда, по дороге, выйти в поселок Совет-

ский. Но до плотины для нас – 2 дня пути. Для сохранения пальцев дорог был каждый день. Временами я шел не опираясь на палки, так как согревал на ходу руки. Палки попросту волочились сзади.

С утра следующего дня продолжили движение. Шли весь день без обеда, перекусывая на привалах шоколадкой. На восьмом переходе неожиданно снегоход «Ямаха» с прицепом пересек нам путь.

– Ну что, горе-туристы, грузитесь в прицеп.

Руководитель спрашивает: «Двоим грузиться?»

– Всем, – вежливо отвечает водитель снегохода.

Но одному снегоходу пятерых человек с рюкзаками и лыжами увезти всех очень трудно. Поэтому, водитель сигнальной хлопушкой щелкнул вверх. Оказалось, безрезультатно. Второй снегоход до сих пор, где-то в темноте, нас ищет. Поэтому водитель «Ямахи» сначала поехал и нашел своего товарища, а потом уже на двух снегоходах мы прибыли в поселок Советский, откуда на машине добрались до базы МЧС в Воркуте, сломав при перевороте прицепа одну пару лыж.

Остается удивляться мужеству и самоотверженности воркутинских спасателей, когда фактически в одиночку, на снегоходе, без связи, палатки, примуса и возможности развести костер в темноте, в условиях тундры, при постоянном риске увязнуть в снегу, или случайной поломки машины, они смело идут на спасение людей, подвергая свою жизнь опасности.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА«Следопыт»
в Снежинске

17 и 18 января в Доме культуры Снежинска Челябинской области состоялись встречи творческой интеллигенции города с представителями редакции журнала «Уральский следопыт». Перед собравшимися выступили: редактор журнала Петр Родимов, член Редакционного совета Нина Ягодинцева, издатель Владимир Феркель, заместитель председателя Челябинского фонда культуры Сергей Королёв, поэт и фотохудожник Вадим Осипов. Читатели журнала много узнали о работе редакции, о том, что «Уральский следопыт» в срок выходит в свет и продолжает рассказывать об истории уральского края, публикует наиболее значительные творческие находки писателей-фантастов, поэтов и прозаиков, повествует об экспедициях и путешествиях. Состоялся интересный поэтический диалог, во время которого прозвучали стихи С. Абраменко, В. Осипова, Н. Ягодинцевой, Е. Синяры, П. Родимова и других авторов. Подобные встречи журнал проводил в Новоуральске и Лесном, Екатеринбурге и Челябинске. Они позволяют не только выслушать мнения читателей, пополнить краеведческим материалом, художественными произведениями редакционный портфель «Уральского следопыта», но и обрести новых друзей.

Петр Родимов,
редактор отдела «Аэлита».

Сергей ЧЕКМАЕВ

Сергей Чекмаев живет и работает в Москве, печатался в журналах: «Химия и жизнь 21 век», «Техника молодежи», «Магия ПК», «Наука и жизнь», «Реальность фантастики», «Ф-Хобби», «Мир фантастики», «Смена» и др.

ДОТЛА

«...А ты был не прав – ты все спалил за час.
И через час большой огонь угас.
Но в этот час стало всем теплей!»
Машина Времени «Костер»

«Я хотел помочь людям! Неужели Вы не понимаете?!»
Прометей

– Девушка, ну сколько можно...! – устало воскликнула пожилая дама с огромной, туго набитой сумкой, стоящая передо мной.

Молоденькая медсестра, острой мордашкой чем-то неуловимо похожая на колли, не обращая внимания, звонко процокала каблучками вдоль по коридору. Очередь проводила ее осуждающим взглядом.

Был бы я нормальным больным, самое время начинать возмущаться: действительно, сколько можно! Получить медкарту в регистратуре – целый подвиг. Пока регистратор – неторопливая старушка-божий одуванчик – отыщет хотя бы одну, уже полдня пройдет. А приставленная к ней помощница то и дело бегает курить и крутить задом в рентгеновский кабинет. А очередь, конечно, знает все. Удивительно, с какой скоростью распространяется бесполезная информация! Кто, когда и зачем сказал вот этой спортивного вида молодой мамаше с низким грудным голосом, что в рентгене устанавливают новый аппарат для флюорографии, что понаехало аж пятеро молодых мастеров-наладчиков, а коллектив в поликлинике сплошь женский, даже хирург и гинеколог, так что сами понимаете...

Только я не простой пациент.

Впрочем, пусть хоть весь персонал соберется вокруг флюорографистов, пусть пьют там чай с тортом и домашней выпечкой – предметом негласного соревнования тех медичек, которые могут похвастать и черными чулочками, и высокими каблучками, и максимально короткими полами форменного белого халата, только не перед кем. А тут выпал шансик.

– Как Вы сказали Ваша фамилия... – дребезжит старческий голос из-за перегородки. Солидный дядя с багровой шеей вымученно вытирает платком потные волосенки (честнее сказать – лысину), сипит:

– Короткопалов.

Старушка снова подслеповато щурится на монитор, неумело тыкает сухоньким пальчиком в клавиши.

Мне-то все равно, даже скорее на руку, а людей жалко. Жара страшная, врагу не пожелаешь париться в очередях. Конечно, так проще работать, всего три-четыре ключевых объекта: окошечко регистратуры, набитые взвинченными от духоты и бесполезного ожидания людьми гулкие холлы перед кабинетами участковых врачей, ряды одинаковых стульев у кардиологии, заполненных такими же одинаковыми, похожими как родные сестры, старушками. И разговоры у них одинаковые:

– А я вот вчера проснулась, пошла в булочную и на обратном пути у меня в поясище ка-ак вступило-о...

– Что Вы говорите!

– Да-а. Вот к Татьяне Аркадьевне за рецептом пришла. Но сосед мой все новую какую-то мазь рекомендовал, говорит...

Просто сегодня моя смена. До семи. Потом проверюсь на резерв – и спать, провалиться в сон и ни о чем не думать. Ведь завтра мой выходной, а все те же холлы, кабинеты и стулья будет обхаживать Рик. А послезавтра – снова я... Потом опять Рик... Я... Рик... Работа такая, и ни он, ни я не можем отказаться, плюнуть, разорвать

контракт. И дело не в пресловутой совести. Любой из наших Вам скажет: куда же я уйду? А люди? Нет, наше место здесь. Пока не иссякнет резерв, и не снимут с Проекта. Тогда уж все: солнце, море, теплый прибрежный песок и пожизненная пенсия от государства. Санаторий, или как его чаще называют у нас – Отстойник для хилеров.

Странное слово – хилер, да? Когда-то, в среде нашей вечной мятущейся интеллигенции, модно было блеснуть эрудицией: есть, мол, такие филиппинские врачи, так они делают операции без скальпеля и разрезов, а аппендицит так вообще – мизинцем выковыривают. Сейчас смешно слушать, конечно, а тогда многие верили. Некоторые всерьез, даже других пытались обратить в свою веру с пеной у рта.

Другие отвечали уклончиво: ну, да, да, слышали, конечно, филиппинские хилеры то, филиппинские хилеры се, но нам все-таки кажется, что они шарлатаны.

Но в глубине души верили и они.

А слово запомнилось.

Поэтому, когда пустили Проект, название привязалось само – хилеры. Как-то приросло. Поначалу много вариантов было,

помню, знахарями называли, волхвами, лекарями и даже ведунями. Потом перестали.

Насчет конкретной физиологии всего этого дела Вы лучше с учеными поговорите. Они такими терминами завалят, что в глазах темно станет! Паранормальная гипербиоз-энергитическая активность, сверхчувственное проецирование генной нормализики, замещение иммунологической составляющей реципиента...

Да и суть-то, если честно, не в названиях.

Факт остается: мы лечим. Ничего не делаем – не заряжаем воду, не водим руками и не вещаем угрожающим голосом с телеэкрана. Просто – стоим рядом и лечим. Всех. Радиус действия разнится, у меня вот, например, семь метров, у Рика – пять. В Питере, говорят, есть девчонка, из новеньких, так она, вроде аж, на пятнадцать работает.

– Девушка!!! – возмущенно пытается осадить возвращающуюся курильщицу кто-то из хвоста очереди. – Мы уже сорок минут здесь стоим!!

Голос мужской, но бесцветный. Хлюпик. Наверное, какой-нибудь младший менеджер, да и дома, точно, сидит у своей половины под каблуком ... Сейчас, она его...

– Кто же виноват, что вам всем после пяти приспичило! Мы же не можем разорваться, врачи -тоже люди! Утром бы приходили – народу почти нет!

– Утром я на работе!

– Я тоже! И не мешайте мне ее делать!

Протиснулась за перегородку, демонстративно клацнула задвижкой. Впрочем, чего я на нее взелся? Тоже, небось, жизнь не сахар. Переться после работы через всю Москву в душной подземке, полчаса ждать автобуса, а потом еще час трястись в нем, полном полупьяных пристающих хамов. Зато дома она наверняка преобразается. Любит какого-нибудь беспородного лопухого щенка, всегда помогает подругам, если что. Да еще весь подъезд ходит к ней померить давление, укольчик сделать – что я не знаю, как это бывает... И судачат старушки на скамеечке у подъезда:

– А наша-то Танечка – человек добрый, душевный... Вчера сделала мне укол, так я даже и не почувствовала, не то, что этот коновал из районной!

Интересно, что бы они про нас сказали?

Мы, конечно, не делаем из диабетиков и гипертоников тотальных здоровяков, больше всего похожих на космонавтов перед последним медосмотром. Не умеем потому что. Да и не надо это, а то бы обязательно нашелся какой-нибудь умник, заглянул в статистику, сложил бы два и два, умножил на гонорар и... Не успеешь глазом моргнуть – разворот в «Мегаполис-Экспрессе», заголовок аршинными буквами: «Эпидемия выздоровлений! Врачи не верят фактам», снизу мелко: «Наш спецкорр в зоне абсолютного здоровья».

А такая реклама нам не нужна. Проект еще только вышел из пеленок, пока всего двадцать шесть хилеров зарегистрировано, а семеро из них уже исчерпали резерв, так что... А если тайна вскрыется? На всех нас просто не хватит. Не всеильные же, не Боги. А как людям объяснишь?

Вот и дежури по поликлиникам. Полегонечку подлечиваем: кому-то сердце, кому почки, печень, ноги, спину... Сегодня в Братеево, завтра на Дмитровке, через неделю, вообще, где-нибудь в Капотне.

Почему в поликлинике, спросите? Так это легко. Да

Художник Татьяна Кулешова.

более подходящее место для нашей работы даже и искать бесполезно! Все так идеально складывается. Никаких тайн, никаких аномальных явлений. А если и случилось чудесное выздоровление, есть на что списать. Смотрите. Походил пациент в поликлинику, поторчал в очередях, вырвал с боем карту, пробился к врачу, выскреб зубами рецепт – и, пожалуйста! Лучше чувствовать себя стал, боли прошли, не кашляет. За счет чего, спрашивается? Правильно, помогло лечение, процедуры, хорошие лекарства, наконец, купленные за бешеные деньги.

– Какая разница найду я Вам карту или нет!? Без пяти семь уже! На часы посмотрите!! Ни один врач Вас не примет. Все!! Мы закрываемся.

Сухим щелчком хлопнули створки жалюзи на окошке регистратуры. Распаленная очередь еще продолжала воевать, однако люди из хвоста уже обреченно потянулись к выходу.

Ну, вот и все – можно домой. Только заскочу резерв проверить. Да и цветы Ирке надо купить – три года знакомства завтра, попышнее бы обставить, а то опять обидится.

Резерв – штука такая, с ней лучше не шутить, а то сам в одночасье ноги протянешь. За подробностями опять же к научникам, а я постараюсь по-простому объяснить. Возможности хилера не безграничны. Даже наоборот, очень даже и конечны, вон уже семеро наших в Отстойнике навсегда замариновались. Хилер – как бы человек с очень большим запасом здоровья. Хилера почти невозможно убить – разве что расчленив на куски и раскидать в разные стороны. Или взорвать, например. Одного нашего, говорят, у пожарных нашли, он весь медалями обвешан был – человек тридцать на пожаре спас. И все удивлялись – как это так: парень в огне минут по пять пропадает, а возвращается – ни следа ожогов?

Мы никогда не болеем, почти не устаем, в нашей крови дохнет вся болезнетворная пакость, любая рана заживает в секунды. Ирка; помнится, до смерти перепугалась, когда я руку на пикнике порезал. Собралась меня чуть ли не в реанимацию везти, еле отговорил. Зато после того, как на ее глазах затянулась рана, многое объяснить пришлось. Главного только я ей не сказал. Правильно, думаю. Ну, были проблемы с печенью, ну, прошли сами собой – с кем не бывает! Молодой, здоровый организм справился с болезнью. Пусть так и дальше думает...

Ведь хилер не просто сам здоров как бык. Он еще всем этим и с другими поделиться может, если обучен, конечно. И главное тут – не переборщить. Не отдать слишком много, а то и самому не останется, и как спидозник скопытишься в момент от первого же сквозняка или пореза. Телеграф слухов доносит, что были уже такие случаи, вроде как во Владике и еще на Севере где-то, в Мурманске что ли... Там аппаратура похуже, чем в столице, вот и не уследили ребята – вокруг столько больных людей, они просто помочь хотели, всем...

Так что за резервом следить надо, неровен час – исчерпашь, тогда все, прямая дорога на пенсию.

Стеклопанель крестовина вынесла меня на улицу. Сразу навалилась безысходная жара, придавила к земле. Душный, наполненный пылью воздух, казалось, стоял неподвижно, люди с безумными глазами рассекали его, будто осязаемую преграду. Ладно, метро здесь недалеко. Через площадь перейду – и в переход.

Внизу стоял гулкий неумолчный шум. Десятки веселых студентов шумно покупали пиво. Продавец пиратских видеокассет, пряча глаза, втолковывал какому-то лоху, что «вот это самый последний хит». Стайка девчонок с роликками через плечо, над чем-то громко смеясь, не преминули смерть меня оценивающим взглядом. Крепкий парень в металлистическом прикиде обиженно гудел в трубку: «Я тебя уже полчаса жду!».

Рядом с ним лихорадочно рылся в потрепанной записной книжке шупловатый подросток, пытаясь одновременно воткнуть в приемное гнездо телефонную карточку. Получалось плохо. С другой стороны тянулся ряд аляповатых палаток. В них продавали все, в основном – плохое, дешевое и китайское. Ага. Вот и цветочный...

Я начал проталкиваться к заставленному жестяными вазочками прилавку. Одуревшая от жары продавщица пшикала из пульверизатора на букеты и на себя.

– О-о! Пардон...

Неудачно получилось, на витрину отвлекся – Ирка хризантемы лобит, а их здесь я чего-то не вижу... Извини, парень.

Чернявый кавказский красавец сверкнул белоснежными зубами из курчавой бородищи:

– Ничего.

Забавный у парня пакет, огромный, весь белый, лишь в верхнем углу, почти у ручек, изображение двух скалящихся шахматных коней. Веселые такие лошадки, черные с огненно-красными глазами...

Когда из перехода гуськом потянулись вымазанные в саже оранжевые робы спасателей с носилками, журналисты, растолкнув немногочисленный омовский заслон, рванулись к ним с микрофонами.

– Сколько жертв?

– Убитые есть? Сколько раненных в критическом..? Довезете?

Эмчасовцы хмуро и устало смотрели из-под потных челонок и почерневших от копоти касок, молчали. Журналисты настаивали, напирали, тыкали объективами камер прямо в носилки, крупным планом выдавая в эфир перепуганные лица жертв. Кто-то из известных телекомментаторов уже нудно бубнил в микрофон о разгуле террора и призывал президента выполнить, наконец, свою обещанную угрозу.

Вдруг журналистская братия хищно метнулась в сторону: появился пресс-секретарь мэрии. Этот уж молчать не будет. И точно, мягким баритоном зарокотал хорошо поставленный голос уверенного в себе и в «озвучиваемых» текстах человека:

– ...семнадцать легкораненых, трое от госпитализации отказались, двое с ожогами средней тяжести и один в тяжелом, почти критическом состоянии. Жертв нет. Террористы рассчитывали запугать население нашего города...

Никто и не замечал, как с величайшими предосторожностями по залитым углекислотной пеной ступенькам осторожно передают с рук на руки страшный предмет. Спасателям пришлось врезаться оплывший восковыми каплями пластик прилавка. Бесформенный кусок когда-то красивой цветочной палатки, отдаленно напоминающий контуры человеческого тела, спешно грузили в реанимацию, когда кто-то из медиков рассыпал сдавленный шепот.

– Тихо! – крикнул он. – Тихо. Он хочет что-то сказать.

Запекшиеся, почерневшие губы бессильно кривились, но из горла наружу рвался все тот же вопрос:

– Сколько погибших?

Пожилой медик потемнел лицом, едва не уронил носилки от неожиданности.

– Успокойтесь. Все в порядке. Все живы. И Вас сейчас в Ожоговый привезем. Там Вас починят, не волнуйтесь...

– Хоро... шо, – неслышно шептал раненый, – что... хватило... на всех... у меня... всего... семь метров...

Владимир БУЛАВИН

ПРИНЦ ИЗ РОДА ВАЛУА? (История «Портрета мужчины в берете»)

В мае 1945 года Советский Союз победоносно завершил войну с фашистской Германией. Уже через несколько месяцев в Государственном Эрмитаже началась работа по восстановлению экспозиции. Но даже в эти напряжённые дни дирекция Эрмитажа нашла возможность выслать в Свердловск посылку с художественными произведениями в адрес местной Картинной галереи, где в течение всех пяти военных лет Эрмитаж хранил свои художественные сокровища.

Прибыли двенадцать произведений западноевропейской живописи. Среди них находился холст неизвестного художника «Портрет мужчины в берете» (в инвентарной карточке было обозначено – школы французского художника 2-ой пол. XVI в. Франсуа Клуэ). Технические данные: холст, масло, размеры 35,5х31,5, некоторые дополнительные сведения в различных записях, наклейках с обратной стороны подрамника, различные инвентарные номера, краткое описание изображённого человека. (См. портрет на 3-й стр. обложки).

В 1956 году полотно было отреставрировано и переведено на новый холст, но каких-либо других подробностей о реставрации не сообщалось. Она проходила в Москве в Государственных Центральных художественно-реставрационных мастерских им. И.Э. Грабаря.

Долгие годы пролежал портрет, то появляясь в экспозиции западноевропейского отдела Галерей, то вновь исчезая в запасниках.

В 1970-х годах в Галерею прибыли молодые сотрудники с университетским образованием, тогда и началась серьёзная научная работа по изучению фондов. И один из новичков обратился к портрету мужчины в берете.

При внимательном рассмотрении выяснилось множество неучтённых ранее любопытных подробностей. Так, на обратной стороне подрамника находились несколько бумажных наклеек, написанных поблекшими чернилами или синим карандашом: на одной просматривалось слово «Кремль II пол»; на другой – множество цифр.

Внизу, на нижней части подрамника оттиснута на дереве небольшая, с 10-ти копеечную современную монетку печать с изображением загадочной геральдической короны (требуется расшифровка печати). Но самое неожиданное произошло во время осмотра холста: выяснилось, что портрет был обрезан со всех сторон, а с левой загнут за подрамник. Опытный реставратор разогнул бы старый холст и лишь потом наклеил бы на новую основу. Но этого не произошло и несколько сантиметров драгоценного авторского холста было «съедено»: фактически размер холста должен быть 39х31,5 см. При таком размере композиция портрета, конечно, была бы иной, и сохранился бы авторский размер холста.

Георги II. 1559 г.

Что же представляет из себя изображение на лицевой стороне?

Его правильнее было бы назвать не «портретом мужчины в берете», а портретом молодого человека в возрасте 20-ти лет. На нейтральном тёмном фоне погрудное изображение молодого человека в чёрном камзоле с высоко поднятым и наглухо закрытым воротником, отороченным тонким кружевом фрезы (прообраз «жабо»).

От подбородка на грудь спускается золотой шнурок и целый ряд золотых пуговиц. На голове, на гладко зачёсанных тёмных волосах, лежит чёрный бархатный берет, также отороченный витой золотой нитью по всей окружности. С левой стороны берета укреплены несколько страусиных перьев с застёжкой-фибулой овальной формы из золота, на которой виднеется рельеф античной богини Афины с копьём и щитом.

Лицо повернуто на три четверти вправо. Под верхней губой и на подбородке следы усов и бороды. Губы мягко изогнуты в форме лука. Нос прямой, глаза тёмно серые, брови красиво очерчены. Изображенный держится строго и скованно: как человек, привыкший повелевать.

Кстати, почти все герои портретов придворного живописца Франсуа Клуэ так и «ведут» себя: гордо, надменно, аристократично.

Дальнейшая история изучения и исследования портрета по-прежнему полна загадочности и неожиданностей.

Ещё в конце 1970-х мне довелось встретиться в Москве с выдающимся советским учёным и искусствоведом Виктором Никитичем Лазаревым, и в беседе с ним я упомянул о портрете французского живописца XVI века Франсуа Клуэ (точнее сказать, о школе этого художника, так как подлинность его происхождения ещё оспаривается) под названием «Портрет мужчины в берете».

Оказалось, что этот портрет знаком Виктору Никитичу, он видел его, когда в 1929 году был научным сотрудником московского Музея изящных искусств (ныне Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина).

— Я припоминаю этот портрет, — говорил он, — держал его в руках, даже мелькала мысль, а не связан ли портрет неизвестного молодого человека с именем Франсуа Клуэ и не является ли он каким-нибудь королевским принцем... но что-то помешало тогда в работе.

Вот так с лёгкой руки учёного и вышло имя «принца».

Теперь несколько слов о самом живописце.

Точно не известно, когда он родился: то ли в 1515-м, то ли в 1520-м годах. Первым учителем юного художника был его отец — Жан Клуэ, проживавший в древнем французском городе Тур и считавшийся потомственным живописцем при дворе короля Франциска I. Мальчик с детства приучился работать возле отца, помогал ему при создании заказных портретов, (вполне возможно, что в работе над портретом короля Франциска I отцу помогал и Франсуа-сын). Это было в 1525 году, и мальчику могло быть тогда 10 лет.

В 1529 году семья Клуэ переехала в Париж. К этому времени Франсуа уже вступил в пору своего расцвета. О его рисунках и портретах заговорили. В 1547 году умирает король Франциск I, на его место взошёл Генрих II со своей женой Екатериной Медичи. При них сильно меняется общественное

Портрет Франциска II (сына Генриха II). 1553. 11 лет.
Королем станет в 1559 году, а уже в 1560 -умрет.

и социальное положение Франсуа. Он становится придворным живописцем, создаёт карандашные рисунки детей короля: принцев-дофинов Франциска, Карла, дочерей Елизаветы и Маргариты, пишет маслом портреты герцогов, вельмож, придворных. Словом, делает блестящую карьеру.

С 1551 года он назначается на должность комиссара Шатле, руководит Монетным двором. После недавней смерти отца он является владельцем художественной мастерской, торгует картинами. У него много учеников: можно уверенно предположить, что портрет нашего принца вышел из мастерской Франсуа, а если немного пофантазировать, то можно даже сказать, что его могла касаться рука самого художника.

Особую значимость для творчества Франсуа представляет период 1550-1560-х годов. Он работает в жанре карандашного рисунка и, в частности, детского. В эти годы художник стремится сблизить карандашный портрет с живописным, создаёт вполне самостоятельные законченные произведения.

Где же искать следы нашего «принца»?

Попробуем последовательно расставить всех возможных претендентов — представителей семейства Валуа. Франсуа работал при трех королях — Генрихе II, Франциске II, Карле IX.

Поэтому начнем наш поиск с Генриха II — при нем художник стал семейным биографом всего королевского рода Валуа.

Сделаю небольшое отступление. В 2002 году, в ноябре месяца я посетил Францию. Меня представили заведующей отделом западноевропейского искусства Лувра мадам Малике Дорбани. Четыре дня я провёл в музее Лувра, работая с материалами, посвящёнными творчеству Франсуа Клуэ.

Удалось найти несколько снимков с изображениями короля Генриха II и среди них рисунок неизвестного мастера «Аноним 1550» под названием «Портрет Генриха II» (1541) из музея Конде в Шантильи, а также рисунок Франсуа Клуэ, написанный для Дианы де Пуатье, герцогини Валентинуа – фаворитки королей Франциска I и Генриха II).

Другой снимок с рисунка Франсуа Клуэ – «Портрет короля Генриха II» (1559) в погрудном изображении находится в Петербурге, в Государственном Эрмитаже. На его основе художник пишет большой парадный портрет короля в полный рост, на фоне кабинетного интерьера, находящийся в знаменитой галерее Уффици, во Флоренции.

Какая ужасная смерть ожидала этого человека! Буквально через несколько дней после окончания портрета, во время рыцарского турнира в поединке короля с вассалом, тяжёлое корьё последнего попадёт Генриху прямо в глаз. Рана окажется смертельной. Любопытно, что эту трагедию предсказывал королю известный прорицатель Нострадамус.

Долго я всматривался в изображения короля, пытаюсь увидеть в его облике знакомые черты нашего «принца». Но увидел лишь смертельно уставшего человека, наглухо закрытого в роскошный костюм, шею и грудь которого украшали тяжёлые и дорогие золотые цепи. Какое-то предчувствие неизбежного рока сквозит во всей его фигуре.

Генрих II сыграл большую роль в жизни придворного художника Франсуа Клуэ. Жена Генриха – Екатерина Медичи безумно обожала своего живописца, собирала все рисунки, выходявшие из-под его руки. В её собрании находилось более 500 листов, львиную долю которых составляли произведения Франсуа.

Если можно было бы хоть краешком глаза увидеть эту коллекцию Екатерины, то я не сомневаюсь, что нашёл бы там и рисунок нашего «принца». Но увы, после смерти Екатерины весь её сундук, набитый рисунками, в XVII веке был растащен по частям. Большая часть наследия попала в Англию (Британский Музей), в Национальную библиотеку Франции (Париж), в Кабинет гравюры (Лувр), в Музей Конде (Шантильи), часть хранится в Эрмитаже (С.-Петербург), в музеях Италии и др.

Более убедительные доказательства сходства нашего «принца» с представителями королевской династии Валуа я увидел в очередном рисунке – старшего сына Генриха, дофина Франциска, созданном уже известным нам «Анонимом 1550». Запечатлен он в возрасте 4-х лет в 1546 году (музей Конде, Шантильи).

Пристально всматриваясь в его личико, я вдруг почувствовал едва уловимое сходство этого ребёнка с нашим «принцем», несмотря на разницу в возрасте.

Через некоторое время мне нашли ещё один портретный рисунок дофина-принца Франциска в возрасте 11 лет, созданный Франсуа в 1553 году (находится в Париже, в Национальной библиотеке). Видимо, на основе этого рисунка Франсуа несколько лет спустя написал живописный (или литографский) портрет, хранящийся в Версале...

*Франсуа Клуэ. Портрет Карла IX .x., м.
Версаль. 1572.*

Я не могу достоверно утверждать, что наш «принц» происходит из рода Валуа. Но могу твердо сказать, что в лице дофина Франциска много схожего с нашим «принцем»: те же губы в форме «охотничьего лука», тот же характер бровей и форма ушей.

Однако более всего в количественном отношении было создано рисунков-портретов младшего сына Генриха II – будущего короля Франции Карла IX. Заведующая отделом мадам Малика Дорбани утверждает, что ей известно более 30 живописных и около 150 графических произведений Франсуа, среди которых большую часть могут составить работы, посвящённые Карлу IX, прожившему всего 24 года.

Итогом последних лет жизни самого художника (он умрёт в 1572 году после страшной бойни, устроенной на его глазах королём, когда Карл лично будет убивать своих противников из аркебузы) станет портрет короля, последний в жизни великого художника. Из тёмной мрачной черноты фона, в черном костюме выделяется из мрака бездны, обрамленное вспененной кружевной фрезой – воротником лицо Карла с горящими от злобы и ужаса глазами – оттого, что он только что натворил со своим народом.

В каждом из просмотренных нами портретов французских королей Франсуа тщательно фиксировал особенности натуры представителей династии Валуа, начиная с их детства и до старости. Существуют в человеке такие черты его внешности, которые остаются с ним навсегда, не изменяясь.

Мы же искали эти черты в нашем «принце», чтобы сказать, наконец, определено: да, наш принц – из династии Валуа.

УРАЛЬСКИЙ
снеговик

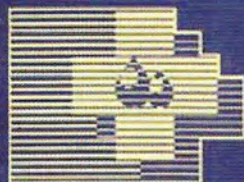

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

Хочешь двигаться - ищи попутчика!

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

**ХИМТЕХ
СТРОЙ**

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР